

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Л. Михащенко

**ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Учебное пособие
для студентов университета

Курган 2005

УДК 37.01

ББК 433 / 2 Рос/

М 69

Р е ц е н з е н т ы

кафедра педагогики института педагогики и психологии при Челябинском государственном университете (директор - д-р пед. наук, проф. С.А. Репин); д-р ист. наук, профессор Курганского института повышения квалификации и переподготовки работников образования Л.Ю. Зайцева.

Печатается по решению методического совета Курганского госуниверситета.

Научный редактор – д-р пед. наук, профессор В.Л. Савиных.

Консультант по вопросам православия и истории духовного образования владыка Михаил, епископ Курганский и Шадринский.

М 69 Михащенко А.Л. Духовное образование в Российской империи: Учебное пособие для студентов университета. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. - с.

В пособии раскрываются исторические предпосылки зарождения церковных школ; содержание образовательных проектов и педагогический мысли XVI – XVIII вв.; обучение в различных типах учебных заведений, руководимых духовенством; состояние и работа школ, подведомственных Синоду в XIX – начале XX века.

Подготовлено в соответствии с учебными планами университетов, предусматривающих изучение истории образования по педагогическим специальностям.

Библиограф.– 106 назв.

УДК 37.01

ББК 433 / 2 Рос/

ISBN 5-86328-783-7

© Михащенко А.Л., 2005

©Курганский
государственный
университет, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
Глава первая. Исторические предпосылки зарождения духовных школ	
1.1. Христианизация восточно-славянского общества	5
1.2. Монастырские и церковные школы на Руси	11
1.3. Библейские основы российской педагогики	27
Вопросы и задания	35
Литература для самостоятельной работы	35
Глава вторая. Духовное образование в XVI-XVIII веках	
2.1. Образовательные проекты и педагогическая мысль	36
2.2. Школы церковных братств	49
2.3. Образовательная деятельность духовенства	55
2.4. Зарождение и развитие духовных академий	61
2.5. Становление и развитие низших и средних духовных школ	71
Вопросы и задания	95
Литература для самостоятельной работы	96
Глава третья. Состояние образования в школах, подведомственных Синоду, в XIX - начале XX века	
3.1. Открытие и работа церковно-приходских школ	96
3.2. Организация и функционирование школ грамоты	114
3.3. Учреждение конфессиональных и миссионерских школ	123
3.4. Реформы духовных учебных заведений	140
Вопросы и задания	154
Литература для самостоятельной работы	154
Заключение	155
Примечания	156
Приложения	161

ВВЕДЕНИЕ

В образовании и просвещении российского народа определенное место занимают духовные школы. В XII – XIX вв. они сыграли большую роль в распространении грамотности. Отношение различных социальных слоев населения к школам духовного ведомства отличалось неоднозначностью суждений. Были сторонники и противники такой формы обучения, а также представители «центристских» взглядов.

К первой категории относились священнослужители, в том числе протоиереи П. Смирнов; светские чиновники и деятели народного образования Н.М. Горбов, Н.И. Ильминский, С.И. Миропольский, К.П. Победоносцев, С.А. Рачинский, Д.А. Толстой и др. Сторонники церковно-приходских школ преувеличивали религиозность русского народа и значение, в связи с этим, богослужбной стороны при обучении, церковно-славянского языка, церковного пения. Они утверждали, что такая школа в высшей степени «национальная и воспитательная».

Среди тех, кто критически относился к церковно-приходской школе и отстаивал естественнонаучные знания, были Н.Ф. Бунаков, В.П. Вахтеров, Н.А. Корф, Д.И. Тихомиров, Л.Н. Толстой и др. Они предлагали в процессе обучения обращаться к опыту, отвергать априорные утверждения, а вместе с ними и религиозно-идеалистические объяснения мира, истории его возникновения и развития. Противники церковно-приходской школы настаивали на необходимости ликвидировать разрыв между наукой и учебными предметами, наукой и жизнью, теорией и практикой.

Всестороннюю оценку деятельности начальных народных школ Синода дали центристы Г.Е. Жураковский, П.Ф. Каптерев, К.Д. Ушинский, Ф.Ф. Шамахов, В.И. Шемякин. Они отразили положительные и отрицательные стороны церковно-приходских школ Российской империи, показали роль церкви и монастырей в просвещении простого народа.

Историки педагогики советского периода Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский, М.Ф. Шабаева и другие характеризовали начальные народные школы духовного ведомства лишь в негативном ракурсе, основанном на феноменологическом подходе. Их ретроспективный анализ сводился к однозначной оценке, обусловленной политической тенденциозностью. Церковно-приходские школы считали самым худшим типом начальной школы (без упоминания некоторых положительных сторон), о духовных академиях и семинариях давалась минимальная информация. В учебных пособиях не говорилось о том, что в духовных школах учились известные русские ученые и деятели культуры (Ломоносов, Баженов, Барсов, Мерзляков, изобретатель радио По-

пов и др.); замалчивалась судьба выпускников духовных академий и семинарий, работавших в комиссии по учреждению народных училищ, в коллегии иностранных дел, русских миссиях на территориях иностранных государств, в европейских университетах.

Цель данного учебного пособия заключается в реальном отражении особенностей работы духовных школ, к которым относились духовные академии, архиерейские школы и семинарии, церковно-приходские училища и школы грамоты (находились в ведении Синода). Задачи – раскрыть предпосылки зарождения образования в Российской империи, показать роль первых духовных академий в распространении грамотности, осветить значение духовных семинарий и церковно-приходских школ в просвещении крестьянства и приобщении детей к различным ремеслам.

Учебное пособие лишено политической конъюнктуры, апологетики и очернительства, односторонности и однозначности в оценке явлений и фактов. Содержание книги освещает историческую действительность без различных домыслов и субъективизма.

Книга состоит из трех глав, включающих тринадцать параграфов, вопросы и задания, литературу для самостоятельной работы. В приложении представлены материалы, характеризующие состояние духовных школ.

При разработке учебного пособия использовались дореволюционные российские журналы «Народное образование», «Русское богатство», «Русский начальный учитель», «Русская школа»; отчеты о состоянии церковно-приходских школ и статистические сборники; работы В. Арефьева, Н. Бунакова, В. Григорьева, П. Каптерева, А. Лиховицкого, Г. Маляревского, Е. Медынского, П. Пекарского, В. Попова, И. Посошкова, С. Смирнова, В. Татищева; документы государственного архива Курганской области; работы авторов постсоветского периода А.М. Васильевой, Е.А. Плеханова, О.Поповой, В.А. Федорова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

1.1. Христианизация восточно-славянского общества

Развитие народного образования у восточных славян связано с христианством как одной из форм общественного сознания. Эта мировая религия возникла во второй половине I века н.э. в восточных провинциях Римской империи в условиях резкого обострения социальных противоречий. Тяжелый социальный и политический гнет, крайнее беспра-

вие вызвали массовые восстания рабов, свободной бедноты, покоренных народов. После подавления Римом народных движений начала I века н.э. широкое распространение получили настроения депрессии, отчаяния, бесильной ненависти к угнетателям. Незрелость, слабость движения масс обусловили широкое распространение религиозной фантастики. Бунтарские идеи проступали в сумбуре видений, пророчеств, и в сознании угнетенных возникла надежда на сверхъестественное избавление. Выход был найден в области религии. Появившееся христианство, как писал Ф. Энгельс, создало небо и ад, обещая «страждущим» после смерти вечный рай. Новая универсальная религия впервые обратилась ко всем социальным слоям независимо от того, к какой народности Римской империи они принадлежали, в том числе и к рабам. Христианство провозгласило равенство всех людей (в виде равенства их перед Богом), обещая им избавления от всех бед в потустороннем мире.

У древних славян существовало языческое мировоззрение, сущность которого заключалась в поклонении разнообразным богам и богиням. На первом месте среди них стоял Перун – бог грома и молнии, бог дождя. Бог солнца имел несколько названий: Дажь-бог, Купала, Хорс, Ярило. Стрибог был богом ветра, Волос (Велес) – богом кузнечного дела. Образование Древнерусского государства, объединившего восточно-славянские племена, сопровождалось попыткой великого киевского князя Владимира Святославича создать общегосударственный пантеон из божеств различных племен. У восточных славян существовали языческие святилища, особые служители языческого культа – волхвы. Усилить свою власть с помощью обязательного поклонения языческим богам князю Владимиру не удалось. Киевское государство нуждалось в религии, овящавшей новые феодальные порядки. Такой религией стало христианство.

У истоков распространения новой формы общественного сознания стояли просветители Кирилл и Мефодий, создавшие славянскую азбуку. В 863 г. они были направлены византийским императором в Моравию в целях проповеди христианства на славянском языке и оказания содействия моравскому князю Ростиславу, боровшемуся за независимость своей страны от посягательств немецких феодалов. Перед отъездом Кирилл создал славянскую азбуку и с помощью Мефодия перевел на славянский язык несколько богослужебных книг (избранные чтения из Евангелия, апостольские послания, Псалтырь и др.), ставших основой для создания подобных рукописей в Древней Руси.

Христианство пришло на Русь задолго до признания его официальной религией. В 866 г. в послании константинопольского патриарха уже констатировалось, что Русь «переменила эллинское нечистое учение на чистую и неподдельную христианскую веру». С начала X в. христианство было хорошо известно в Киеве. При заключении договора Игоря в 944 г. часть русских уполномоченных клялась по христианскому обряду, а часть – по языческому. Кня-

гиня Ольга была христианкой, а ее сын Святослав вместе с дружиной придерживался язычества. Однако государственной религией христианство стало в связи с принятием его в 988 – 989 гг. князем Владимиром Святославичем. В «Повести временных лет» говорилось, что он был рад, познав Бога, и поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна. По повелению Владимира церкви стали сооружать и в других городах, назначать в них попов, приводить людей на крещение со всех городов и сел. Параллельно с принятием христианства шло обучение чтению церковных книг. Киевский князь послал своих подчиненных набрать 300 детей для обучения грамоте (1). Среди них были мальчики из семей придворной знати, бояр, дружинников, городской аристократии. Именно этой знати нужно было «книжное учение» для осуществления внутренней и внешней политики развивающегося феодального государства. Дворцовая школа, учрежденная Владимиром Святославичем, была государственным учебным заведением господствующего класса феодалов.

Крещение Руси и распространение грамотности Владимир считал звеньями единой политики – укрепления государства при помощи административного аппарата. И князь, и церковь в равной степени были заинтересованы в подготовке грамотных людей, готовых к внушению народным массам представлений о божественном происхождении государственной власти. В школьном «строении» выражалось стремление феодальных верхов из идеологических соображений усилить влияние власти и новой религии на массы не только принуждением, но и педагогическими средствами, в силу чего школа со стороны князя Владимира получила активную поддержку.

Христианизация славян продолжалась и при правлении других киевских князей. Так, Ярослав Мудрый, сын Владимира Святославича, открыл школы «учения книжного», одна из которых – дворцовая, работала в прихрамовых помещениях Софийского собора. Князь активизировал деятельность по переводу византийских книг на славянский язык, создал библиотеку, ставшую учебной базой дворцовой школы. Особым постановлением Ярослав Мудрый назначил русским митрополитом киевского монаха Иллариона, усилив тем самым свое влияние на церковь.

Центром миссионерской деятельности по введению христианства в Древнерусском государстве был Киево-Печерский монастырь, взявший на себя ответственность за подготовку высшего русского духовенства. Игумен Феодосий лично подбирал молодых людей способных к книжному обучению. Постигнув грамоту, они переходили к самостоятельной работе с книгой. Самообразование завершалось коллективным обсуждением богословских тем в форме дискуссий. Руководил ими сам игумен Феодосий, посылавший иногда своих учеников, вооруженных знаниями основ христианской религии, к

киевским иноверам. Миссионерская деятельность Печерского монастыря была обусловлена реальной необходимостью – активизацией в формировании нового мировоззрения. Противники христианизации, называвшиеся волхвами, отстаивали язычество и поклонение своим богам. Апологеты вступали в религиозную полемику с церковниками и представителями власти. Нередко такие принципиальные споры переходили в восстания. Противоречия во взглядах с католическим духовенством породили церковный раскол 1054 года. Славянские проповедники христианства нуждались в глубоких знаниях трудов византийских «отцов церкви». Новокрещенные богослужители-оппоненты должны были разбираться в сущности христианской религии, в истории, логике, владеть риторским мастерством.

В 1073 – 1076 гг. в Киеве княжил Святослав Ярославич, ставший одним из составителей «Русской Правды». По его заказу были составлены Изборники Святослава, в которых наряду со сведениями по ботанике, зоологии, медицине, минералогии, космографии и логике имелись статьи церковно-богословского содержания. В частности, в «Изборнике Святослава 1073 г.» в краткой и доступной форме излагались основы религиозного вероучения. Новокрещеным христианам предлагались фрагменты из священного Писания, наставления и заповеди. В Изборнике 1076 г. содержался материал о «Премудростях Иисусова сына Сирахова», «Афанасиевы ответы», статьи о пользе чтения книг.

Книжное христианское учение стало важным средством совершенствования личности. Во многих древнерусских произведениях в той или иной степени затронуты вопросы полезности «книжного почитания». Педагогикой XI – XIII вв. усиленно разрабатывались стандарты поведения и нравственные идеалы для разных сословий. Это социальное разграничение подробно разработано в «Русской Правде», «Изборнике 1076 года», «Поучении детям Владимира Мономаха» и других произведениях. С помощью принципов христианской морали идеологи господствующего класса пытались мирным путем разрешить социальные конфликты, примирить противоречия между бедными и богатыми. В ряде рукописей, в частности, в «Изборнике 1076 года», в разных вариациях пропагандировалась взаимная любовь имущих и бедных (2).

Значительную роль в христианизации играла переводная византийская богослужебная литература. Наиболее любимыми и читаемыми книгами Древней Руси были «отречения», «сокровенная», апокрифическая литература. Последняя проникла к восточным славянам из Византии и с Востока. Апокрифы возникли в связи с недосказанностью и неясностью в Библии многих чрезвычайно интересных вещей и событий. Например, в евангелиях мало сказано о детстве Иисуса, его родителях, его деятельности до последних лет жизни; кратко изложено о блаженном состоянии Адама и Евы в раю, об искушении дьяволом, о жизни прародителей, изгнанных из рая. Довольно мрач-

ной представлена судьба человека: пришествие антихриста, страшный суд, райское блаженство праведных и мучения грешников. Все пробелы дополнялись апокрифами, дававшими разные подробности миротворения, сотворения ангелов и человека, судьбы первых людей. Новый предлагаемый материал повествовал об Аврааме, Моисее и Соломоне, о том, как люди приобрели первые знания; о зарождении искусства. Апокрифы рассказывали об убийстве Авеля Каином и о других событиях на темы Ветхого завета. В новозаветных дополнениях были представлены евангелия Иакова, Никодива, Фомы, а также путешествия, деяния и мучения апостолов, апокрифические апокалипсы типа «Хождения Богородицы по мукам» и др. В них с большими подробностями, неизвестным каноническим библейским книгам, излагалась история Иисуса Христа, Богоматери, апостолов, отражалось пришествие мессии, блаженство праведных и казнь грешников. Принятие русскими христианства, их набожность с отсутствием интереса к догматическому учению, способствовали проявлению повышенного интереса к апокрифической литературе. Они высоко ценили душеспасительное, божественное знание. Составители текстов писали в духе Библии, излагая ее содержание простым и в то же время важным многозначительным языком.

В связи с апокрифами были «назидательные священно-исторические сборники»: «Златоуст», «Измарагд», «Пролог», «Палая». В последнем содержалось изложение ветхозаветной истории, дополненное разными апокрифическими сказаниями. Толковая «Палая» читалась с большим интересом чем священное Писание. В «Прологе» содержалось указание памятей святых в порядке церковного календаря с житием греческих и русских святых, с разными назидательными повестями и поучениями. «Златоусты», «Златоструи», «Измарагды» и другие были сборниками всевозможных поучений и статей преимущественно Иоанна Златоуста, некоторых других отцов церкви, а также имелись поучения и статьи русского происхождения. Все эти произведения активно читались, оказывая большое влияние на мировоззрение набожных людей.

Введение христианства на Руси способствовало не только формированию нового религиозного мировоззрения, но и приобщению к светским знаниям. Источниками исторических сведений служили старинные «летописцы» и «хронографы». Большим почетом и широкой известностью на Руси пользовались исторические произведения – «Летописец эллинский и римский», составленный из двух византийских хроник в Болгарии, и «Хронограф», имеющий в основе также византийские хроники. Первые описания событий были составлены в Византии на основе библейских книг, сочинений античных авторов и местных историков, произведений отцов церкви. Византийский хронограф содержал в основном краткие летописи с сильной религиозной окраской.

Обычно в нем излагалась история Иудеи, Греции, Рима и Византии; сообщалась ветхозаветная и новозаветная история; повествовалось о четырех древних монархиях, рассказывалось о чудесах древнего мира и Троянской войне. В XII в. русская обработка «Хронографа» была использована при составлении «Повести временных лет».

Одним из видов пропагандистско-просветительного направления в области новой религии были записи священнослужителей о путешествиях по святым местам. В своих «хождениях» странники рассказывали об увиденном, о предметах их внимания и интереса. Весьма типичным является «Хождение» игумена Даниила (1106 – 1108 гг.), человека почитаемого и прекрасно знающего библейскую историю и апокрифы. Он точно и обстоятельно описал Иерусалим, святые места и предметы религиозного поклонения. Даниил дал описание вертепа и яслей, где родился Христос, пня дерева, из которого был сделан крест для его распятия. Путешественник рассказал о виденном жертвеннике Авраама, намеревавшегося принести в жертву Исаака; о камне, на котором Иаков увидел сновидение и боролся с ангелом. Игумен отметил, что на острове Крите, на высокой горе, он увидел великий крест, поставленный Еленой как орудие для защиты от нечистой силы и исцеления от любых недугов. В Законе божьем сказано: «Крест есть орудие или знамя победы христовой над грехом и смертью» (3). Даниил писал, что в праздник Пасхи свет небесный сходил к гробу Господню не в виде голубя или молнии, невидимо спускался с небес и зажигал «кандила» на гробе Господнем. От этого, как отметил игумен, он пришел в великий восторг.

Около 1200 г. другой путешественник, новгородский архиепископ Антоний, посетивший Константинополь, писал об увиденных им богатых храмах, памятниках ветхозаветной и новозаветной истории, мощах и других святынях; о трапезной, где Христос вечерял со своими учениками в великий четверг. В своем «Хождении» он рассказывал о пеленах христовых, золотых сосудах, принесенных в дар Иисусу волхвами, скрижалях Моисеева закона. Архиепископ довольно подробно повествовал о сверлах и пилах, которыми был сделан крест Господен; о венце, копье, гвоздях, трости, багрянице; о ризе и посохе Богородицы и других священных предметах. «Хождения» способствовали усвоению христианской религии, расширению кругозора населения Древнерусского государства.

Просвещение, связанное с христианством, распространялось медленно и в неодинаковой степени в разных слоях населения и в разных местностях страны. Первоначально новая религия была распространена на узкой полосе, прилегавшей к великому водному пути из Новгорода в Киев. К востоку же от Днепра, по Оке и Верхней Волге, даже в самом Ростове, несмотря на то, что туда доходила проповедь, христианство было распространено очень слабо.

Лишь постепенно зона его влияния расширялась. Культурное влияние новой религии в первую очередь сказывалось в городах и среди более знатной и богатой прослойки населения.

Понятие христианства иногда сопровождалось насильственными мерами, обусловленными неповиновением населения. Так, жители Мурома продолжительное время сопротивлялись принятию новой веры. В 1112 г. князь Константин подошел к Мурому с войском и послал сына Михаила к горожанам с предложением покориться и принять христианство. Муромцы убили парламента и выбросили тело за город. Тогда Константин решил взять Муром силой. Узнав о готовящемся наступлении, горожане решили принять князя, но заявили, что не примут крещения. Константин с войском мирно вошел в город, установил свое правление, а затем утвердил христианство и открыл школу для закрепления новой религии (4).

Принятие христианства на Руси обусловило превращение ее из раздробленных княжеств в единое русское государство; способствовало становлению феодального способа производства, освещая господство и подчинение, претендуя на незыблемость и справедливость классового эксплуататорского общества. Множество культов заменилось одним, относительно централизованной организацией священнослужителей. Единство религии с другими странами Европы делало Древнерусское государство частью мирового христианского сообщества, сближало Русь с Византией – наиболее развитым феодальным государством Европы. Население Киевской Руси стало называться крестьянами. В этимологической основе нового слова лежали «христианин», «крест», «крещение».

Наряду с прямыми социальными, классовыми последствиями принятие христианства постепенно привело и к изменениям в культуре Древнерусского государства и ее обогащению. Получило распространение заимствованное из Византии искусство: живопись, архитектура, гимнография, а также письменность и письменная литература на близком к родному языке. Принятие восточными славянами новой веры способствовало зарождению храмовых школ, первых государственных образовательных учреждений в истории России.

1.2. Монастырские и церковные школы на Руси

Монастыри как основная форма организации религиозной жизни монашества в христианстве, индуизме, исламе и буддизме зародились в Египте в первом тысячелетии до новой эры. Затем они стали важной хозяйственно-экономической базой феодальной системы на востоке и в Западной Европе.

Христианские монастыри во главе с игуменом, сохраняя автономию, обр-азовывали уже в IV в. подобие позднейшей конгломерации: игумены съез-жались на общий совет по несколько раз в год, принимали согласованные решения. В монастырях поддерживалась почти военная дисциплина. Монахи составляли «компании», во главе которых стояли деканы. Каждые десять ком-паний составляли дивизион. Вся жизнь монастырей регламентировалась ус-тавом. Древнейшие из них приписывают Пахомию, его ученикам – Шенуди, Макарию Александрийскому, Василию Великому. В результате иконоборче-ства бежавшие от преследований монахи образовали своеобразную «мона-шескую республику» на скалах полуострова Афон, ставшую с X в. главным центром православного (греко-византийского) монашества. В 962 – 1542 гг. здесь было основано около 200 монастырей. Свою автономию Афон сохра-нил и тогда, когда ему пришлось формально подчиниться власти константи-нопольского патриарха (около 1000 г.). С Афоном в значительной степени связано и распространением в X в. православных монастырей в Греции, Бол-гарии, Чехии, а также на Руси.

Христианские обители основывались вблизи городов князьями и бояря-ми, жаловавшими их землями, ссужавшими деньгами и представлявшими монастырям судебные и податные привилегии. Монастыри сыграли важную роль в укреплении и развитии феодальных отношений на Руси, в распростра-нении грамотности. В первые века после крещения Руси христианские обите-ли были рассадниками письменности, вели летописи, собирали библиотеки, организовывали школы.

Первое упоминание об обучении относится к 988 году, когда киевский князь Владимир Святославович (Святой) послал собирать у лучших людей детей и отдавать их в «обучение книжное». В «Истории Российской» В.Н. Татищев отметил, что митрополит Михаил советовал Владимиру открывать училище для утверждения веры. Князь повелел «собрать детей знатных, сред-них и убогих, раздавая по церквам священникам со причетники в научение книжное» (5).

Вместе с указанием крестить народ Владимир Святой повелел строить цер-кви в городах и селах, заводить школы по образцу греческих для обучения детей книжному чтению. Первая школа возникла в Киеве, где учителями слу-жили греки, привезенные великим князем из солнечной страны, а также бол-гарские славяне. У них уже прижились христианская вера и христианское про-свещение. Первыми книгами на Руси были привезенные из Болгарии и Гре-ции Священное Писание и богослужебные, переведенные с греческого на славянский язык Кириллом и Мефодием и их учениками.

У Владимира Святославовича было пять сыновей – Святополк, Борис, Глеб, Святослав, Ярослав. В борьбе за киевский престол старший из них, Свято-

полк, убил трех братьев и планировал устранить Ярослава, правившего Новгородом. В результате междоусобной борьбы Святополк, получивший прозвище «Окаянный», потерпел поражение, бежал в Польшу, а затем в Чехию, но в пути погиб. Ярослав объединил под своей властью почти все древнерусские земли (кроме Полоцка), стал усиленно насаждать христианство, строить церкви и монастыри. В 1030 г. он открыл школу в Новгороде, ставшую вторым учебным заведением на Руси. Главная задача новгородской школы состояла в подготовке грамотного городского управленческого аппарата и священников, деятельность которых проходила в сложной борьбе с сильными традициями языческой религии среди новгородцев и угро-финских племен, окружавших Новгород. Задача была успешно решена. Новгород позже стал центром русской культуры с широко развитым письменным делом. Грамотные священники, подготовленные в церковных и монастырских школах, обучили чтению и письму светских людей. Последние стали ремесленниками – «книжниками» (переписчиками книг) и учителями грамоты. Сотни берестяных грамот, найденных археологами, являются доказательством плодотворной деятельности первых школ. Новгородские грамоты – это записи политических новостей, протестов крестьян против феодальной эксплуатации, списки повинностей и обязательств, денежные документы и завещания, частные письма с бытовыми и хозяйственными вопросами, поручениями, описями конфликтов, любовные послания.

Ярослав Мудрый отстроил Киев, заложил церкви святой Софии и святой Богородицы, монастырь святого Георгия. Князь назначил русским митрополитом киевского монаха Иллариона, усилив тем самым свое влияние на церковь. В 1037 г., как отмечает летопись, Ярослав возводил в городах церкви и заставлял попов учить детей «понеже тем есть поручено богом» (6).

Киевский храм святой Софии, ставший главным сооружением Ярослава Мудрого, являлся резиденцией русских митрополитов, центром русского просвещения, средоточием политической и культурной жизни Руси. Здесь принимали иностранных послов, обучали грамоте в дворцовой школе, обособившейся в прихрамовых помещениях, велась интенсивная работа по переводу византийских и иных книг на славянский язык. С греческого на русский язык были переложены «История иудейской войны» И. Флавия, «Христианская топография К. Индикоплова», «Повесть об Акире Премудром», «Житие Василия Нового» и др.

В княжение Всеволода Ярославича церковные школы продолжали успешно развиваться, что было обусловлено глубокой заинтересованностью великого князя в распространении грамотности. Сам он был образованным человеком, знал пять иностранных языков, вместе с братьями утвердил «Правду Ярославичей». Всеволод заложил церковь святого Андрея, а затем построил

при ней женский монастырь. Первая дочь киевского князя Анна приняла постриг в инокини и развернула активную деятельность по просвещению девушек. В 1086 г. при Андреевском монастыре она основала женское училище, где около 300 «младых девиц» знакомились с основами христианской религии, обучались письму, пению, швейному делу, другим полезным ремеслам. В ученицах воспитывали трудолюбие и «воздержание любострастия в юности», Княжна-инокиня Анна Всеволодовна руководила монастырской школой в течение 26 лет. Это было первое женское общеобразовательное учебное заведение не только на Руси, но и в Европе (7).

В 992 г. на Руси были учреждены епископии (высшие церковные правления), оказавшие значительное влияние на распространение училищ. При каждой из них учреждали училище под надзором и руководством архиереев, подававших пример своей пастве. Первые митрополиты и епископы были людьми высокого образования, являлись устроителями и руководителями книжного учения на Руси. К этому их побуждал долг и прямые интересы церкви. В первой половине XI в. уже существовали Белгородская, Владимирская на Волыни, Новгородская, Ростовская и Черниговская епархии. Позже было учреждено несколько церковных округов: Тмутороканский (около 1068 г.), Переяславский и Юрьевский (1072 г.) Полоцкий (ок. 1105 г.), Туровский (1114), Смоленский (1137), Галицкий (1157), Рязанский (ок. 1207), Владимирский на Клязьме (1215) и Угровский (8).

В 1093 – 1097 гг. церковные школы по «научению грамоте» существовали во Владимире-Волынском, Киеве, Муроме, Переяславле, Суздале и Чернигове. В пригороде Полоцка княжеская дочь Евфросинья Полоцкая основала монастырь, а при нем мастерскую по переписке книг. В 1143 г. она открыла женское монастырское училище, приобщив к учительской работе сестру Градиславу, родственницу Коринию и Ольгу.

Ряд российских источников свидетельствуют о наличии в XII в. школ и в других городах – в Галице, Турове, Смоленске. Интересная информация содержится в «Житии Авраамия Смоленского», раскрывающем воспитательные возможности семьи и прилежание к учебе мальчика Авраамия. Он был не по годам серьезен, не играл с детьми, быстро научился читать, шел впереди всех на божественное и церковное пение. Больше всего любил читать учение преподобного Ефрема, проповедников Иоанна Златоуста и Федора Печерского. Авраамий стал одним из образованнейших людей в Смоленском княжестве, уделявшем много времени переписке книг и борьбе против врагов-игуменов (9).

В организации школ на Руси в X – XII вв. характерна совместная деятельность князей и церкви. Вместе с духовенством князья насаждали христианство, строили церкви, организовывали училища, превращая их в опорные

пункты своего влияния на массы. Князья давали предписания об открытии школ при церквях. Последние, в лице духовенства, организовывали школы с составом своих учителей, церковными книгами и всем внутренним укладом училищ определяли религиозный характер обучения и воспитания.

В церковные школы принимались мальчики 7-летнего возраста в течение всей зимы, но занятия преимущественно начинались с 1 декабря. Обучение было платным. Историк Н.М. Лавровский высказал предположение о том, что первые церковные школы были общежитиями, где дети, взятые из родительских домов, жили «совокупно». Он ссылаясь на выражения летописцев: «поимати дети», «дети отымати у нарочистых людей», «взимати младые дети»; приводил литературные источники, где говорилось о плаче матерей при расставании с детьми (10).

Главной целью первых училищ было изучение новокрещенными «слова Божия», подготовка священников и причетников для приходских церквей. Затем деятельность школ расширилась, и все желающие могли получать религиозно-нравственное образование. Изучались лишь те предметы, которые были непосредственно связаны с христианской верой: слово Божие, славянская грамота и письмо, церковное пение и греческий язык.

Сначала обучение касалось только детей и членов великокняжеской семьи, а затем по повелению князя должны были учиться дети бояр и лиц высшего сословия, приближенного к великому князю. В школах для простого народа обучали тех, кто готовился к работе священниками. Получив религиозно-нравственное образование, они, в свою очередь, обязаны были открывать школы при своих домах и обучать детей грамоте, содействовать распространению просвещения. В «Слове Даниила Заточника» (XII в.) указывалось, что грамотность была доступна простым людям мирского звания. Они, ознакомившись в школе с книжным делом, сами открывали училища и становились учителями. Многие из них вели подвижническую деятельность, получив звание мастера грамоты. Они обслуживали преимущественно сельских жителей, брали на учебу даже детей несвободного и «рабского происхождения».

Обучение грамоте начиналось с освоения азбуки-кириллицы и состояло в заучивании букв в алфавитном порядке – учитель произносил, а ученик вслед за ним повторял. Дети должны были освоить не только названия, но и начертание букв. Затем литеры сочетались в слоги и зачитывались, а после этого составлялись слова. Научившись этому, ученик получал книгу религиозно-нравственного содержания, по которой он совершенствовался в чтении.

Параллельно с чтением осваивалось и письмо, где в основе лежал наглядно-показательный метод. Он заключался в копировании букв оригинала. Письмо представляло особое искусство, к изучению и освоению которого относились очень тщательно. Обращалось внимание на то, чтобы писали прямо,

красиво, правильно употребляли буквы, строчные и надстрочные знаки. Пособием для изучения букв служили акростиhi, то есть специально подобранные изречения, каждое из которых начиналось с новой буквы алфавита. В житии святого Стефана Пермского есть указание, что Кирилл философ не только составил азбуку словенскую, но и сложил еще грамоту. В Псковском хронографе эта грамота названа литицей. Акростиhi и первое пособие по изучению грамоты в определенной степени способствовали освоению письма, однако создание текста требовало особого труда. Поэтому многие писцы на последнем листе в послесловии высказывали свою радость по случаю окончания работы, сравнивая себя с женихом, радующимся невесте, или с зайцем, избежавшим ловушки.

Обязательным предметом в курсе древней школы было церковное пение. Оно зародилось вместе с появлением новой веры и составило важную часть богослужения. Пению обучались не только будущие священники, но и светские лица, в том числе и князья. Так, Игорь Олегович был не только активным читателем книг, но и «в пении церковном учен». В походе на половцев (1111 г.) князь Владимир и попы пели перед полком тропари и кондакы Христа и канун Святой Богородицы. После победы над половцами Константин с Мстиславом Изяславичем пели благодарственные песни. В церковном пении принимал участие и простой народ, как это было, например, при перенесении мощей святых Бориса и Глеба, когда звучало многоголосие «Господи, помилуй». Учителями пения являлись болгары, а со времен Ярослава этим стали заниматься и греки. Ноты назывались знаменами и сначала изображались буквами, подобными греческими. Позже их заменили крюковые ноты, употреблявшиеся еще и в XX в. старообрядцами. На Руси были свои «песнопевцы» и слагатели духовных песен, такие как Георгий, творец канонов, Кирилл Туровский и др.

Среди первых русских общин, как отметил С.И. Миропольский, была церковь со священником и причтом, а затем и школа. При церкви образовывался приход с прихожанами. В больших городах и селениях имелось по несколько церквей и столько же приходов. Малые селения могли примыкать к этим церквям, и таким образом города и погосты становились церковными средоточиями для окружающих их селений. Русская община приняла на себя три святых церковных обязанности: попечение о церкви с причтом, заботу об училище для воспитания детей в духе церкви, попечение о бедных. Все эти три функции прихода находились в ведении духовной власти и совершались под ее руководством. Первая начальная школа на Руси была церковно-приходской, теснейшим образом связанной с общиной.

Кроме школ некоторое распространение получило индивидуальное обучение духовенством детей князей, дружинников, служителей церкви. Наряду

с чтением, письмом и счетом таких учеников знакомили с географией, историей, животным и растительным миром других стран. Достоверные сведения зачастую дополнялись фантастическими эпизодами и явлениями. Знания о зарубежных странах излагались в переводных с греческого языка и проникших в древнюю Русь через Болгарию рукописях: «Шестоднев» Василия Великого, «Физиолог», греческая хроника всемирной истории («Амартола»). Грамотность торговых людей, а тем более крестьянства, стояла на низком уровне. Все сделки заключались устно. Письменные обязательства, как это следует из Новгородской летописи 1209 г., появились в XIII веке.

Значительную работу по распространению христианства и просвещения проводили монастыри, учреждаемые высшей властью. Авторитетное значение обителей привлекало к ним князей и народ, располагало их к пожертвованиям. Так, Ярослав Изяславович жертвовал средства на обители в Деревьевской, Небольской и Лучской волостях, а также расположенные близ Киева. Князь Глеб с княжною выделили 60 гривен серебра и 50 гривен золота. Мстислав Владимирович предоставил монастырям даже свою дань. Каждый монастырь был пристанищем сирот, приютом для немощных, «питателем» бедных, школой для неграмотных. Здесь православный народ учился христианской вере и «книжному почитанию». В монастыри стремились лучшие духовные силы народа, его избранники, становившиеся затем его учителями.

Ревизор духовных школ С.И. Миропольский предположил, что сироты, проживавшие в монастырях, не только питались, но и обучались. Прежде всего их наставляли в православной вере, учили всему, что «полезно для спасения и нужно всякому христианину». Способных учили чтению книг, дабы сделать их участниками монастырского богослужения (11).

В X – XII вв. на Руси имелось свыше 50-ти монастырей, из них до 20 – в Новгороде, 14 – в Киеве. В обители стекались избранники, проникнутые духом христианского учения. По выражению Нестора, это были «светила, сиявшие на всю Русь». Они проводили время в молитвах, труде, «книжном почитании». Подвижники монастырей, проповедовавшие святое учение словом и делом, представляли народу высшие идеалы, имели влияние на него своими советами, молитвами, примерами. Древние монастыри, по словам русского историка М.П. Погодина, журналиста и публициста, представляли лучшую, светлую сторону русской жизни и дорогое достояние отечественной истории (12).

Особенно прославилась своими подвижниками и нравственным влиянием на русскую жизнь киевская Печерская обитель. Священнослужители, назначаемые из иноков, распространяли образование, а «каждая новая епархия становилась новым учебным округом, новый монастырь – гимназией, новая церковь – новым училищем». Каждый монастырь сам по себе был училищем, приютом грамотности, местом подготовки учителей, изготовле-

ния книг, инициатором открытия школ (13).

Правители древнерусских областей уделяли самое серьезное внимание работе обителей, характерным примером является деятельность галицкого князя Ярослава (1153 – 1187), одного из образованнейших русских князей, прозванного за свой ум «Осмомыслом», то есть смышленным, мудрым, при нём в Галицко-Волинском княжестве работали монастыри в 15 городах. В областях были открыты внешние школы, предназначенные для окрестного населения, что являлось нововведением. На Руси в этот период существовали лишь внутренние монастырские школы, где обучались только черноризцы, проживающие в обители. Князь Осмомысл заставил монастыри использовать часть своих прибылей на нужды школьного обучения детей, живущих за пределами монастырских стен. Обучение в Галицко-Волинском княжестве получило широкое распространение, о чём свидетельствуют археологические источники. При раскопках нашли писала в 11-ти городах, в том числе в Галиче, Звенигороде, Изяславле, Коломне и в других населенных пунктах (14).

В XII в. в г. Владимире при Рождественском монастыре функционировала школа повышенного образования, где работали русские и византийские педагоги. Князь Константин Всеволодович уделял большое внимание школьной библиотеке, имевшей манускрипты, переводные хронографы, различные документы прошлого, над которыми трудился он сам и другие заинтересованные люди. С конца XII в. монастырская школа превратилась в центр подготовки духовенства для Владимиро – Суздальского княжества. В 1214 г., по данным В.Н. Татищева, Константин заложил на своём дворе каменную церковь святой Богородицы, при которой затем открыл училище. В 1227 г. в Суздале начала работать женская монастырская школа. В течение 24-х лет ей руководила Евфросинья Суздальская.

Летописи и позднейшие авторские источники не упоминают (за редким исключением) о наличии школ при церквях и монастырях. Видимо, в ту пору училища при них являлись неотъемлемой необходимостью. Ничего не говорится о специальном строительстве школьных зданий. Редким явлением было учреждение женских монастырских школ, и поэтому хроникеры отмечали такие события особо, указывая организаторов и их вклад в дело образования.

Ряд фактов позволяют предположить наличие училищ при монастырях. Записи XI и XII вв. (граффити), найденные в Киевском Софийском соборе, повествуют о школе при нём, учителей и учениках. В средневековых записях сказано: «Месяца июня в 10-й день выгреб грамматика, а в 15-й отдали Лазарю». Исследователь С.А. Высоцкий предположил, что в граффити говорилось о найденных в соборе останках учителя, которые затем передали в монастырь игумену Лазарю. Грамматик, видимо, являлся одним из педагогов дворцовой школы «книжного учения» при храме. В «Житии Кирилла» говорится

о его воспитании и обучении в г. Турове, где он изучал божественное Писание. Этот предмет осваивали в школах повышенного типа, работавших при монастырях, где были сосредоточены библиотеки. В «Истории русской церкви» автора Макария повествуется об обучении будущего первого русского митрополита Петра. Сначала он учился медленно и без усердия, но потом так успешно, что превзошёл в учебе всех сверстников. В течение пяти лет, как полагают ученые, Пётр обучался в церковной школе. При достижении 12-летнего возраста он постригся в монахи. В XIII в. на Воьльни в г. Ратно Пётр основал монастырь. Его начитанность и ораторские способности способствовали быстрому продвижению по церковной иерархической лестнице. В 1308 г. царьградский патриарх Афанасий назначил Петра митрополитом Киевским и всея Руси (15).

Крупные монастыри были центрами подготовки образованного пополнения церковной иерархии. Они пытались установить свой надзор над духовной жизнью общества, не ограничиваясь чисто религиозной сферой, стремились охватить и политические отношения. Главенствующее положение в реализации данных задач занимал Киево-Печерский монастырь. Об этом красноречиво сказано в «Похвале Феодосию Печерскому»: «Лавра твоя славится тобою, и во всех концах Вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды на тверди церковной. . . Приходили в неё цари и поклонялись князья, покорялись вельможи» (16).

В 1068 г. Киево-Печерская обитель, а вслед за ней и другие переняли устав, заимствованный из Константинопольского монастыря. Разработанные идеологом монашества Фёдором Студитом правила предусматривали жизнь монахов в общежитии, обязательный физический труд, отречение от всякой собственности, строжайшую дисциплину, обучение иноков грамоте для углублённого познания божественного учения. В связи с переходом на Студийский устав в русских монастырях началось создание школ для обучения грамоте монахов. Процесс завершался самостоятельным чтением религиозных книг. С этой целью в обязанность игуменов входило создание библиотек для чтения. В пункте 26 Устава было отмечено, что в дни свободные от «телесных дел» книгохранитель подаёт звуковой сигнал, по которому монахи идут в книгохранительную комнату и берут книгу для чтения по вечерам. Через определённое время книжный приставник снова сигнализирует и черноризцы возвращают книги по записи, а вовремя не возвратившие подвергаются епитимии (17).

Крупные монастыри, находившиеся под покровительством князей и местной феодальной власти, сосредоточили в своих руках экономические средства. Обители владели обширными земельными угодьями, развивали ремесла, в том числе и книжное дело. В монастырских скрипториях осуществлялась литературно-редакторская работа, листовая орнаментация книг, чеканка се-

ребряных окладов, делались переплеты, создавались мастерские книжной миниатюры. Крупные обители являлись основными поставщиками книжной продукции для городских сословий.

Сущность воспитания в монастырских школах заключалась в наставлении монахов, в воздержании, смирении, бесстрастии телесном, покорности и безропотности, созерцании собственной души. Все это достигалось путём усердного молитвословия, постов, самоограничением и проповедью фантастических чудес и подвигов местных угодников. Принявший постриг вверялся старцу, который старался приучать его побеждать свои желания. Наставник преднамеренно создавал провоцирующие ситуации и приказывал иноку делать то, к чему у него не было расположения. Умертвление своей воли считалось источником всех добродетелей. Система воспитания монахов-учеников предусматривала их постоянную занятость каким-либо делом или молитвами. В соответствии с правилами иноки должны были молиться до 12-ти раз днём, вечером и ночью. За непослушание полагалось духовное наказание, а за более важные проступки – телесное.

В досоветской историографии монастыри считались ведущими организациями в создании первых школ и в распространении грамотности на Руси. В частности, апологет церковно-приходского обучения и автор работ о народной школе С.И. Миропольский отмечал: «Каждый монастырь сам по себе был училищем, приютом грамотности; каждый создавал учителей и вызывал устройство школ» (18). Однако исследования советских ученых показали, что школы имелись не при всех монастырях. Так, в малых обителях, насчитывающих от 2-х до 7-ми насельников, организованное групповое обучение отсутствовало. Обучение монахов в таких монастырях велось индивидуальным образом. Контингент обителей пополнялся за счёт городских и сельских низов. Обучение монахов в монастырских школах соединялось с ремесленным ученичеством, трудом на монастырских землях.

Обучение в церковных и монастырских школах было тесно связано с воспитанием. Главной целью училища, как отмечали историки досоветского периода, была не грамота, не книжность, а просвещение учащихся светом учения Христа; воспитание любви к православной церкви, послушание в соответствии с её заповедями, добрая жизнь по вере. Грамотность же служила лишь средством для достижения этой цели. Об идеале воспитания в древнерусской школе имеются сведения в летописях, завещаниях и древних поучениях пастырей. Сущность его характеризуется христиано-евангельской направленностью, где ценятся любовь и правда, верность и преданность воле Божьей, смирение и любовь к отечеству. Древнее воспитание зижделось на принципе: имеешь правую веру – защищай её и исповедуй. В основе нравственного воспитания лежал страх Божий. Его толковали как страх любви, лишённый

устрашения, являвшийся лучшим охранителем человека на жизненном пути. Важнейшими задачами воспитания было развитие в детях духа церковности, любви к богослужению, формирование навыка в исполнении церковных заповедей. «Не ленитесь к церкви ходити, – учил Лука Жидята, – на заутреню, и на обедню, и на вечерню. В церкви предстоите со страхом Божиим: не молви речи, но ни мысли, но мли Бога всею мыслью, да отдаст ти Бог грехи». Священник Кирилл Туровский хвалил и благословлял всех проходящих в церковь и просил их направлять в храм соседей, родных, жен и детей для прослушивания «душеполезных словес».

Древнерусский народ воспитывал в детях правдивость, искренность, честность в житейских отношениях, миролюбие и верность слову. Об этом сохранились высказывания Луки, Феодосия, Мономаха и др. Последний предложил правила благовоспитанности: старейшим подчиняться, мудрых слушать, при старых молчать, с равными и младшими «любовь имети», беседовать без лукавства и много думать. Князь Владимир Мономах советовал накормить и напоить любого странника, при необходимости утешить его в горе, любить людей всех национальностей. Глубокая вера восточных славян в провидение позволяла терпеливо переносить скоби и испытания, причиной которых, по их мнению, была греховность. Только молитвой, покаянием и исправлением можно было «отвратить гнев Божий». Это коренное воззрение народа передавалось воспитанием, высказывалось в летописях, поучениях и заветаниях. Наставники молодёжи советовали ничего не бояться, так как жизнь человека в руках Божьих и только он является Владыкой жизни и смерти; призывали заботиться прежде всего о своей душе, трудиться с верой в Бога, охраняющего нас.

Особое внимание древнерусские люди обращали на воспитание трудолюбия. Ленивый не желает овладеть знаниями и умениями, а если и умел это делать, то забудет, так поучал Мономах. Он же призывал молодежь не лениться в добрых делах, в посещении церкви, «да не застанет вас солнце в постели». Этим же правилам следовал Даниил Заточник, раскрывая молодёжи свое трудолюбие. Он не ездил «за море», не учился у философов, а постигал «сладость словесную и разум», как пчела, собирающая нектар. Постигание знаний, указывал Заточник, есть Божий промысел (19).

Древнерусское воспитание было высокопатриотическим, отражающим верность народу и своему князю. Митрополит Филарет сравнивал неверность князю с изменой жены мужу, с делом Иуды. Несмотря на междоусобицы и удельное время, русская земля, как заметил М.П. Погодин, была беспрестанно на устах у князей, духовенства и летописателей. Благородные идеи и чувства проявлялись преимущественно при мысли о всей Русской земле, единство которой всегда сознавали князья, несмотря на междоусобицы, доказы-

вая развитие в них гражданского чувства и любви к отечеству (20). Собираясь на битву с половцами, князья провозглашали: «Бог помощи за крестьян и за Русскую землю свои головы сложить и быть причисленными к мученикам». Смерть за отечество считалась славною смертью, исполнением долга перед родной землей. В таком духе крепкой любви к земле русской и готовности к самопожертвованию воспитывалась молодёжь в первых школах.

В XII в. в послании митрополита Никифора к Мономаху впервые были изложены психологические обоснования воспитания. Автор рассуждал о способностях души - разуме, чувстве, воле, о правильной деятельности пяти чувств. Разумом мы отличаемся от животных. Его неправильное употребление, отмечал Никифор, ведёт к падению, «пример – денница – ангел». Чувство выражается в «ревности к Богу и в неприязни к врагам Божиим». Неправильное владение чувством порождает злобу, зависть, своекорыстие. Воля проявляется в стремлении к Богу, в ожидании просвещения от него, в подавлении страданий через наслаждение весельем. Душа в теле, отмечал митрополит Никифор, как светлое око, наполняющее своей силой всё тело. Слугами души являются внешние чувства, которые должны быть здоровы, чисты и действовать правильно, в противном случае они могут приводить к заблуждению.

Значение древнерусской церковно-приходской школы, по оценке С.И. Миропольского, весьма велико. Русский народ получал в ней грамотность, воспитывалась любовь к православной церкви, верность князю и отечеству; формировался здоровый, правильный взгляд на жизнь; утверждались христианские понятия о правде, любви, послушании, о долге, совести и о высшем призвании человека. Свидетельствами высокой грамотности является множество письменных произведений, принадлежащих лицам всех званий и санов: князьям, митрополитам и епископам, архимандритам и монахам, боярам и простолюдинам. Сохранились летописи, сказания, законы, церковные уставы; грамоты княжеские, монашеские, «мирные»; торговые договоры, поучительные слова, рассуждения, жития, послания, описание странствий, вопросы и ответы о церковных предметах, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы. Кроме работ духовной и церковной словесности, есть и светские произведения: былины и песни, пословицы и поговорки, «Слово о полку Игореве» и «Слово Даниила Заточника» и др.

Таким образом, церковные и монастырские школы стали первой организационной формой обучения на Руси, где учили чтению, письму и церковному пению, воспитывали детей в духе христианского вероучения. Поступательный ход распространения христианства имел прогрессивное значение: вместе с религией восточные славяне получили более высокие элементы византийской культуры, литературу и письменность на близком к родному

языке. Эти обстоятельства помогли нашим предкам высоко поднять просвещение в XI – XII вв. и достигнуть уровня просвещения более высокого, чем у народов Западной Европы того времени.

Анализ имеющейся информации и логика исследования дают основание для утверждения о широком распространении монастырских и церковных школ на Руси в период до монголо-татарского нашествия. Этому способствовали исторические условия и обстоятельства: благодатная для распространения христианства российская среда, переведенные с греческого на русский язык богослужебные книги, этнографическое единство славянских племён, участие в образовании русского народа болгарских епископов, священников и клира. Церковь, общество и законодатель Руси должны были единодушно принять три обязательные задачи для своей деятельности:

- 1) содействовать религиозному образованию народа;
- 2) формировать в нём христианскую нравственность;
- 3) распространять в народе умственное образование.

В XIII – XV вв. Русь оказалась в тяжёлых условиях, обусловленных нашествием монголов. Летописцы называли этот период большой карой за грехи народа. В 1224 г. бесчисленные орды Чингис-хана вторглись в Южную Русь. В кровавой битве на реке Калке погибло до 45 тысяч русских воинов, в том числе девять князей. После первого разгрома орды удалились в глубь степей для пополнения своих сил. В 1237 г. монголы в ещё большем количестве вторглись на Русь, грабя и сжигая всё на своём пути. Они разорили Рязань, Коломну, Москву; обратили в развалины стольный Владимир; испепелили Гороховец, Муром, Переяславль, Суздаль, Тверь, Торжок, Ярославль и др. В декабре 1240 г. уничтожили дотла Киев и «люди от мала, до велика убита мечем» (Ипатьевская летопись, с. 164). Кроме этого юго-запад Руси подвергся агрессии литовского княжества, захватившего Галич и Волынь; с северо-запада делали набеги на русские города литовцы, немцы и шведы. Русь была похожа на военный лагерь, постоянно готовый к битве с неприятелями. В такое смутное и тяжёлое время, когда каждый опасался за свою жизнь и ответственность, школам было трудно расти и развиваться. Почти исчезла христианская любовь, нарушились обменные отношения, появилось пьянство, «буйство и бесчеловечие», угодничество и подкупы. Частыми явлениями стали хищения, грабежи и убийства.

Борцами за возрождение нравственности и образования выступили церкви, большинство из которых стало истинными патриотами русской земли. Епископы защищали церковь и отечество перед монгольскими владыками; мирили враждующих князей, не боясь говорить им правду в лицо; старались установить мир и согласие на Руси. Митрополиты ходили в центр монгольской орды отстаивать прежние льготы церкви и духовенства, интересы паствы.

Так, Алексей трижды побывал у ханов, где его встречали с почётом как авторитетного и высокообразованного священнослужителя. Он был советником великих князей, посредником и миротворцем между удельными князьями. Дважды посещали монгольских ханов митрополиты Петр и Феогност, последний достиг подтверждения всех прежних льгот церкви и духовенства, в том числе и на образование паствы. Митрополиты Кирилл, Киприан и Фотий продолжали преданно служить церкви в период монгольского ига. Высокими моральными качествами и образованностью отличались и епископы: Моисей (Новгород), Исая и Кирилл (Ростов), Серапион (Владимир), Симеон (Тверь). Сильны словом и делом были просвещенные иноки Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Сергей и Герман Валаамские; просветители Корелов, Стефан, Арсений, Авраамий Галичский и др. Древнерусское духовенство пользовалось уважением у монголов, о чем свидетельствуют ханские ярлыки (жалованные грамоты). Они охраняли неприкосновенность веры, имущества, церковных законов, личные права духовенства; освобождая его от податей, пошлин и провинностей, от ответственности перед властями и гражданскими судами. Духовенство таким образом ставилось в привилегированное положение и выделялось из других сословий.

Благосклонное отношение монгольских ханов к русским служителям церкви способствовало сохранению и развитию училищ. Свидетельства о их существовании на Руси в эпоху монгольского ига имеются в житиях святых, отличавшихся высоким образованием и примерными нравственными качествами. О новгородских епископах Евфимии и Нифонте отмечалось, что их семи лет отдали учиться божественным книгам. Опираясь на одну из рукописей, А.М. Карамзин писал (современная транскрипция): «Когда младенец остался сиротой, вдова отдала его дьяку для обучения грамоте. В том училище было много учеников» (21).

В житие новгородского архиепископа Ионы отмечено, что училище в Новгороде, где он учился в детстве, отличалось «многочисленностью». В житиях святых Макария Калягинского и Стефана Махрицкого говорилось об отдаче их родителями «в научение грамоте и божественным книгам». Обучение было доступно всем. Об этом свидетельствуют записи в «Сборнике Новгородской Софийской библиотеки»: «Сей св. Пётр митрополит родися от родителю крестьяну... и быть семь лет, нача учити грамоту сию» (Т. XIV в. л. 334). На основании анализа исторических документов С.И. Миропольский сделал вывод о бесплатности и доступности церковно-приходских школ. В «татарскую эпоху», писал он, училища были на Волыни, где обучался преподобный Стефан Махрицкий; в Москве, где учился св. Алексей; в Твери (св. Арсений), Ростове (Сергий Радонежский с братьями), Устюге (св. Стефан Пермский), в Кашине (пресвятой Макарий Калязинский), Новгороде (новгородские архи-

епископы Моисей, Евфимий, Иона). В житиях описывались лишь святые люди, и поэтому сведения о школах сохранились только о тех местах, где они получали книжное образование. Грамотность нужна была прежде всего для церковного клира, а затем и для гражданских потребностей.

В истории древнерусского образования сохранились сведения о миссионерской деятельности Стефана, священнослужителя православной церкви. Научившись грамоте, поняв смысл божественных писаний, он решил отправиться в Пермский край, где хотел внедрить христианство и научить грамоте взрослых и юношей, «отроков младых и малых детищ». После этого Стефан планировал назначать из аборигенов попов, дьяконов, подьячих, готовить чтецов, певцов и переписчиков книг, а также переводчиков русских книг на язык зырян. Христианизация Пермского края совершалась подобно процессу в центральной России, но здесь не было щедрых князей, способных учреждать школы. Поэтому, как позже писал Стефан, он путешествовал по всему краю, просвещая и крестя народ. Миссионер обучал грамоте, писал книги, ставил и освящал церкви, украшал их иконами, оборудовал монастыри; проводил постриг в монахи, готовил игуменов, священников, попов и дьяконов. Священнослужитель Стефан Пермский разработал азбуку для зырян, составил грамматику, написал ряд книг для коренного населения.

Конкретных сведений о наличии училищ в Пермском крае не имеется, но о том, что существовало книжное учение информация сохранилась. Его содержание включало чтение, письмо и церковное пение, а первой учебной книгой была псалтырь (22).

В XIII - XV вв. местом духовного просвещения по-прежнему оставались монастыри. В 30-х гг. XIV в. церковный и политический деятель Сергей Радонежский основал Троице-Сергиев монастырь. По его инициативе уже в XV в. было учреждено более 30 обителей в различных районах Северо-Восточной Руси, и том числе московские – Симоновский и Андрониковский, Савво-Сторожевский под Звенигородом. Монастыри по-прежнему являлись средоточием грамотных людей. В некоторых из них велись летописи, собирались и переписывались книги, подготавливались опытные переписчики, учились грамоте дети. В XV в. значительно увеличилось число монастырей на российском Севере. Первыми основателями были Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Мартиниан Белозерский, Кирилл Гомельский. Они активно занимались переписыванием книг и обучали этому своих учеников. В монгольский период возникло более 180 обителей, из которых 150 входили в состав Московской митрополии, а остальные находились в Юго-Западной Руси. Рост монастырей в трудное для славян время истории досоветского периода объясняли тремя обстоятельствами: во-первых, естественным ходом и дальнейшим развитием религиозно-христианской жизни;

во-вторых, разрешительными ханскими ярлыками и княжескими грамотами; в-третьих, уходом людей из городов и сёл с целью спасения от насилия и бедности. Сторонником третьего обстоятельства являлся А.М. Карамзин, отметивший, что люди «голпами шли в тихие, безопасные обители» (23). Активное открытие монастырей проходило не в период жестокого «ига поганых», а позднее, когда оно ослабело и стало не таким тяжелым. Иноки по-прежнему служили делу просвещения, о чем свидетельствуют их переводы на русский язык богослужебных книг. Так, в обителях были трансформированы «Диоптра» Филиппа Пустынника, «Сборник поучений на все воскресные и праздничные дни», «Творения св. Дионисия Ареопагита», «Толкование Олимпиодорова на книгу Иова», «Беседы» Златоуста, жития святых и др. Для списывания книг иноки ходили в Афон, занимались в студийском монастыре. Игумен Высотский Афанасий посещал Константинополь, где переводил и переписывал богослужебные книги. Созданием рукописных книг активно занимались в Кирилло-Белозерском, Печерском и других монастырях, в Киево-пустынной обители. Книжность составляла необходимую принадлежность монастырей, которая поддерживалась обычаями и устоями обителей. Чтение книг проводилось на монастырских трапезах и в вечернее время. В нравственных наставлениях отмечалось: «Утверждайся чтением книг, ... перед отходом ко сну много молись, почитай книги, займись рукоделием» (24).

В XIII – XV вв. монастыри по-прежнему оставались приютом для сирот, где они жили, питались и обучались. В соответствии с уставом святых отцов обители обязаны были учить грамоте проживающих на её территории детей и молодых людей. В период монгольского ига монастыри являлись центрами духовного просвещения, которое они распространяли по сёлам и деревням Руси. Характер обучения и воспитания, как и раньше, имел религиозно-нравственную направленность, так как заведование и руководство школами принадлежало исключительно духовенству. В обучение грамоте входили чтение, письмо и церковное пение. Значительное развитие получила письменность, а перепиской книг стали заниматься не только духовные лица, но и миряне. Так, на Псалтыри 1296 г. писец Захарий сделал ремарку, в которой указал, что он много переписал книг, занимаясь этим делом с детства и до старости (Описание Российской библиотеки. Т.1. – С.184). Однако орфография переписанных книг стала хуже из-за поспешности или небрежности, а быть может от «невежества и своеволия» переписчиков. В богослужебных книгах появились ошибки, недописки, пропуски и изменения слов. Подобное бывает, когда искусство из рук немногих специалистов, распространяясь, переходит в массы и становится уже не призванием, а средством материального обеспечения (25).

Что касается пения, то оно преподавалось в школах и поддерживалось

постоянной церковной практикой. Об этом сохранились записи в летописях XIII – XIV вв. и житиях святых. Прибывший в Ростов царевич Петр, говорилось в житии, был поражён «умилительным» пением в церкви святой Богородицы, где левый клир пел на греческом, а правый – на русском языках.

Таким образом, в тяжелое для Руси время духовенство было единственной социальной группой, заботящейся об образовании народа. Работа священнослужителей (митрополиты Кирилл, Пётр, Алексей, Василий Новгородский, Киприан, Фотий, Григорий Самвлака, Симеон Новгородский, Кирилл Белозерский) содержали «учительные» послания. Жития святых и путешествия (Стефан Новгородец, Игнатий, иеродиакон Смоленский, дяк Александр, Зосима) значительно расширяли кругозор восточных славян.

Выдающееся явление представляют труды святого Стефана Пермского: он дал зырянам Священное Писание и богослужебные книги на их родном языке, стал единственным просветителем целого края в период монголо-татарского ига. Монастыри являлись приютами духовного просвещения, среди которых особенно выделялись Киево-Печерская лавра и Троицкая обитель, основанная преподобным Сергием. Продолжалось обучение детей в школах при церквях, православный народ получал духовную пищу от своих пастырей (см. приложение 1).

1.3. Библейские основы российской педагогики

Содержание образования в монастырских и церковных школах было пронизано религиозным духом, ореолом святости, утверждением слова божьего. Русский человек заимствовал основы педагогики из Библии, боговдохновенных книг, считая их наиболее душеспасительными и эффективными. Священное Писание представляет собрание многих и весьма различных книг с неодинаковым миропониманием и различными педагогическими рекомендациями.

Книги Ветхого Завета провозглашают суровый патриархат с присущими ему характерными свойствами: авторитарная роль отца с неограниченными правами, суровая до жестокости домашняя дисциплина, варварский взгляд на женщину, подавление личности ребенка и всякой его самостоятельной инициативы. В новозаветной христианской морали другая концепция. Здесь говорится о любви, кротости, ценности каждого человека. Новый Завет называет детей личностями, имеющими права и обязанности. Семья зиждется не на беспрекословном подчинении и строгости, а на началах любви, взаимопомощи, относительного равенства. Население древнерусского государства должно было усвоить новозаветный идеал, но строго патриархальный уклад семьи этому не способствовал. Восточные славяне были церковниками, об-

рядниками, принявшими христианство, однако мало знакомыми с его учением. Им были вполне понятны начала еврейской семьи, которые отвечали их взглядам, жизненному укладу. Новозаветная педагогика, как отметил П.Ф. Каптерев, была чужда восточным славянам, «до неё они не доросли» (26). Поэтому были заимствованы основы воспитания, изложенные в Ветхом Завете, а евангелистские заповеди о любви, кротости и снисхождении влияли на новохристиан пока слабо.

Педагогический идеал был заимствован главным образом из двух книг Ветхого Завета – Притчей Соломона и Премудростей Иисуса сына Сирахова. В них говорится, что во главе семьи стоит отец, источник не только ее земного благополучия, но и вечного спасения, источник милости божьей в семье. Обращаясь к детям, Сирах говорил: «Дети, послушайте меня отца и поступайте так, чтобы вам спастись, потому, что Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов и уважающий мать свою – как приобретающий сокровища. Хотя бы отец и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей. Милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится... Оставляющий отца – то же, что богохульник, и проклят от Господа, раздражающий мать свою».

Что касается женщины, то жена у древних евреев не считалась равной мужу. Она должна была во всем ему повиноваться, быть верной – в этом её главная добродетель. Досада, стыд и большой срам, говорилось в Премудростях Сираха, если жена станет преобладать над своим мужем. «Не отдавай жене души твоей, чтобы она не возстала против власти твоей». «Есть у тебя жена по душе? Не отгоняй её». Счастливый тот муж, у которого добродетельная жена, создающая ему мирную жизнь. «Добрая жена – счастливая доля, она даётся в удел боящимся Гопода». С такой женой, замечает Сирах, «сердце довольное» у богатого и у бедного, а лица их постоянно весёлые. Ряд афоризмов характеризуют женщину с отрицательной стороны, как человека с особыми качествами, но не как воспитательницу своих детей. «Лучше злой мужчина, нежели ласковая женщина», «Всякая злость мала в сравнении со злостью жены», «Берущий злую жену тоже, что хватающий скорпиона», «Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели со злою женою». Соломон и Иисус Сирахов часто предостерегают от влияния женщин, видя в них источник греха и весьма несовершенные существа, склонные к соблазнительству – «как из одежды выходит моль, так от женщины лукавство женское».

По рекомендациям Ветхого Завета отношение родителей к детям должно быть суровым. Соломон поучал: «Кого любит Господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну». Такой тезис обосновывал обучение и физическое наказание детей, что не только противоречило отеческой любви

к ним, отмечал Соломон, а, напротив, доказывало родительскую любовь. «Из любви к сыну, не оставляй его без наказания – наказанный розгою не умрет, но душа его будет спасена от преисподней». Соломон утверждал, что розга и обличение дают мудрость, а отрок, оставленный без внимания, «делает стыд своей матери».

Другой древний еврейский мудрец Иисус, сын Сираха, предлагал ещё более суровое отношение к детям. Кто любит своего сына, отмечал он, тот пусть чаще его наказывает, чтобы впоследствии утешаться плодами своего воспитания. Мудрец советует не давать поблажек, не играть с ребёнком, не смеяться, не ласкать его, так как в противном случае дитя принесет горе, опечалит родителя, который в бессилии будет скрежетать своими зубами. Чтобы такого не случилось Иисус, сын Сираха, советует не давать воли в юности и не потворствовать прихотям ребёнка. «Нагибай шею его в юности и сокрушай рёбра его, доколе оно молодо, дабы сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе. Кто наставляет своего сына, тот будет иметь помощь от него, и среди знакомых будет хвалиться им. Кто учит своего сына, тот возбуждает зависть врага, а перед друзьями будет радоваться о нём». Имеющие дочерей должны заботиться о их теле, не показывая при этом своего весёлого лица.

Таким образом, ветхозаветная система воспитания провозглашала махровый родительский авторитаризм, основанный на суровом обращении с детьми и физических наказаниях. Унижалась личность ребенка, не признавалось его волеизъявление, отсутствовали всякие права. Заповеди и наставления ветхозаветной педагогики были восприняты в Древней Руси, так как отвечали складу жизни и нравам восточных славян.

Кроме книг Ветхого Завета были и наставления отцов церкви, источники, раскрывающие основы обучения и воспитания. Среди них преимущественно использовались рекомендации Иоанна Златоуста, греческого церковного писателя и проповедника. Его взгляды значительно шире, но отличаются двойственным отношением к воспитанию в семье. С одной стороны, Златоуст защищает ветхозаветную педагогику, а с другой – намекает на гуманистические отношения и высокое предназначение разумно воспитанной молодёжи. Рождение детей – это дело природы, отмечает проповедник, а вот воспитание добродетели считается результатом деятельности ума и воли родителей. Дети будут довольно богатыми, если получают хорошее воспитание, способное упорядочить их нравы и поведение. Нужно стремиться не к тому, чтобы делать детей богатыми, имеющими роскошь и излишества, а к воспитанию у них благочестия и богатой добродетели. Отцы, не заботящиеся о христианском воспитании, отмечает Златоуст, «суть убийцы своих детей и даже хуже». Настоящие убийцы отделяют тело от души, а отцы – убийцы и тело, и душу

вверяют в геенский огонь. Самым большим злом является развращённая и загубленная душа ребенка. Нерадение о детях, по мысли церковного писателя, есть величайший из всех грехов. Поэтому всё в обществе должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях, в обучении и воспитании их с использованием наказаний. Если бы отцы давали детям доброе воспитание, то стали бы ненужными ни суды, ни судилища, ни наказания. «Палачи есть потому, что нет нравственности» (27). Мысли Златоуста весьма поучительны. Но какова же цель воспитания и какие средства для ее достижения предлагает проповедник? В ответах на эти вопросы автор напоминает Соломона и Иисуса, сына Сирахова. Цель воспитания, по мнению Златоуста, - «приготовлять Богу благочестивых слугителей и рабов, или лучше сказать, ангелов», использовать при этом аскетизм, суровость, монашество. Земные блага малоценны, подчеркивает проповедник, нужно постоянно стремиться к небесному, духовному, к благочестию. Кто земное предпочитает духовному, тот лишается того и другого, а кто стремится к небесному, тот наверняка получит и земное. Поэтому дело большой важности, по Златоусту, посвятить Богу детей, данных от Бога. В пример автор ставит Анну, мать Самуила, поспешившую представить своё дитя в храм Божий. Все светские науки, искусство и гражданские обязанности греческий проповедник ставит на второй план, выдвигая на первый формирование «ангелов». Однако он не отрицает светское образование, а советует не акцентировать на нем внимание.

Воспитательная цель по Златоусту может быть достигнута только насильем над детьми, крайне суровым отношением к ним. По его мнению, это есть единственно возможный и правильней путь, так как юность неукротима и поэтому нуждается во многих наставлениях и учителях, воспитателях, руководителей и надсмотрщиках. Юность, по выражению проповедника, «что конь необузданный, что зверь неукротимый». Нельзя позволять детям делать приятные им дела, так как они могут быть и вредными для них, а нужно «вынуждать их к благочестию и послушанию воле родительской» (28).

Церковный писатель Златоуст особое внимание уделял роли родителей в воспитании. Бог поставил их владыками, попечителями, судьями детей, дал родителям полную власть над детьми, на них же возложил и все заботы о воспитании. Автор, ссылаясь на Ветхий Завет, советует жестоко наказывать непослушных сыновей, «в юности нагибая шею их». Господь не только внушает это повеление устами своего пророка, как указывал Златоуст, но и угрожает детей, непокорных власти своих родителей: «Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да будет предан смерти» (Левит 29,9). Таким образом, старинное еврейское правило греческий проповедник советует применять к христианским детям, несмотря на совершенно иной характер учения Иисуса Христа.

Златоуст осуждал «преступную кротость» древнеиудейского священника Илии к детям, ограничивавшегося только увещаниями и не принимавшего более строгих мер к непослушным детям. При дурном поведении, по советам проповедника, требуются не увещания детей «но уроки сильные, истязания строгие, врачевство так же крепкое, как и зло» (29).

Идеал женщины, матери у Златоуста также заимствован из ветхозаветных наставлений. Он советовал матерям больше внимания уделять дочерям, следить, чтобы они находились дома. Следует формировать скромность, благочестивость, учить презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Такое воспитание дочерей принесет пользу не только им, но и будущему мужу, рожденным детям, а затем и внукам. «Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, и за все это получите награду» (30).

Рекомендации Златоуста по суровому воспитанию не являются однозначными. Он говорил и о любви, и о кротости, способствующих уважению отца детьми. Ничто так не привязывает членов семейства, говорил проповедник, как постоянная скромность и любезная кротость отца в обращении с домашними.

Подобные общие наставления о христианских добродетелях очень часто упоминались русскими пастырями в XI – XV вв. Ими были наполнены древние сборники «Измарагды», «Златоструи», «Пчёлы» и др. В весьма распространенном «Изборнике» 1076 г. содержится ряд педагогических рекомендаций. Так, благочестивый вельможа Ксенофонт повествовал, что он никогда не гневался, не оставлял церкви, не презирал нищих и странников, не завидовал чужой красоте. Так жить он рекомендовал и детям. Святая Феодора, обращаясь к сыну, призывала его регулярно молиться, терпеть голод, подавать «алчущим хлеб свой и одежду свою нагим», посещать больных, утешать старых, помогать вдовам. Она советовала всегда трудиться, и тогда Господь увидит «труд твой и пошлёт тебе свою помощь». Митрополит Даниил, обращаясь к отцам, также призывал их воспитывать детей в трудолюбии, избегать кощунства, сквернословия, не красть, не лгать и «избегать всякого зла». Обращаясь к отрокам и девицам, он советовал с желанием относиться к рукоделию, рисованию, письму и к книжному учению, никогда не быть праздными.

Древние сборники, поучая родителей и детей, советовали избегать смеха, растлевающего тело и прогоняющего добродетель. За основу бралась заповедь Сираха, в которой он призывал не смеяться с ребенком, не играть, чтобы потом не горевать и не жалеть об упущенном времени. По учению древних русских моралистов выходило, что светлая сторона жизни есть лишь соблазн и грех. Истинное состояние настоящего христианина есть печаль, воздыхание, плач. Жизнь – дело тяжкое и суровое, земля – юдоль печали. В «Измарагде» отмечалось: «Смех не созидает, не хранит, но погубляет и созидание разрушает; смех Духа Святого печалит, не пользует и тело растлеывает; смех добро-

детели прогонит, потому, что не помнись о смерти и вечных муках. Отъими, Господи, от меня смех и даруй плач и радение». Веселье и смех должны быть изгнаны из воспитания, так как они губительны для души и тела. Смех от лукавого, а плач и рыдание от Бога, так отмечалось в сборниках.

Древние сборники были собранием афоризмов и статей, заимствованных из Священного Писания. Педагогические наставления Ветхого Завета, высказывания Соломона и Иисуса, сына Сирахова разбросанны и бессистемны. Русские авторы собирали их, систематизировали, излагали с некоторыми сокращениями для лучшего усвоения читателями и применения в воспитательной практике. Так, в одном из сборников XV в. имеются две статьи с педагогическими наставлениями – «Слово о притчи и о наказании детей к родителям своим», «Слово святых отец. Как детям чтити родителя своя». Эти две работы не что иное как связное изложение ветхозаветной педагогики. Их сравнение и сопоставление показывает, что они идентичны и по мыслям, и по выражениям. Первое и второе слово являются почти буквальным воспроизведением отрывков из Притчей Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова (31).

Поучения ветхозаветной педагогики освещались русскими авторами на протяжении нескольких столетий в работах с различными наименованиями. Одна из них, «О вскормлении детей», изложенная в сборнике XVI в., содержала выдержки из Библии и из высказываний проповедника Златоуста. Здесь снова автор внушал родителям идею о формировании в детях доброты и благочестия с использованием физических наказаний: «Аще бую и жезлом биеша его, не умрет, но здрав будет, ты бы бия его по телу, душу его избавивши от муки» (Премудрости Иисуса, сына Сирахова).

В другой работе – «Домострой» выражен идеал средневекового воспитания и семейного быта на Руси. Полное её название представляет своеобразную аннотацию: «Книга глаголемая Домострой, имеет в себе вещи зело полезны. Поучение и наказание всякому христианину. Мужу и жене и чадам и рабам и рабыням». В содержание Домостроя вошли отдельные положения, заимствованные из «Златоуста», «Измарагда», «Золотой цепи» и других сборников, основанных на ветхозаветных наставлениях. Несколько разделов в книге полностью посвящены вопросам воспитания. В главе XV «Како детей своих воспитати во всяком наказании и страхе Божий», отмечается, что родители должны любить детей и беречь, и «страхом спасати». Глава XVII «Како дети учити и страхом спасати» представляет собой пересказ ветхозаветной педагогики, взятой автором из одного поучения с добавлением собственных незначительных высказываний. По выражению П.Ф. Каптерева, вся глава весьма сильно пропитана еврейским духом и переносит читателя в ветхозаветные времена (32). В XVIII главе Домостроя «Како детям отца и мать любить, и беречи, и повиноваться им, и покоити их во всем», приводятся многие мысли

и выражения из Иисуса, сына Сирахова с включением ветхозаветных текстов. От детей требуется полное подчинение старшим, основанное на принципах авторитарного воспитания. Дети должны почитать своих родителей, воспитываться строгостью и лаской. Рекомендуются суровые меры подавления воли, телесные наказания. Девочки воспитываются как затворницы. Наряду с этими указаниями автор советует прививать детям с ранних лет трудовые навыки, обучать их ремеслу «отцу сынове кто чего достоин, матери рукоделию дщери». Домострой требует от родителей воспитания в детях настойчивости в труде, аккуратности в доме, почтительности к старшим, вежливости со всеми окружающими их людьми. В целом же воспитание по Домострою направлено на развитие у детей чувства ответственности перед государством, церковью и родителями.

В XVII в. продолжалось заимствование материала из более ранних источников. К сочинениям педагогической направленности, основанным на библейских наставлениях, относится работа «О царствии небесном и о воспитании чад», а также педагогический сборник конца XVII в. Первое сочинение составлено под сильным влиянием Златоуста и представляет собой своеобразную мозаику из текстов Ветхого и Нового Завета. Цель жизни и воспитания, по этой работе, есть получение царства небесного. На земную жизнь автор смотрит мрачно и отрицательно, подчеркивая, что нужно постоянно плакать, каяться, презирать землю и все находящееся на ней и всеми силами стремиться к небесному. Средством для достижения небесного царства служит главным образом просвещение, обучение детей, имеющее неоспоримое преимущество перед богатством. Отцы, не заботящиеся о воспитании своих детей в добродетели, - это «убийцы своих чад».

В педагогическом сборнике конца XVII в. почти нет никаких новых начал и идей. Однако наряду с библейскими наставлениями здесь уже появились авторские психолого-педагогические рассуждения об особенностях воспитания детей. Одна из основных мыслей – необходимость внушать духовную мудрость детям «измлада», приобщать к определённой профессии. К какой работе они привыкнут в юности, та им «сладка будет» до конца жизни. Эту идею автор рекомендует реализовывать поэтапно. В первом семилетии необходимо учить детей правильно и красиво говорить; во втором – учить какому-либо ремеслу и особенно оберегать от дурных примеров; в третьем семилетии обучать детей «страху Божию и премудрости, как жить по-божьи и честно гражданствовать». Сердца юношей, говорится в педагогическом сборнике, восприимчивы подобно воску. На нём можно отпечатать добродушного голубя, высокопарного орла, лютого льва, ленивого осла или трудолюбивого вола. Основы воспитания, заложенные в юности, останутся в человеке до глубокой старости. Автор

сравнивал ум отрока с чистой гладкой доской, на которой учитель пишет, что хочет; с новым сосудом, постоянно сохраняющим запах ранее налитой жидкости; с молодым деревцем, склоняющимся в любую сторону по желанию взрослых.

При воспитании рекомендуется придерживаться четырех условий. Первое – использовать жезл как «скоренитель злобы и насадитель добродетелей». Без него невозможно обмолотить сноп, разбить орех. О значении жезла и физических наказаний в воспитании автор рассуждает на протяжении нескольких страниц. Второе условие – изолировать ребенка от злого общества и не разрешать с «лукавыми дружитися». Третье – не быть дурным примером для своего ребёнка. Четвёртое условие предусматривает разумную любовь к детям, так как неумеренная привязанность вредит формированию личности. «Полезно выпить вина умеренно, оно веселит и здоровит, но вредно пить без меры. Также весьма вредно и любить детей без меры». В педагогическом сборнике содержится много цитат из Ветхого Завета, приводится пример иудейского священника Ильи, пострадавшего от дурного воспитания своих детей. Автор ссылался на поучения Сираха и Златоуста. Новозаветный материал цитировался очень редко, и из него подбирались тексты в унисон первому разделу Священного Писания. Например, одно из приводимых наставлений касалось соблазнов человека. Если он ими увлечён, то ему лучше «потонуть в пучине морской». В педагогическом сборнике, как и у Златоуста, есть поучение о любви, являющейся величайшей добродетелью, которая долготерпима, милосердна и даже способна любить врагов.

Анализ древнерусской литературы указывает на то, что педагогические идеалы Древней Руси строились в основном на воззрениях Ветхого Завета. Высшую цель воспитания далекие предки видели в «научении детей страху Божию, повиновению их заповедям Господним». В основу всего воспитания ставили душеспасительность, охрану детей от дурных примеров, от зла в его различных проявлениях. Грамотность определялась как начальный этап обучения с целью познания божественного писания. Детей учили правилам приёма пищи в тот или иной день Поста, информировали об использовании святой воды, кадила («как подобает кадити перед Богом»). Указывалось, как родителям учить детей земным поклонам, двуперстному или трёхперстному кресту, как есть просфоры, поклоняться иконам. Однако сущность христианского учения при этом не объяснялась.

На Руси чрезвычайно ценили книгу как глаголы (речь, слово) самого Бога, как божественную мудрость; почитали священников и монахов как учителей, наставников, руководителей и внушали повиноваться им во всём. Наставники детей не уважали, не признавали детской личности, относились к детям край-

не сурово, опасаясь проявить к ним излишнюю любовь и снисходительность; подавляли самые простые и естественные проявления детской природы – веселье и смех. Историк педагогики П.Ф. Каптерев отметил, что нежного, кроткого, любвеобильного христианского духа, бережного, заботливого отношения к человеческой личности предки не усвоили из христианства. Они ограничились фразами о ценности добродетели и гнусности порока, более почитали иконы и посты, чем божественное и глубоко человеческое учение Христа (33). Безусловно, недостаток настоящего христианского подхода и евангельских отношений в семье не исключал естественной любви родителей к детям и к заботе о них.

Таким образом, основы воспитания в древнерусском государстве зиждились на библейских притчах, премудростях и наставлениях, многие из которых сохранились на долгие годы в семейной и школьной педагогической практике Российской империи.

Вопросы и задания

1. В чём сущность язычества и христианства?
2. Назовите пути и средства христианизации восточных славян.
3. Где и как открывались первые школы?
4. Раскройте содержание образования в монастырских и церковных школах.
5. Каким было состояние образования в период монголо-татарского нашествия?
6. Укажите основные постулаты Ветхого и Нового Завета по образованию и воспитанию.

Литература для самостоятельной работы

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV – XVII вв. – М., 1985.

Бабишин С.Д. Археологические источники о распространении грамотности в Древней Руси. – М., 1977.

Владимир Мономах. Поучения. – М., 1996.

Воробьев М.Н. Православное просвещение на Руси // Педагогика. – 1996. - №2.

Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 1953.

Житие Стефана Пермского // Хрестоматия по древнерусской литературе. – М., 1969.

Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI-начало XII века. – М., 1978.

Житие Авраама Смоленского // Памятники литературы Древней Руси:

XIII век. – М., 1981.

Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI – XIV вв. – М., 1978.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981.

Повесть временных лет. Ч. 1, 2 / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М., Л., 1950.

Рыбаков Б.А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР / III-XI вв./ – М., 1958.

Рыбаков Б.А. Просвещение // Очерки русской культуры XIII – XV веков. Ч. 2. – М., 1970.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.

Сапунов Б. Книга в России в XI – XIII вв. – Л., 1978.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. – М., Л., 1963.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В XVI-XVIII ВЕКАХ

2.1. Образовательные проекты и педагогическая мысль

Возвышение в XV веке Москвы, претендовавшей на роль «третьего Рима» и считавшей себя наследницей Византии, естественно, требовало повышения уровня грамотности. Даже в середине XVI века в одном из документов указывалось на безграмотность князей и боярских детей. В нем указывалось: «А которые князья и дети боярские в сей записи написаны, а у записи рук их нет, а те князи и дети боярские грамоте не умеют» (34). Рост торговли и ремесел, потребность в разумном управлении все расширяющегося русского государства, престиж царского двора и укрепление христианства требовали грамотных князей, бояр и служителей церкви.

В конце XV века русская православная церковь вела активную борьбу против новгородско-московской ереси («жидовствующих»), нового идеологического движения. Основной контингент оппозиционеров составляли горожане, возглавляемые низшим духовенством. Характерной особенностью еретиков была их высокая грамотность, знание Библии, еврейских и арабских переводных сочинений. Антицерковники отрицали внешние церковные обряды, монашество, поклонение мощам, а некоторые вообще придерживались антитринитарских взглядов, подвергали критике с рационалистических позиций основной догмат православия о троичности божества. Эти взгляды находили отклик среди малоимущего населения, и ересь распространялась

не только среди посадских людей, но и в селах Новгородской земли. «Жидовствующие» создали своеобразную сектантскую литературу, пронизанную наряду с богословско-мистическими положениями рационалистическим мировоззрением и приводящую сведения из области естественных наук. В числе этих книг был «Шестокрыл», сочинение Бен-Аикова, итальянского еврея, литературная новинка того времени, содержащая указания для определения дат солнечного и лунного затмений. Другая книга – «Космография», излагала геоцентрическую систему мироздания.

В 80-х гг. XV века в Москве организовался кружок инакомыслящих во главе с Федором Курицыным, в который входили Елена Стефановна (сноха Ивана III), представители государственного аппарата (дьяки Курицын, Истома, Сверчок), купечества, профессиональные переписчики книг (Иван Черный и др.). Для членов еретического кружка был характерен интерес к гуманистическим идеям. В произведениях Ф. Курицына «Лаодокийское послание» и «Написание о грамоте» проводилась мысль о свободе воли, достигаемой путем образования и грамотности.

Новгородско-московские еретики поддерживали великокняжескую власть в борьбе за ликвидацию феодальной раздробленности, выступали за секуляризацию церковных земель. Однако боязнь распространения оппозиционных настроений среди народных масс и нужда в поддержке со стороны церкви в осуществлении внешнеполитических планов заставили великокняжескую власть отказаться от своих секуляризационных намерений и объединиться с церковниками.

Борьбу против еретиков возглавил Иосиф Волоцкий, написавший ряд обличительных сочинений. Жестоким гонителем религиозных отступников был новгородский архиепископ Геннадий, церковный и политический деятель, сторонник «воинствующей» церкви. Многие еретики подвергались тяжелым наказаниям, а Иван-Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов были сожжены.

Борьба с инакомыслящими выявила «простоту» сподвижников Геннадия и образованность еретиков, умело использовавших церковно-полемическую и астрономическую литературу. Этот фактор, на наш взгляд, стал одной из причин, побудивших архиепископа обратиться с посланием (около 1500 года) к митрополиту Симону (см. приложение 2). Его автор раскрыл уровень грамотности в России XV века, в частности, среди священнослужителей, считавшихся наиболее просвещенным сословием. Архиепископ Геннадий не мог найти во всей Новгородской области достаточно грамотных людей для занятия ими должностей священников. Претендентов являлось много, отметил автор послания, но при испытаниях они оказывались неграмотными или малограмотными. «Им дают деяния апостолов, а они не умеют ступити, дают

псалтырь, а они и по тому еле бредут» (35). По мнению Геннадия, причина столь плачевного состояния образования заключалась в учителях. «Мужики – невежи» при обучении портят речь детей, заставляя их заучивать наизусть заутреннюю и вечернюю службы; требуют за учительство горшок каши и гривну денег, да к тому же добиваются подарков от родителей.

В своем послании Геннадий предложил московскому митрополиту ходатайствовать перед великим князем об основании училищ, в которых обстоятельно и до конца изучались бы «азбука – граница», а затем почтительные слова и псалтырь «накрепко». После освоения этих основных начал можно переходить к чтению всяких богослужебных книг и отправлять церковные службы. Образовательный идеал, по Геннадию, был чрезвычайно ограниченным, так как он не упоминал ни о грамматике и письме, ни о счете. Видимо, обучение письму, а тем более вычислениям, автор считал делом весьма затруднительным и невыполнимым для будущих священнослужителей. Очевидно, священники геннадиевского времени не только не умели писать, но даже и читать, были зачастую совершенно безграмотными, отправляющими церковные службы наизусть, без книг, «заучивая их с голосу» (36).

Содержание образования, как видно из послания Геннадия, крайне минимизировано. Для лучшего усвоения букв он предложил изучать азбуку в виде акростиха. Каждая строка в этой азбуке начиналась с буквы в порядке алфавита, а начальные буквы всего акростиха представляли азбуку. Содержание стихотворений отличалось разнообразием: нравственно-поучительные, исторические, догматические, молитвенные и др. Древнейшим образом «азбуки – границы» является «Молитва Константина философа сотворена азбукою».

А. Азь словом сим молюся Богу:

Б. Боже всеа твори зажителю

В. Видимыя и не видимыя!

Г. Господня Духа послѣ живущаго.

Д. Да вдохнет въ сердце мое слово,

Е. Еже будетъ на оупеъхъ всем.

Ж. Живущимъ въ заповедь твоихъ и т.д.

Другим предметом изучения являлся «псалтырь со следованием», самая популярная книга в Древней Руси, по которой учились читать. По ней осваивались «церковные постатия», то есть порядок церковных служб и их устав. Изучив «азбуку – границу» и псалтырь, можно, по утверждению Геннадия, «конархати и чести всякие книги». Конархом называли руководителя клиросного чтения и пения. Следовательно, можно предложить, что церковное пение архиепископ также включал в учебный курс по подготовке священнослужителей.

В 1551 году в Москве по инициативе правительства состоялся Стоглавый

церковный собор с участием царя Ивана IV и представителей Боярской думы. Заседания проходили в царских палатах под представительством митрополита Макария, «пастыря умного и просвещенного». Работу собора открыл Иван Грозный, отметивший в своей речи небрежное учение как причину малограмотности священников. В 25-й главе постановлений церковного собора «О дьяцах, хотящих во дьяконы и в попы ставиться» отмечено, что раньше в «Российском царствии» в Москве, Великом Новгороде, и в других городах было много училищ, где учили читать, писать и петь. Теперь же грамотных очень мало. Претенденты в дьяконы и попы неграмотны. Назначение их священнослужителями будет противоречить церковным правилам, но при их отсутствии «церкви без пения будут», а православные станут умирать без покаяния. Попами следует назначать грамотных людей, достигших 30-летнего возраста, дьяконами – 25-летнего возраста, могущих содержать церковь и управлять православными христианами в соответствии со священными правилами.

В 26-й главе Стоглава «О училищах книжных по всем градом» указывалось на решение собрания, принятое по совету царя. Оно предусматривало избрать высшему духовенству в Москве и в других городах, «женатых и благочестивых» священников и дьяков. В их домах открывать училища, где бы они же стали учителями. Предполагалось обучать детей всех желающих православных христиан чтению, письму, церковному пению псалтырному и наложному, страху божию. Образовательный проект Стоглавного собора не предусматривал ассигнование школ домашнего обучения, не упоминал об изучении грамматики и арифметики, об ознакомлении с Библией.

Постановления Стоглавого собора являются одним из первых государственных документов, в котором поставлены вопросы обучения духовенства и мирян, осознается необходимость создания во всех городах Русского государства училищ, определено содержание обучения. Главное внимание Стоглав сосредоточил на религиозной подготовке учащихся для нужд церкви, воспитании их в духе православия. В постановлении собора под страхом наказания запрещали чтение еретических книг. Отмечен упадок просвещения по сравнению с предыдущими годами. Постановление Стоглавого собора оказало определенное влияние на теорию и практику обучения и воспитания во второй половине XVI и XVII веков, хотя и не разрешило острых проблем подготовки грамотных людей.

Сохранившиеся свидетельства иностранцев, посещающих Московскую Русь, говорят о школах в очень сдержанных выражениях. Так, Кобенцель, бывший в России в 1576 году, отмечал: «Во всей Московии нет школ и других способов к изучению наук, кроме того, чему можно научиться в монастырях: поэтому из ста людей найдется один, умеющий читать или писать». Другой иностранец, Маржерет, высказался в том же духе: «Русский народ не знал ни

школ, ни университетов. Они священники наставляют юношество чтению и письму, чем не многие, впрочем, занимаются». Иезуит Антоний Поссевин, бывший в России в 1580-1582 годах, писал: «Нет здесь ни коллегий, ни академий, а есть только кое-какие школы, в которых учатся дети читать и писать» (37).

Интерес к вопросам образования в Московском государстве стал пробуждаться с середины XVII века. Открывались школы, пробуждалась педагогическая мысль. В 1666 году в московской Спасской школе работал Симеон Полоцкий, преподававший грамматику, пиитику и риторику. В 1667 году он был приглашен воспитывать царевича Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича, а с 1679 года наблюдал за учителем Николаем Зотовым, обучавшим Петра I. Для своих учеников Полоцкий написал несколько сочинений: «Ветроград Многоцветный» (сборник стихотворений как книга для чтения), «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», «Книга кратких вопросов и ответов катехизисных». В «Ветрограде» и других работах его поэзия носила дидактический характер. В своих стихах Полоцкий дал сведения из всемирной истории, географии, зоологии, минералогии, разъяснил некоторые термины. Большинство стихотворений просветителя – это панегирик науке и обличие невежества и суеверий. Деятель русского просвещения С. Полоцкий предложил особое внимание уделять обучению ребенка в раннем возрасте (с 7 лет), когда он представляет собой «скрижаль неписанную». Обучение в этом возрасте должно быть образным и наглядным. С 14-летнего возраста от письма и чтения надо переходить к изучению свободных наук, а еще через 7 лет – к изучению гражданских законов. Главная задача воспитания, по мнению Полоцкого, лежит на родителях ребенка. Они не должны губить его чрезмерным ласками и «ненаказаниями». Родители обязаны изолировать ребенка от негативного влияния общества. С самых ранних лет следует учить рукоделию, прививая им трудолюбие.

В 1713-1714 годах русский государственный деятель Ф.С. Салтыков представил Петру I две записки с проектами разнообразных реформ: строительство мануфактур и расширение торговли, поиски северных морских путей в Индию и Китай, освоение Средней Азии и Сибири, книгопечатания, библиотек, а также развитие в кратчайшие сроки мужского и женского образования. Его «Пропозиция» предлагала учредить в зданиях монастырей (монахов поселить) в каждой губернии 1-2 академии, содержащихся за счет монастырских доходов. В учебные заведения принимать детей, достигших 6-летнего возраста и обучать там до исполнения им 23-х лет. Контингент учащихся, по Салтыкову, набирается из дворянских и купеческих семей и «всяких иных разных чинов». Всего предлагается открыть 9 академий с числом до 2000 учащихся в каждой. В соответствии с проектом в учебный план должны входить грамматика и риторика, философия и богословие, история и география, математика

и физика, навигация и фортификация, рисование и черчение, а также поэтика, механика, архитектура, артиллерия, фехтование, верховая езда и танцы.

Пропозиция Салтыкова предусматривала создание 18 женских школ (по две на губернию) с 500-ми воспитанницами в каждой; обучение девочек с 6 до 15-летнего возраста. Все отцы обязаны были отдавать своих дочерей на учебу. Уклонявшимся от всеобща грозил штраф (38).

Для начала XVIII в., образовательный проект Ф.С. Салтыкова был инновационной работой, характеризующейся широтой мышления автора, бессословностью, идеей общего женского образования.

В 1716 году Петр I вызвал в Петербург Феофана Прокоповича для консультации и организации церковной и образовательной реформ. Это был ученый-богослов, полемист и проповедник, получивший широкое образование в Киевской и Римской академиях, преподававший в течение 12-ти лет в Киево-Могилянской академии. В проектах Прокоповича религиозная сторона имела меньшую значимость по сравнению с ранее принятыми документами. На первую позицию вышли государственный, светский и педагогический интересы ученого-богослова. В 1721 году Петр I утвердил «Духовный Регламент», разработанный Прокоповичем, в котором одним из новшеств был проект организации училищного дела. Предлагалось учредить духовные школы трех разрядов: академии, семинарии и элементарные училища. Первостепенное значение в «Регламенте» автор уделил учительству и его роли, особенно в учебном процессе академии. Претенденты на должность преподавателя были обязаны показать свои знания латинского языка и умения владения переводом. Избранные учителя должны излагать материал кратко и ясно, использовать для работы с учениками хорошие апробированные учебники, изданные в Париже. Прокопович дал рекомендации об изучении богословия, советуя побольше изучать священное писание, читать его толкование по сочинениям отцов церкви.

Ученый-богослов предложил учебный курс академии из семи учебных предметов: грамматика с историей и географией, арифметика и геометрия, логика или диалектика, риторика, физика с краткой метафизикой, краткая политика, богословие. Последние изучаются в течение двух лет. Соединение грамматики с историей и географией Прокопович аргументировал следующим образом: при грамматических упражнениях, переводах с родного языка на иностранный и обратно требовать от учеников переводить географические и исторические книги. Географию следует изучать при помощи карты и глобуса, обучать студентов так, чтобы могли «перстом указать где Азия, где Африка, где Европа и к которым сторонам под ними лежит Америка». Академия по Прокоповичу – всесословная школа, где обучаются дети духовенства, дворянства, приказных людей. Принимать в учебные заведения следует с большой

осторожностью и «с рассмотрением остроумия». Академии должны располагаться не в городах, а в местности, отдаленной от мирских соблазнов, от веселой беззаботной жизни.

В соответствии с «Регламентом», при академии ими автономно учреждаются духовные семинарии с контингентом в 50-75 учеников. Они размещаются в отдельных зданиях с учетом возраста по 8-9 человек. В каждую спальню назначается особый надзиратель – префект. За семинаристами устанавливается бдительный надзор, и их жизнь организовывается по строгому распорядку дня. В определенные часы они должны вечером отходить ко сну и вставать по утрам, молиться и учиться, трапезничать и гулять и др. Лучше всего, как указал Прокопович, это делать по сигналу колокольчика. Для младших семинаристов, нарушающих режим, допускалось наказание розгами. Первые три года воспитанники должны находиться в полной изоляции от общества, а затем не более двух раз в год разрешалось отпускать к родителям или родственникам на срок не более семи дней. В образовательном процессе устраивать дискуссии, разыгрывать комедии, проводить познавательные экскурсии. По окончании семинарии выпускники принимали присягу на верность любой службе, указанной государем. Наиболее способные к духовному делу должны поступать в распоряжение епископов.

Кроме академии и семинарий в Духовном Регламенте говорилось и об элементарной школе для детей священников. В главе «Домы училищные и в них учителя и ученики, також и церковные проповедники» предписывалось всем архиереям открывать при своих домах школы для детей духовенства, а также и для прочих сословий. Основная цель архиерейских школ – подготовка церковнослужителей. Содержание домашних учебных заведений и учащихся возлагалось на архиерейские дома: «Подобает чтобы ученики и кормлены и учены были в туне и на готовых книгах епископских».

Представителем педагогической мысли начала XVIII века был другой сторонник просвещения – И.Т. Посошков, видный русский экономист и публицист. Это крестьянин – самоучка, ставший состоятельным и известным человеком благодаря трудолюбию, настойчивости и неординарности мышления. Посошков работал в мастерских Оружейной палаты и Монетного двора, заводил водочным заводом. В начале XVIII века стал зажиточным человеком, приобрел дом в Петербурге, два дома в Новгороде, а в 1718-1727 годах купил несколько небольших деревень. Он стал ярким представителем передового купечества, написавшим экономическое сочинение «Книга о скудости и богатстве». В работе сделан обоснованный анализ русского хозяйства и предложены смелые проекты. Для истории образования интересно обширное сочинение Посошкова «Завещание отеческое», написанное в 1720 году.

Российский публицист был убежденным сторонником идущего с Запада

просвещения и в особенности технических знаний. Однако наряду с прогрессивными взглядами у Посошкова имелись и консервативные высказывания. Так, в «Завещании отеческом» все воспитание автор требует проводить в строго выдержанном церковно-религиозном духе. Первыми словами, к которым следует приучать ребенка, являются не «тятя» или «мама», а «бог на небе». Первые наставления, услышанные ребенком: «Бога бойся, ни с кем не бранись, не дерись; Бог с неба смотрит, и что бы ты ни сделавши видит, и языка своего не выставляй: Бог за то уььет» (39).

Как можно чаще следует твердить молитвы. Все религиозно-воспитательные наставления Посошкова касаются воспитания покорности божьей воле. Бог изображается грозным карателем и постоянным сыщиком, следящим за каждым поступком человека и, в частности, ребенка. Другая черта, характеризующая педагогические воззрения сторонника просвещения - это крайняя суровость воспитания. Детей надо держать в «великой грозе», указывал Посошков, чтобы они трепетали перед Богом и боялись одного взгляда родителей. В подтверждение этого тезиса автор приводил длинный ряд текстов из Ветхого Завета о сокрушении ребер детям.

Содержание образования, предложенное Посошковым, было значительно шире традиционных учебных планов школ Московской Руси. Он предлагал учить славянскому чтению, письму, грамматике, четырем арифметическим действиям, латинскому языку, а также желательно изучение греческого или польского языка. Следует обучать своих сыновей различным «художествам», среди которых особенно нужными являются рисование и черчение. Последние необходимы при начале всякого дела, чтобы иметь общую картину и размеры задуманного изделия.

Особое внимание Посошков уделял образованию духовенства и роли его в жизни народа. Без священника, утверждал он, не достичь не только царства небесного, но и земные дела хорошо не устроить. Публицист имел ввиду религиозно-нравственное воспитание и умственное образование населения. Положение сельского духовенства, живущего земледельческой работой, нуждается в коренном улучшении. «Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу, а церковь святая и духовная паства остается в стороне». Священнослужители, отмечал Посошков, есть слуги Божии и им в соответствии со «словом Господа подобает питаться от церкви, а не от земледелия». Непросвещенное и необразованное духовенство не только не в состоянии кого-либо обратить в веру, но даже и не понимает самого слова «вера», не умеет правильно совершать церковные службы. Сельский поп, как отметил Посошков, не знает даже основ христианской религии. Поэтому духовенство необходимо хорошо учить. Во всех епархиях следует построить просторные школы и собрать в них всех поповских, дьяконовских и пономарских детей от 10 до 25

лет. У родителей, не отпускавших детей в школу, забирать их насильно. Обучать следует грамматике, риторике или философии, обстоятельно учить слову Божию и церковному богослужению. Желательно давать ученикам читать летописные книги. По воскресеньям Посошков советовал устраивать диспуты на темы из Священного писания, а учителям при этом наблюдать за рассуждениями учеников и определять, кто из них склонен к духовному или светскому делу. Сторонник просвещения рекомендовал напечатать больше Библий, Маргаритов, учительных сборников, толковых евангелий, апостольных бесед, четьев-миней и разослать их по школам, а после обеда ежедневно читать. Полезно, по мнению Посошкова, составить и напечатать разъяснения о разных «еретических» верах: римской, униатской, армянской, несториеской и др. Пастыри должны их хорошо знать, чтобы отстаивать христианство. Не менее полезно напечатать и разослать по школам «Камень Веры» Стефана Яворского. Будущие пресвитеры, иноки и архиереи должны заучить его с целью «еретические челюсти сокрушати». Тех, кто в школе не учился, не посвящать ни в священники, ни в дьяконы. «Наше спасение и погибель, - писал Посошков, - лежит в пресвитерах – чем они просвещеннее, тем образованней и порядочней в поведении будет паства». Постоянное общение просвещенного и нравственного пастыря с прихожанами, его проповеди и исповеди могут сослужить хорошую службу в религиозно-нравственном просвещении народа и содействовать подъему «умственного состояния».

Впервые в истории Русского государства Посошков убедительно высказался за обучение крестьян. В работе «Книга о скудности и богатстве» он указал на бедноту крестьянства, причинами которой является попустительское правительство, наличие помещиков, лень и безграмотность. Имеются деревни, где нет ни одного грамотного человека. Этим пользуются всякие проходимцы, собирая с крестьян деньги якобы по особому правительственному указу, а они «оспорить не могут и в поборах много с них излишних денег емлют». Чтобы избежать подобного положения, Посошков предложил крестьянских детей, достигших 10-летнего возраста, в обязательном порядке отдавать дьячкам для обучения грамоте. В течение 3-4-х лет все должны быть обучены. В противном случае, если детей не выучат, а подрастающих не станут отдавать дьячкам, то таких крестьян штрафовать. Грамотные крестьяне не только помогут в ведении помещичьих хозяйств, «но и государственным делам годны будут, наипаче же в сотские и пятидесятские вельми будут пригодны». Никто их не обидит и не возьмет лишних поборов (41). Указ о всеобщем обучении сторонник просвещения предложил послать и в мордовские населенные пункты, где бы не исключалось и насилие для нежелающих обучаться грамоте.

По оценке П. Ф. Каптерева, Посошков был человеком – самородком, выу-

чившимся на медные гроши и сформировавшимся путем самообразования, жизненного опыта и размышлений. Это не «отшлифованный научным образованием талант», горячий патриот, церковник и демократ (42).

Выдающимся деятелем Петровской эпохи являлся В.Н. Татищев. Первый русский историк, государственный деятель. Сын псковского помещика окончил артиллерийскую школу, участвовал в Северной войне и, в частности, в осаде Нарвы, в Полтавской битве. По окончании военных событий Татищев выполнял различные военно-дипломатические поручения русского царя. После заключения мира со шведами его, с 20-ю учениками школы математических и навигацких наук, послали в Швецию для изучения горнорудного дела и способов подготовки специалистов в этой области. По возвращении волею Петра I капитан артиллерии был назначен управляющим горными заводами Урала и Сибири.

Высокообразованный Татищев страстно любил родину и историческую науку. Он был убежден в том, что Древняя Русь была культурнейшим государством, а нашествие татар затормозило поступательный ход развития русской культуры. Современники Петра I, по мнению ученого, должны поднять Россию на новую высокую ступень развития и сделать ее промышленной и торговой страной. В отличие от Посошкова, Татищев осуждал русское духовенство и считал, что оно мешало просвещению народа, хотя в отношении к современности признавал «пользу от ученых священников».

В работе «Разговор о пользе науки и училищ» государственный деятель отметил необходимость познания самого себя для каждого просвещенного человека. Самопознание внешнее и внутреннее, телесное и духовное в равной степени необходимы для настоящего и будущего благополучия. Инструментом познания является наука, практически полезная всем. Татищев считал необходимым доказать ее полезность как для государства, так и для отдельных сословий, опровергнуть мнение о вреде науки в отношении к религии, о причастности ее к порождению ереси. Наука необходима для правильного понимания веры, так как незнание сущности искажает веру. «Даже апостол Павел, - отметил Татищев, - и многие отцы церкви изучали науку. Запрещающие данную сферу человеческой деятельности есть невежды или коварные люди, желающие для собственной выгоды держать народ в невежестве с целью раболепного исполнения их приказаний».

Науки, по Татищеву, необходимы для разумного управления государством, для правящего класса, для простого люда в ведении им своих дел и в укреплении добрых нравов. Незнание же или глупость вредят успеху личности и общества. Народная глупость в делах веры и в делах правления приносит великое зло. Вследствие «неучения» народ не знает ни естественного, ни божественного закона, а потому нередко и бунтует. Сущность науки заключается в ее

практической пользы, потому что знание состоит в разумении, «что добро и зло, то есть что человеку полезно и нужно, и что вредно, и не потребно» (Быт. 3,5). Поэтому Татищев предложил классифицировать науки в зависимости от жизненной необходимости человека, выделив пять основных категорий:

1. Нужные науки: домоводство, медицина, здравосбережение, нравоучение (поскольку человек непристойными поступками может вооружить против себя окружающих), законоучение божеское и человеческое, умение владеть оружием, логика и богословие (ведущее к будущему вечному благополучию).

2. Полезные науки: письмо и грамматика, история и генеалогия, география и ботаника, анатомия и естествознание, а также математика (арифметика, геометрия, механика с приложениями – архитектура, оптика, акустика, астрономия), химия, красноречие и иностранные языки.

3. Щегольские науки: поэзия и живопись, музыка и танцы, верховая езда.

4. Любительские науки: астрология и хиромантия, алхимия и физиогномия. Эти науки, по оценке Татищева, не имеют ни физического, ни математического основания и презираются учеными людьми.

5. «Вредные» науки: глупые волхования, ворожба и колдовство и, в частности, некромантия (вещание на трупах), аэромантия (воздуховещание), пиромантия (огневещание), а также заговоры, привороты, чернокнижничество и т.п. Все эти науки (пятая категория) есть простое суеверие и занимающиеся ими «в беспутстве время тратят и других обманывают, телесное наказание понести должны».

Такая группировка, на наш взгляд, есть не классификация наук, а обозрение самих разнообразных видов человеческой деятельности. Так, в одну группу Татищев включил домоводство, врачевание, самооборону, богословие и логику.

В своих «Кратких экономических до времени относящихся записях» русский историк требовал, чтобы дети крепостных крестьян обоего пола от 5 до 10-летнего возраста обучались чтению и письму. Это необходимо для государственных и военных нужд. Чтобы крестьяне не теряли даром свободного от полевых работ зимнего времени, он рекомендовал обучать их разным «художествам»: бочарному и горшочному, портновскому и сапожному, войлочному и шерстобитному, коновальному и овчарному, а также колесному, кузнечному и другим ремеслам, необходимым в крестьянском хозяйстве.

В вопросах содержания образования Татищеву присуща двойственная позиция: с одной стороны, он вводит ряд новых светских дисциплин, с другой – предлагает занятия религиозно-церковного содержания. В «Духовной моему сыну» просветитель прямо заявил, что главным в жизни является вера, а Закон Божий следует изучать: «от юности до старости, и день и ночь, ревниво

познавая волю Творца». Следует читать Библию и катехизис, книги церковных учителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Афанасия Великого, Феофилакта Болгарского, а также недавно изданные печатные толкования десяти заповедей и блаженства Феофана Прокоповича. Для тех, кто познал Библию, Татищев рекомендовал читать Прологи и жития святых в Четьи-минеях. После усвоения христианской литературы можно переходить к книгам «лютеранским, кальвинским и папическим». Знание их необходимо, так как грамотному человеку придется вести переговоры о религии с иноверцами.

В ряде работ и, в том числе, в исторических исследованиях Татищев выразил свое отношение к духовенству. Он указал на борьбу между просветительскими стремлениями правительства и обскурантизмом духовенства, его властолюбием. В старой русской жизни, по замечаниям историка, отсутствовали не только философские науки, но и грамматика. Не было никакой пользы народу от безграмотности писарей, хотя среди священнослужителей встречались «мужи благоразумные и жития похвального были». В Древней Руси, по Татищеву, вводились науки, но после нашествия татар власть государей ослабла, а власть духовенства возросла. Для поддержания и роста собственных доходов отцы церкви старались держать народ в темноте и суевериях, сократив до минимума число училищ. Некоторые российские государи, как писал Татищев, думали об открытии народных школ, но малого достигли в вопросах образования. Они начали решаться лишь при Петре Великом, сумевшем вовлечь в образовательную кампанию и духовенство.

Выдающийся деятель петровской эпохи Татищев отличался толерантностью по отношению к различным религиям, утверждал, что «разноверие» не только не вредит государству, но и приносит ему пользу. Поэтому он был недоволен Никоном и его последователями, свирепствовавшими против раскольников, которых «многие тысячи пожгли и порубили или из государства выгнали».

Образовательные проекты начала XVIII века, педагогическая мысль Прокоповича, Посошкова и Татищева оказали значительное влияние на становление и развитие церковных школ в России. Использовались рекомендации по устройству училищ для простого народа, по разработке учебных планов, использованию светской и духовной литературы в учебном процессе, по основам религиозно-нравственного воспитания.

В 1764 году была предпринята первая попытка распространения сельских школ при помощи духовенства. Особая комиссия, утвержденная Екатериной II, представила проекты образования простого народа. Все труды этого органа государыня передала на рассмотрение известной московской комиссии для составления проекта нового уложения, где вопросы начальных училищ

получили большую разработку. Сельские церковно-приходские школы планировалось открывать на 100-250 отдельных семейств. При их большом количестве должна утверждаться другая школа в месте, указанном архиереем или губернатором. Если приход состоит из разбросанных малых деревень, то училище устраивать так, чтобы в нем «без затруднений» могли проживать 30 учеников. Количество учащихся в одной школе не должно превышать 30 человек, а если желающих наберется больше, то их разделить на две возрастные группы. Старшие – посещают училище от сентября до января, младшие – с января до мая. Проект провозглашал обязательное обучение всех крестьянских мальчиков от 8-ми до 12-ти лет. Для девочек школа была необязательной, однако священникам вменялось в обязанность собирать их к себе каждую неделю и читать нравоучение из учебной книги. Занятие предписывалось проводить с утра до вечера, «как темнеть станет».

Проект начального образования детей крестьян предусматривал изучение российской азбуки со складами церковной и гражданской печати; исчисление буквами (т.е. церковное) и цифрами; молитвы краткие, вечерние и перед обедом; ясное и краткое истолкование десятилетия и догматов веры по катехизису. Училищному совету при Синоде поручалось составить назидательную книгу по данной программе под пространным названием: «Христианские добродетели, состоящие в должности подданных Государю, в беспрекословном повиновении государственным узаконениям, в послушании и почитании господ своих и других установленных властей и в должности самому себе и ближнему».

Учебная часть сельской школы поручалась «в особое смотрение» приходских священников. Они должны иметь списки всех детей школьного возраста и следить за их своевременным поступлением в школы. Священник должен быть в училище ежедневно и наблюдать за ходом учения. При необходимости он связывается с епархиальной властью и получает распоряжения, книги, пособия и др. Согласно проекту, учительские обязанности возлагались на дьяконов, дьячков и на других «способных к тому лиц». Для священников и учителей планировались вознаграждения деньгами и натурой.

Церковно-приходские школы должны находиться на попечении и содержании сельского общества, избирающего из своей среды особых уполномоченных для заведывания хозяйством и наблюдения за порядком. Главное руководство сельскими училищами возлагалось на епархиальных архиереев и губернаторов. Ближайшее попечение и «начальство над ними» поручалось дворянам, избранным в конкретном округе. Им предоставлялось право ревизовать школы, назначать и сменять учителей.

Образовательный проект московской комиссии остался благим пожеланием, выраженным на бумаге. Несмотря на то, что приказам вменялось в

обязанность открывать школы в многолюдных селениях, они этому придали второстепенное значение, не проявив никакой заботы об образовании сельского населения. Основными причинами были отсутствие средств и глубокой заинтересованности. На все статьи приказам отпускалось 15 тысяч рублей, а училища предписывалось учредить «без отягощения казны».

Местные органы были крайне скудны и ненадежны (44). И тем не менее, несмотря на утопичность проекта московской комиссии, был сделан теоретический шаг к становлению духовных школ в Российской империи.

2.2. Школы церковных братств

Значительное развитие церковных школ связано с деятельностью братств на юго-западе России. Появление религиозно-национальных объединений было обусловлено борьбой украинского и белорусского населения против польско-шляхетского гнета и католицизма. Они учреждались при церкви или монастырях и имели на своем попечении и содержании богадельни, больницы, странно-приимные дома, школы и типографии. Члены братств были людьми разных званий, чинов и положений, духовные и светские: митрополиты и архиепископы, епископы и игумены, иноки и священники, паны и дворяне, шляхтичи и мещане. Иногда в братства вступали священники с целыми приходами. Главная обязанность «братчиков» заключалась в единокорной, дружной деятельности на пользу православия, «до последнего издыхания защищать древнюю веру, права и вольности братства». Естественно, что и школы, открываемые религиозными национальными организациями, служили этой же цели. В досоветской исторической и историко-педагогической литературе религиозно-национальные объединения Украины и Белоруссии назывались церковными братствами. После Октября 1917 года историю «подправили» и, в соответствии с активной атеистической пропагандой, убрали слово «церковные». В результате стали просто братства, а при освящении учебных планов вместо церковного пения осталось просто пение.

В 1439 году возникло Львовское братство, в 1458 году – Виленское, а затем и другие. Деятельность народных объединений стали поддерживать восточно-православные патриархи, заинтересованные в борьбе с агрессией Ватикана. В 1585 году антиохийский патриарх утвердил Львовскому братству новый устав, по которому все религиозно-национальные объединения подчинялись его руководству. Оно получило право контроля над моральной жизнью светских и духовных лиц, в том числе и епископов. Вскоре Львовское братство было подчинено непосредственно Константинопольскому патриарху.

В январе 1586 года Львовское братство получило от антиохийского патриарха Иоакима грамоту, в которой одобрялась благотворительная деятельность

общества. Воодушевленные похвалой в том же году обратились к константинопольскому патриарху Феоленту с просьбой «ради церковного устройства» утвердить высокой властью их братство, школу и типографию, а также узаконить братский устав для других городов. Двумя годами раньше виленский бургомистр и настоятель Свято-Троицкого монастыря получили грамоту Стефана Батория, польского короля и полководца. В ней разрешалось магистрату города Вильно открыть школу при монастыре и содержать учителей и ученого архимандрита для обучения детей письму и наукам.

В июне 1590 года решением Брестского собора правила Львовского братства были распространены на все религиозно-национальные объединения киевской митрополии. Утверждение уставов обычно получали от польских королей. В конце XVI века братства имелись в городах Бельске, Бресте, Витебске, Замостье, Кобрине, Орше, Пинске и Полоцке; в местечках и селах, где, как и в городах, учреждались школы. Архиепископ Филарет писал, что все братские училища, особенно Киевское, оказали много услуг святой православной церкви. Они подготовили достойных священников, просвещенных пастырей, ревностных защитников православия.

В 1618 году в Могилеве князем И.Б. Отинским был основан мужской Богоявлений монастырь. Для укрепления православия при нем учредили школьное братство и типографию. Подобные образовательно-просветительные организации были созданы в Бресте, Виннице, Луцке, Минске, Немирове, Острожском и в других городах Украины и Белоруссии. Ректор и учителя братских школ избирались общим собранием религиозно-национального объединения. Кроме того, братство избирало двух попечителей – общественных наблюдателей за школой. В уставах отмечалось, что каждый член церковного братства имеет право посещать школу с целью ознакомления с ее работой.

Образовательную деятельность братства начали с организации элементарных школ, а затем стали открывать средние и даже высшие учебные заведения. Средние школы носили четко богословский характер и по сути являлись семинариями. Их главная цель заключалась в распространении просвещения в духе православия и в подготовке грамотных иереев не только в городах, но и во всех населенных пунктах. Формально в училища принимались дети всех сословий и из семей с различными материальными возможностями. В уставе Львовской братской школы было записано, что в ней могут учиться сыны богатых, «сироты убогих и которые ходят по улицам живости просячи» (собирающие милостыню для пропитания), дети членов братств и особенно сироты обучались в школах бесплатно, за счет обществ. Вообще «братчикам» вменялось в особую обязанность заботиться и помогать детям, не имеющим средств, но желающим «научиться священному писанию». Для таких учеников при братских монастырях устраивалось помещения для проживания.

Прием в школы проводился в соответствии с разработанными правилами, отраженными в уставах учебных заведений. Желаящие учиться должны были в течение трех дней присматриваться к школьным порядкам, а дети из бедных семей – и к содержанию учащихся. Если стремление к учебе не пропадало, то они говорили об этом взрослым. Ребенка провожал учиться отец или опекун в сопровождении одного или двух соседей как свидетелей. Им зачитывали реестр с описанием режима школы, требований к ученику, перечислением учебных предметов, знакомили с технологией обучения. Отец или опекун договаривались со школьным начальством о содействии и помощи учителя в обучении и воспитании сына или опекаемого. Ребенка зачисляли на учебу при условии, что он обязан оставаться в школе до конца обучения, «ибо каждый должен ходить в школу не одну четверть и не на год, но пока не окончит курс наук» (46). Ученики проживали у родственников, на съемных квартирах, в монастырях.

Учебный план элементарных братских училищ включал чтение, письмо, греческий язык, церковный устав, церковное пение. В средних школах кроме этих дисциплин изучались грамматика, риторика, поэзия, арифметика, логика, богословие. Главнейшими предметами учебного курса считались священное писание и иностранные языки: греческий, славянский, латинский, русский и польский. Учащимся вменялось в обязанность ежедневно спрашивать друг друга по-гречески, а отвечать по-славянски, спрашивать по-славянски, а отвечать на родном языке. Вообще школьники должны были разговаривать между собой на греческом или славянском языках. Братские школы находились под значительным греческим влиянием и первоначально назывались греко-славянскими, где зачастую преподавали греки. Преобладающим языком был греческий, на котором говорили, произносили речи, писали сочинения ученики. Обучению другим языкам уделялось меньше внимания, хотя считалось, что значение латинского необходимо, «дабы бедную Русь не звали глухой Русью».

Значительное время в учебном плане отводилось изучению христианской литературы. Учитель обязан был выдавать ученикам записки с изложением учения из евангелия, апостольских книг, пророков, святых отцов, философов, поэтов, историков и др. По субботам школьников обучали «пасхалии, лунно-му течению, счету, вычислению, правилам церковного пения» (47).

В Белоруссии и на Украине были противники многопредметного духовно-светского образования в братских школах. Консерваторы боялись латинского языка и наук, считая их источниками ересей. Ревнители благочестия предлагали свой учебный план, в который бы входили греческая и славянская грамматика, изучение часослова, псалтыри, октаиха, апостола и евангелия. Лучше изучать то, что свойственно церкви, и быть простым богоугодником «и жизнь

вечную получить, нежели постигнуть Аристотеля и Платона и стати философом мудрым, но в геену отъи». Такой позиции придерживались афинский инок Иоанн Вышенский и его сторонники. Так, Франциск Скорина рекомендовал изучать грамматику по псалтыри, логику – по книге Иова о посланиях апостола Павла, «красномолвность» - по книгам Соломона, арифметику – по книге Чисел, геометрию – по Иисусу Навина, астрономию – по первым главам книги Бытия и т.д. Однако при этом взгляды Скорины и его мировоззрение выходили за пределы религиозного миропонимания. Наибольшее значение для развития церковных братских школ имела просветительная деятельность ученого Ф. Скорины, основоположника белорусского книгопечатания. Он обучался в Краковском и Падунском университетах, получил степень доктора «лекарственных наук». В 1517-1520 годах, проживая в Праге, Скорина издал переведенные им на белорусский язык «Библию русску», «Псалтырь» и др. Свою издательскую деятельность он продолжил в Вильно, где напечатал «Апостол», «Малую подорожную книжку», «Псалтырь» и другие издания, необходимые как для школ, так и для взрослых читателей. Книги Скорины отличались красотой оформления, где имелись гравюры, заставки, концовки с элементами белорусского орнамента. Автор сопровождал их предисловиями, послесловиями, примечаниями, комментариями, в которых старался дать читателям начатки научных знаний по истории, географии, астрономии, естествознанию. Ученый Скорина осуждал гнет феодалов, имущественное неравенство, выступал сторонником равенства и свободы всех людей, был патриотом своей родины, ставил целью просвещение «своей братии Руси». Деятельность Скорины сыграла огромную роль в развитии белорусской культуры, братских школ, во взаимном обогащении белорусской и русской культур. Издательская деятельность просветителя оказала влияние на последующее белорусское и русское книгопечатание, на культуру славянских народов.

В уставах церковных братских школ был четко определен распорядок их работы. Ученикам предписывалось приходить на занятия и уходить с них в определенное время. Опаздывать и пропускать уроки без уважительных причин запрещалось. Если ученик опаздывал в первый раз и впервые пропускал уроки, то его строго наказывали, а при повторном нарушении распорядка исключали из школы. В случае неявки ученика на уроки учитель должен послать за ним дежурного, который обязан выяснить причину: «не занимается ли игрою, не заленился ли где дома, не спал ли сверх меры, и по возможности следует привести отсутствующего ученика в школу» (Устав Луцкой школы, § 7). Во время уроков не разрешалось переходить с места на место, шептаться и разговаривать, а предлагалось слушать и замечать все, что читается и показывается учителем. На уроках ученикам запрещалось иметь посторонние «ремесленные инструменты и вредные книги».

Технология обучения предусматривала деление учеников на группы. Так, в элементарных братских школах одни учились распознавать и складывать буквы, другие – читать и заучивать наизусть различные уроки, третьи – учились объяснять и понимать прочитанное. Занятия начинались с индивидуального рассказа каждым учеником вчерашнего урока и показа письменной домашней работы, а затем по указанию учителя школьники занимались самостоятельно. После обеденного перерыва каждый ученик записывал заданные учителем уроки, малолетним же педагог записывал сам. Вечером дети обязаны были прочитать своим родителям или лицам их заменяющим то, что учили в школе, и с теми объяснениями, которые им делал учитель. Для закрепления пройденного ученики должны были дважды списать все сделанное ими в классе.

В братских школах особое внимание уделялось воспитанию почтительно-го отношения к старшим. При встрече с достойными духовными и светскими людьми полагалось снимать головные уборы и кланяться. Они должны были почтительно относиться к церквям, монастырям, кладбищам, училищам. Находясь около этих мест, детям следовало воздерживаться от негативных поступков, непристойных слов и нескромных шуток. Ученикам запрещалось ходить на пирушки и знаться с безнравственными людьми. В поддержании порядка и воспитании положительных качеств учителя опирались на самих учеников. С этой целью каждую неделю назначались 2-4 мальчика для надзора за школой и детьми. Отказываться от такого назначения запрещалось. Дежурные приходили раньше всех в школу, затопляли печь, подметали полы и садились у дверей, замечая всех «поздно приходящих и рано уходящих». Помощники учителя отмечали не знающих урок, а также шаливших в классе, на улице, в церкви.

Примером для всех учеников служили педагоги (дидаскалы), к моральным и профессиональным качествам которых братства предъявляли жесткие требования. Учителя должны быть благочестивыми, рассудительными, «смирномудрыми», кроткими, стойкими к любым соблазнам. В соответствии с уставами братских школ, людей с отрицательными качествами к обучению не допускали. Учителями не могли быть пьяницы и ловеласы, вымогатели и взяточники, сквернословы и «смехостроители», а также «пособители ересям». На учительские должности принимали людей православной веры, но при их недостатке приглашали и образованных иноверцев, хотя отношение к ним было не совсем доброжелательным.

За деятельностью учителей следили два уполномоченных от общества, люди сведущие в школьном деле и науках. Им давался реестр с печатью братства, в который дидаскалы записывали своих учеников и на основании этого документа получали заработную плату. Перед началом обучения учитель был

обязан посоветовать каждому ребенку конкретные дисциплины для занятий, учитывая их возраст, наклонности и способности. По воскресеньям и в христианские праздники учителя вместе с детьми участвовали в литургии, а после обеда дидаскалы знакомили школьников с евангельскими и апостольскими текстами. При обучении учителям рекомендовалось относиться со всеми детьми одинаково – к богатым и бедным, сиротам и убогим. Однако при определении места каждого ученика в классе педагоги обязаны были придерживаться определенного порядка. Кто больше знал и прилежней учился, тот занимал «возвышенное» место, даже если был из бедной семьи.

Учитель и школьные наблюдатели должны были напоминать родителям и опекунам о порядке выполнения домашних заданий. Если в поведении детей появлялись признаки, мешающие образованию, то они тщательно изучались. За непослушание учитель имел право наказать виновного, «но не тирански, а наставнически, не сверх меры, а по силам, не с буйством, а кротко и тихо» (Устав Луцкой школы, § 2). При халатном отношении учителя к работе, а также родственников учеников, «препятствующих науке и благим нравам», виновных наказывали.

Значительную помощь в обучении оказывали братские типографии, развернувшие широкую издательскую деятельность. Печатались разные по жанру книги: богослужебные, «святоотеческие», полемические, учебные и др. Наиболее знаменитыми и успешными типографиями являлись Виленская, Могилевская, Луцкая и Львовская. Последняя в течение трех веков издала более 300 тысяч церковных и учебных книг. Книги братской печати распространялись не только в Речи Посполитой, где функционировали братские школы, но и в Валахии, Молдавии и России (48).

В 1631 году архимандрит Киево-Печерской лавры Петр Могила делает попытку организовать свою школу, отличную от братских. Он, как бывший воеводич и типичный феодал, был тесно связан родственными отношениями со знатными родами Польши и Украины. В начале своей духовной карьеры Могила занял резко враждебную позицию по отношению к среднему дворянству, купцам, ремесленникам и казачеству. Идеологические разногласия приняли острые формы. Архимандрита обвинили в приверженности к католицизму, в стремлении латинизировать лаврскую школу. Казачество даже грозилось бросить Могила в Днепр на съедение осетрам. К счастью, борьба закончилась компромиссным соглашением – лаврское училище закрыли, передав учеников в братскую школу. Оппозиционер был вынужден выполнить требование братства и запорожского казачества, но при этом потребовал права считаться пожизненным блюстителем и опекуном этой реорганизованной школы, разместившейся в Богоявленском монастыре. Архимандрит П. Могила добился того, чтобы учебное заведение именовалось в его честь «Киево-

Могиланская коллегия», хотя главная заслуга в открытии этой школы принадлежала не ему, а киевскому братству.

Демократические уставы братских школ способствовали двусторонним связям школы и семьи, школы и общества, предусматривающим взаимную ответственность всех сторон. Роль и значение духовно-светских учебных заведений Украины и Белоруссии весьма значительны. Ценны и новы были четкая организация школьной жизни, элементы классно-урочной системы, хорошая постановка учета посещаемости и успеваемости учащихся и др.

Из братских школ вышли многие деятели просвещения, составители первых учебников для детей, авторы полемических сочинений против унии и замечательных произведений по богословию и церковной проповеди, переводчики и исправители книг. В XVI- начале XVII века учителями братских школ было составлено несколько печатных славянских грамматик. Среди них «Грамматика доброглаголивого эллинославянского языка», изданная Львовским братством в 1591 году; «Грамматика словенского языка», составленная Лаврентием Зизанием и изданная в Вильно в 1596 году; «Грамматика словенская», разработанная Мелентием Смотрицким и изданная в 1619 году в Киеве. Последняя стала замечательным трудом своего времени, в течение двух веков определившим в основном работу по русскому языку в светских и церковных школах России. Многие «учителя – братчики» и организаторы народного образования были приглашены в Москву с целью оказания помощи в становлении школьного дела в Московском государстве. Это были Иов Борецкий, Лаврентий Зизаний, Памва Берында, Захарий Копыстенский, Епифаний Славинецкий.

Многие черты религиозно-национальных школ Украины и Белоруссии, являвшихся передовыми учебными заведениями своего времени, нашли, по видимому, отражение в «Великой дидактике» Я.А. Коменского, и в особенности в его «Законах хорошо организованной школы». Церковные братские школы, устанавливая культурные связи с Москвой, воспитывали детей в духе борьбы против польских панов и иезуитов, угнетавших украинский и белорусские народы, сыграли значительную роль в борьбе за воссоединение Украины с Россией.

2.3. Образовательная деятельность духовенства

В XVI-XVII веках образование продолжало находиться в ведении духовенства. На юго-западе Руси вместе с церковью обычно строили и школу, где жил поп-дьяк со своими церковными чтецами и певцами. Дьяк занимал положение не по сословному происхождению из духовного звания, а по должности, которая была доступной для всех сословий. При

одной церкви могло быть два и даже три священника, но полагался лишь один дьяк, избранный народом за хороший голос, знание церковных служб и умение вести их «благословно и благочинно». От дьяка требовался талант педагога, так как он обучал своих помощников, исполняющих церковные службы, учил как живущих в школе, так и приходящих за знаниями. Дьяка как учителя называли пан бакаляр, а как начальника училища – пан директор. В церковной школе жили и «бесприютные» сироты, на занятия приходили дети украинских казаков, поляков, из семей богатых и бедных. Проживающие в школе находились на полуголодном существовании и жили надеждой на лучшее будущее – стать дьяком, а затем и священником. В приходской школе необходимо было познать букварь, освоить псалтырь, часослов и все церковные напевы. В «малорусской» школе XVI-XVII веков обучение иногда сопровождалось физическими наказаниями. По субботам ученики рассказывали бакалавру выученное за неделю. Не знавших материала наказывали розгами («субботниками»). Многие из учеников на всю жизнь оставались при церкви, исполняя низшие причетнические обязанности (49).

Приходские священники иногда содержали частные школы грамоты, где сами же исполняли учительские обязанности. Плата за обучение зависела от возможностей родителей и способностей учеников. Дети из бедных семей обучались за счет церкви. Занятия начинались с 1 ноября, в день Косьмы и Дамиана, считавшихся у греков ближайшими помощниками в обучении, или же с 1 декабря, в день пророка Наума. Перед началом учения совершался молебен. Русская церковно-приходская школа была истинно народной, доступной для всех сословий, желающих получить элементарную грамотность.

В 1552 году было окончательно ликвидировано Казанское ханство, что создало предпосылки для распространения в Поволжье. На Московском соборе 1555 года решили учредить в Казани епархию и назначить первым ее епископом (по жребию) игумена Гурия. Его помощниками стали Варсанофий в Казани и Герман в Свяжске. В «наказной памяти» епископу Гурию поручалось кормить и поить у себя на дворе всех татар, приходящих к нему и «ударявших челом»; угощать квасом и медом в монастырях, «чтобы неверные видя таковых их береженье и жалованье их преосвященным, располагали праведному христианскому закону» (50). Приведение «неверных» к православию, как отмечал патриарх Филарет (в миру Гумилевский Дмитрий Григорьевич), совершалось не насильем и принуждением, а свободно, в духе евангельской любви и кротости.

Жители, самые преданные язычеству, с любопытством наблюдали за рядами христианского богослужения, восхищались красотой нового храма. Русский посланник пытался убедить местное население в бессмысленном поклонении идолам. Желая доказать свою правоту, Гурий сжег одну из зна-

менитейших кумирниц, языческую молельню с кумирами, превратив ее в пепел. Слова и поступки православного епископа действовали – началось массовое крещение, а вместе с ним сокрушение идолов в домах, на улицах, на дорогах. Бывшие язычники бросали в огонь драгоценные шкуры зверей, приносимые ранее в дар своим деревянным богам (51). Казанский епископ Гурий пастырским учением просвещал умы аборигенов, а святостью своей жизни, любовью к нищим и провинившимся «смягчал сердца, не знавшие христианской любви» (52).

В середине 1557 года Гурий активизировал свою миссионерскую деятельность, основав Зилантов, Спасо-Преображенский и Свяжский монастыри. При них открыли школы и рекомендовали монахам обучать местное население не только чтению, но и пониманию прочитанного. В монастырских школах учились новокрещенные татары (магометане) и другие инородцы: вотяки, мордва, черемисы, чуваша. Учениками были и дети из русских семей, поселившихся в Казанском крае после его завоевания. Большинство учившихся проживали в монастырях, заботившихся об их содержании. В 1564 году царь Иван IV одобрил открытие Гурием школ, написав об этом в письме: «Надобно чтобы дети не только умели читать и писать, но и разуметь, что читают, дабы в последствии могли наставлять других, еще не обратившихся к Господу».

В училищах, открытых Гурием, изучали азбуку, псалтырь, часослов, христианские законы и заповеди, русский язык. Окрыленный первыми успехами по распространению христианства среди инородцев миссионер поехал в Москву с целью добиться провозглашения Пермской епископии. По возвращении Гурий продолжил образовательную деятельность и дальнейшую христианизацию коренного населения. Он отставив в Новгороде, где находилось российское правительство, интересы населения Пермского края; добивался поставки хлеба из Вологды в неурожайные годы (54).

Достойным помощником Гурия был Варсанофий, бывший татарский пленник, хорошо знавший татарский язык и религиозные основы ислама. Он беседовал с татарами на их наречии, опровергал ложные взгляды, приводя примеры из Корана. Детей местного населения Варсанофий старался учить так, чтобы повзрослев они могли с успехом «поганых обращати и басурман научати». Для работы в новых школах он привлек иноков-старцев, получавших от монастырей полное содержание. По мере распространения христианства среди коренного населения, он сооружал для новокрещенных инородцев церкви, определяя в причт воспитанников своих школ, подобно тому, как это делал Стефан Пермский. Высшее духовенство заметило успешную деятельность Варсанофия и предложило возглавить Тверское епископство. Прослужив недолго в новом качестве, он вернулся в Казань и до конца своих дней

занимался миссионерством и просвещением инородцев. Царь поддерживал церкви, притчы, школы Казанской епископии, выделяя деньги из казны и монастырей.

Продолжателем просветительской деятельности Гурия был Герман, служивший ранее в Свяжске. Это человек «многого и чистаго» разума, примерной жизни, знаток священных писаний, неутомимый труженик в духовных делах, готовый прийти на помощь убогим и страдальцам.

В 1557 году русскими было покорено Астраханское ханство и началась христианизация края. Туда был направлен игумен Кирилл, усердно взявшийся за распространение новой веры и просвещение магометан. Он крестил мужчин и женщин, молодых и старых, обучал детей грамоте и Закону Божию.

В XVI-XVII веках в монастырских и церковных школах обучали чтению, письму и церковному пению. Учебными пособиями были часослов, псалтырь, Апостол и другие божественные книги, монастырские училища были не только в городах, но и в обителях, удаленных от них. К таковым относился Кирилло-Белозерский монастырь. Чтению и письму обучали и в ряде деревень, где имелись церкви и мастера грамоты. Так, Александр Свирский и Зосима Соловецкий научились читать и писать в деревне Обонежье, Антоний Сийский – в селе около Белого моря. Мартиниан Белозерский учился в деревне близ Кириллова монастыря (55). В XVI веке, как полагают ученые, уровень грамотности среди землевладельцев дальнего Севера превышал 80%, среди помещиков Московской области – 65%, среди посадского населения грамотных было 25-40% (56).

В XVI-XVII веках начали активно развиваться письменность, литература, образование. Жития святых свидетельствует о существовании училищ даже в самых отдаленных краях Русского государства. Они требовали большого количества книг, которые стали издаваться Московским печатным двором. В середине XVII века трижды (1647-1651 гг.) была отпечатана азбука в количестве 9600 экземпляров; учебный часослов в течение семи лет (1645-1652 гг.) издавался восемь раз; учебная псалтырь в течение шести лет (1645-1651 гг.) издавалась девять раз. Кроме того, множество азбук, грамматик и псалтырей поступало из братских типографий западной Руси.

Книгохранилищами были библиотеки при монастырях, архиерейских кафедрах, при приходских церквях, в городах и селах. Количество книг в них постоянно росло. По описи 1551 года в бедном малоизвестном карельском Николаевском монастыре числилось 57 книг. При подготовке к собору 1654 года патриарх русской церкви Никон потребовал данные о количестве книг в обителях. Оказалось, что по описи только одних «степенных» монастырей в них насчитали 2673 книги. Богатейшими библиотеками обладали Соловецкий, Сергиевский и Кирилло-Белозерский монастыри. По описи 1752 года в

Волоколамском монастыре числилось 1150 книг, из них печатных было только 15 экземпляров (57).

Сведения о церковно-приходских библиотеках сохранились в писцовых книгах. Так Г. Боцановский установил, что в церквах г. Великий Устюг было до 700 томов 68 названий. Среди них имелись богослужебные книги, творения отцов церкви, жития святых и различные сборники. В устюжских церковных библиотеках имелись следующие издания: “Пролог”, “Маргарит”, “Торжественник”, “Книга новых Чудотворцев”; жития святых – Николая, Бориса и Глеба, Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких, Иоанна Златоуста и др.; жития святых отцов – “Измарагд”, “Богословие Златоуста”, “Жезл Правления”, “Скрижаль”, “Небеса Дамаскина” и др. Книги приходских церковных библиотек служили не только для использования клиром, но и детям, приходящим в церковь «говорить по книгам» под руководством членов клира. С особого разрешения книги могли брать на дом взрослые прихожане. В порядной записи, сделанной пономарём, отмечалось, что он обязался присматривать за детьми, чтобы они берегли книги, «не драли и воском слов не закапывали, и по домам без спросу и без ведома не брали» (58).

Книгопечатание значительно облегчило пополнение библиотек. Кроме книг, изданных на Московском печатном дворе, были работы «литовской печати». Последние, к сожалению, стали преследоваться после признания неправославным учительного Евангелия Кирилла Транквилиона. Царь и патриарх Филарет приказали собрать все учительные Евангелия литовского издания, а также другие подобные книги и сжечь, «чтобы та ересь и смута в мире не была». Однако указ исполнялся плохо, тем более, что книги стоили дорого, а сжечь их велели без всякого вознаграждения. Поэтому продукция литовской печати, особенно азбуки, продолжали храниться в церковных библиотеках.

Средствами для пополнения собранных книг служили разные источники. В именитые храмы полиграфическая продукция поступала по линии государства. Некоторые библиотеки создавались на средства прихода вместе с постройкой храмов. Другим источником являлись пожертвования частных лиц, которые делались деньгами или непосредственно книгами. В приходных церковных записях отмечалось о внесенных средствах. Так, по Успенскому собору Великого Устюга за 1644-1663 года отмечено о внесении спасским попом Петром 8 рублей на приобретение прологов, Михаилом Андреевым – 12 рублей, подьячим Иваном Ураковым – 6 рублей. Книги очень ценились и поэтому стоили дорого: “Пролог” со стихами – 4 руб. 50 коп., Библия – 4 руб., “Триод Постная” – 2 руб. (59).

Первыми учителями в патриарший период были священники, иноки, дьяконы и дьячки. Высокие обязанности священников, излагаемые в апостольс-

ких посланиях и отеческих писаниях, в равной степени относились и к их учительской деятельности. Пастыри призваны, по выражению митрополита Алексия, учить всех «душеполезным вещам», словом и делом, поучением о праведной жизни. Учение в школе не расходилось с учением в церкви. Первые учителя и воспитатели из духовенства служили живым образцом для наставников из светских сословий. Стоглав призывал избирать для школ добрых и благочестивых учителей, имеющих «в сердцах страх Божий» и вменять им в обязанности учить «со всяким духовным наказанием» страху Божию, грамоте, письму и пению. Особенно ценились в учителях добрый нрав, кротость, скромность, поэтому и выбирали «учительских людей тихих и небражников». В допетровский период на труд учителя и воспитателя смотрели как на дело Божье.

Поступление ребенка в школу проходило по неписанным правилам, начинавшимся с молитвы. Заранее условившись с учителем, в определенный день родители и вся семья отправлялась в церковь, слушали там обедню, служили молебен святым Косме и Дамиану, пророку Науму и своему ангелу. Затем учитель шел в дом родителей, где его встречали с почетом, усаживали в передний угол. Держа сына за руку, отец передавал его учителю, что означало и передачу отцовских прав новому человеку. Мать, по обыкновению, в эту минуту плакала, жалея своего ребенка. Будущий ученик делал три земных поклона учителю, который при этом чисто символически трижды ударял ребенка и сажал его за стол, за азбуку. Мать вручала сыну узорчатую деревянную указку, а учитель, развернув азбуку, показывал букву «Азь» и произносил «азь – земля – ерь – азь», чем и оканчивалась первая встреча с наставником. Церемония посвящения заканчивалась угощением учителя, подношением ему подарков в виде одежды, полотенца, хлеба. На другой день ребенок с азбукой и указкой в руках являлся в школу и становился учеником.

Дети из отдаленных населенных пунктов жили при училищах и в домах учителей. Кроме традиционного обучения наставники должны были проводить внеклассное чтение во время «хлебоядения и полуденного от учения престатия». По данным азбуковников, в школе назначались три старосты, в общежитии – один. Он должен был наблюдать за порядком во время сна учителя и при его отсутствии; следить чтобы дети занимались делом, не тратили время на пустые разговоры и шалости.

Обучение в XV-XVII веках, по мнению А.И. Соболевского, было повсеместным, общераспространенным во всех слоях русского общества – от глухой деревни до «высоты престола царского». Содержание образования было одинаковым для всех сословий, обучались по одним и тем же книгам, зачастую у одних и тех же учителей приобретали умение читать и писать. «Точно так же и княжеский сын, и попovich, и крестьянский сын, каждый отдельно, могли

сами набираться учености, изучая книги» (60). Белые священники Московского государства XVI-XVII веков были все грамотны, так как им приходилось проводить службу и вести различные церковные записи. Все белые дьяконы и дьячки, работавшие учителями церковно-приходских школ, естественно, владели грамотой. Информации о безграмотных учителях среди этой категории людей ученые не выявили. Большое количество грамотных было среди «черной братии» монастырей. В Кирилловой обители, например, 75% грамотных иеромонахов и 70% старшей братии умели читать и писать. Среди бояр и их детей, по данным Соболевского, грамотные составляли 55%; среди придворных, умеющих читать и писать, численный показатель составил 78%. Грамотность среди купечества была обычным явлением. Ссылаясь на челобитную 1646 года, Соболевский отметил, что ее подписывали 163 купца из 168, обращавшихся с письменной просьбой. Среди посадских людей грамотных было не ниже 20%, а среди крестьян лишь около 15% умели читать и писать.

Таким образом, уровень грамотности русских людей был обусловлен активной образовательной деятельностью духовенства. Оно открывало монастырские и церковно-приходские школы, создавало библиотеки с христианской литературой, занималось индивидуальным обучением.

2.4. Зарождение и развитие духовных академий

Необходимость в высшем богословско-православном образовании была обусловлена потребностью в высококвалифицированных служителях церкви. Учреждение академий основывалось на уже имевшихся духовных и светских учебных заведениях. На Украине это были школы церковных братств, одну из которых, принадлежавшую к Киево-Богоявленскому братству, в 1632 году, преобразовали в Киево-братскую коллегию, разместившуюся в одном из зданий братского монастыря. По управлению и содержанию образования она напоминала иностранные коллегии и академии. Начальствующими лицами являлись ректор, префект (инспектор и эконом) и супер-интендант (надзиратель за благочинием воспитанников). Люди, возглавлявшие коллегию, обладали солидным образованием, являлись авторами ряда литературных произведений. Одним из них был бывший ректор Львовской и братской школы Иов Борецкий, впоследствии Киевский митрополит. Из числа деятелей духовной коллегии наибольшей известностью пользовались Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Иннокентий и Гизель, Иоанникий Голятовский, Иннокентий Кульчинский, Иосаф Кротовский, Антоний Радзивилловский.

Ученики Киевской духовной коллегии делились на восемь классов, низшие из которых назывались фара, инфима, грамматика, синтаксима; средние

– риторика и поэтика. Студенты, решившие принять духовный сан, продолжали образование в высших классах – философии (2 года обучения) и богословии (4 года). В высшем учебном заведении обучались дети духовенства, горожан, казаков и крестьян.

В 1701 году коллегию переименовали в духовную академию, значительно расширив круг наук. Были введены французский, немецкий и другие европейские языки, естественная история, география, математика. В разное время в Киево-Могилянской академии преподавались астрономия, славянская и латинская словесность, экономика, греческий, латинский, древнееврейский и польский языки, катехизис, музыка и нотное пение. Кроме того, в разные периоды в учебный план включали высшее красноречие и русскую риторику, архитектуру и живопись, сельскую и домашнюю экономию, медицину. Число преподавателей к концу XVIII в. доходило до двадцати и более человек, которые являлись представителями монашесствующего духовенства.

С 1759 года богословие преподавалось по системе Ф. Прокоповича, риторика – по руководству и красноречию М. Ломоносова, остальные предметы изучались главным образом по иностранным руководствам. До 70-х годов XVIII века преподавание велось на латинском языке, а с 1774 – на русском. Латинский язык предлагалось изучать по известному учебнику для польских училищ автора Альвароса, философию – по Аристотелю, богословие – по Фоме Аквинскому. В академии проводились публичные диспуты, ставились спектакли религиозного и нравственного содержания. Особую активность в учебных спорах проявляли философы и богословы. Среди преподавателей заслуженным авторитетом пользовались Ф. Прокопович, С. Яворский.

Киевская академия не была сначала всецело духовным учебным заведением, так как принимались лица всех сословий и изучались светские науки. Число светских учеников нередко превышало количество духовных. Киево-Могилянская академия являлась оплотом русского национального движения против поляков, католицизма и униатов. Для того, чтобы противостоять польско-католическому угнетению в идеологической области, надо было встать на один уровень с католическими (иезуитскими) учебными заведениями, овладеть той западноевропейской наукой, которая была идеологическим оружием в руках угнетателей. Прежде всего, следовало в совершенстве овладеть латинским языком.

Обучение в академии было сопряжено с тяжелым материальным положением студентов. Обучающиеся, число которых иногда доходило до 500 человек, содержались на монастырские средства, но их не хватало. Студенты вынуждены были собирать по городу пожертвования деньгами, пищей, дровами. Они ходили по городам, селам и деревням Киевской и Черниговской губерний, пели под окнами домов священные стихи, зарабатывая тем самым

подавания. Перед праздником Рождества Христова и Пасхой студенты появлялись на улицах городов со звездой и вертепом (ящик для марионеток) как необходимыми атрибутами для устройства кукольных представлений на евангелические сюжеты. В летнее время ученики Киевской академии организовывались в странствующие группы и расходились по разным местностям. Они пели торжественные кантаты, разыгрывали драмы, трагедии и комедии, читали стихи и произносили речи, вели службы в приходских церквях, добывая тем самым средства на пропитание. Участь бедных студентов несколько смягчали пожертвования от царского двора, духовных особ, вельмож и гетманов. С конца XVIII века на содержание академии Правительство стало ассигновывать специальные средства.

Контингент учащихся в Киевской духовной академии почти постоянно превышал тысячу человек. Так, в 1715 году, в ней обучалось 1100 студентов, в 1744 году – 1160, а в середине XVIII века насчитывалось до 1120 человек. До 2/3 обучающихся получали светское образование, среди которых были дети шляхтичей, зажиточных мещан и казаков. До открытия в 1755 года Московского университета академия готовила образованных людей не только для Украины, но и для России, Белоруссии, в ней обучались студенты из Болгарии, Валахии, Греции, Молдавии, Сербии.

Киево-Могилянская академия явилась крупнейшим образовательным центром Юго-Западной и Южной Руси XVII-XVIII веков. Под ее влиянием и по ее образцу возникли коллегии в Харькове и Чернигове. С усилением связей Московской Руси с Западом, когда стала ощущаться необходимость в западноевропейской науке, Киевская академия направила нескольких своих деятелей в Москву. В 1649 году Алексеем Михайловичем были вызваны ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Симеон Полоцкий.

В Киевской академии были воспитаны и работали многие крупные научные и культурные деятели XVII-XVIII веков: Ф. Прокопович, С. Яворский, медики Н. Амбодик-Максимович, И. Каминский-Гелита и Н. Квятковский, физиолог Д. Велланский (Кавунник), историк Н.Н. Бантыш-Каменский, украинский философ Г.С. Сковорода, гетман И. Самойлович и др.

Влияние Киевской академии сильно сказалось на возникновении в конце XVII века Греко-латинских школ в Московской Руси и особенно первого высшего учебного заведения – Славяно-греко-латинской академии в Москве. В своей борьбе со старорусским консервативным духовенством Петр I опирался на Киевскую академию. В XVIII веке ее выпускники назначались организаторами, ректорами и преподавателями в открываемые духовные семинарии по подготовке нового духовенства светских администраторов. В частности, они были организаторами Белгородской семинарии (1721 год), Рязанской (1722 год), Иркутской (1726 год), Псковской (1728 год), Воронежской (1731 год), Ка-

занской (1732 год), Тверской греко-латинской школы (1732 год), семинарии в Великом Устюге (1738 год), Коломенской (1740 год), Ярославской (1747 год) и Владимирской (1750 год). Некоторые выпускники Киевской академии открывали народные школы, служили по административной и дипломатической части. Наиболее способные и любознательные поступали в Московский университет, где, кстати, работало несколько профессоров, направленных из Киевской академии; продолжали образование за границей; становились студентами других учебных заведений. Так, например, в 1754-1768 годах из Киевского вуза в медико-хирургические школы поступило более 300 человек.

После открытия Московского университета, учреждения гимназий и других учебных заведений значение Киевской духовной академии, с курсом ряда общеобразовательных дисциплин, стало падать. С 1787 года она все более превращается в духовное учебное заведение с большинством учащихся из духовного сословия. Количество студентов резко снизилось. В 1790 году числилось 419 человек из духовного сословия и только 232 студента относились к другим социальным группам населения. Постепенно контингент учебного заведения стал вновь увеличиваться, но уже за счет детей из семей духовенства. Опыт Киево-Могилянской академии бы воспринят Харьковским и Черниговским коллегиумами, а затем и учебными заведениями в петровской России первой половины XVIII века.

Вторым высшим учебным заведением по времени открытия была Московская духовная академия. Ее история корнями уходит в середину XVII века, когда в Московском государстве начали открываться первые Греко-латинские школы. Теория развития Москвы как «третьего Рима», распространенная в правящих кругах, требовала знания латинского и греческого языков. Эту концепцию и стремление поддерживали зависимые в материальном отношении от Московского государства восточные патриархии. Еще в 1585 году александрийский патриарх Сильвестр советовал царю Федору Ивановичу завести училища. В 1593 году Мелетий Пигас, преемник Сильвестра, обращаясь к государю, писал: «Устрой у себя, царь, греческое училище». В 40-х годах XVII столетия об открытии греческой школы в Москве хлопотал Петр Могила, киевский митрополит. В 1622 году прибывший в Москву Паисий Лихарид, газский митрополит, советовал бороться со старообрядцами путем организации школ: «Во-первых, училище, во-вторых, училище, в-третьих – училище присуждены быти». От отмечал, что учение придает силы и орлиные крылья; призывал русского царя подражать «Феодосию и Юстиниану в создании училищ для остроумных младенцев», где бы изучались греческий, славянский и латинский языки. В 1633 году патриарх Филарет Никитич учредил в Москве при Чудовом монастыре церковную школу, где кроме чтения и пения изучались греческий и славянский языки. В 30-х годах XVII века епархиальным

архиереям рекомендуют устраивать училища при своих домах.

Развитие ремесел и торговли, усиление роли среднего дворянства и купцов, необходимость во внешних связях обусловили становление школьного дела в Московском государстве. Сначала обучение велось в частном порядке, но во второй половине XVII века стали делаться спорадические попытки организации единичных Греко-латинских школ, инициаторами которых являлись выходцы из Византии и Украины.

В книге «Путешествия Олеария» (1653 год) имеется глава, посвященная русским училищам, где учат читать и писать по-русски. Но к немалому удивлению, как заметил автор, по распоряжению патриарха и великого князя русское юношество начинают обучать греческому и латинскому языкам. Для этого близ патриаршего дома была учреждена греко-латинская школа, которой заведовал грек Арсений, прибывший в Россию вместе с иерусалимским патриархом Паисием.

Зарождение школ в Московском государстве связано с именем боярина Федора Ртищева, любимца царя Алексея Михайловича. Свою службу при царском дворе Ртищев начал в качестве стряпчего, затем стал постельничим, царским дворецким. Обладая организаторскими способностями, он организовал Ртищевское братство, построил на Воробьевых горах Андреевский монастырь и открыл там в 1649 году школу, пригласив преподавателями украинских ученых монахов. Вскоре школу перевели в Чудов монастырь, и она стала называться Чудовским училищем. В Греко-латинской школе числилось до 30 взрослых учеников, которых обучали латинскому и греческому языкам, риторике и философии, богословию и церковному пению. В 1664-1670 годах государственный деятель Ф.М. Ртищев был воспитателем («дядькой») царевича Алексея Алексеевича.

В 1649 году по вызову Алексея Михайловича из Киева в Москву прибыл Епифаний Славинецкий, воспитанник братской школы. В училище при Патриаршем дворе ученый монах преподавал греческий и латинский языки, риторику. В 1653 году Славинецкий открыл греческую школу в Чудовом монастыре. Он был сторонником греческого учения и ревностным защитником православия. Все преподавание в Чудовской школе велось в «строго православном духе» на греческом и славянском языках. Школа, удовлетворяющая требованиям и духу русского народа, стала средоточием умственной и литературной деятельности того времени. Ее преподаватели переводили духовные книги, делали заметки в рукописях, составляли библиотеки, активно работали в типографии. Основатель школы Славинецкий написал педагогическое сочинение «Гражданство обычаев детских». В 164-х правилах о поведении детей автор в вопросно-ответной форме дал наставления о внешности, одежде, о поведении в церкви, училище и др. Сочинение Славинецкого было в свое

время ценным пособием для учителей и родителей (62).

В середине 60-х годов XVII века Симеоном Полоцким в Спасском монастыре, в центре Москвы за иконным рядом, была организована Греко-латинская Заиконоспасская школа. Видный деятель просвещения, писатель придавал большое значение воспитанию и отводил в нем главную роль примеру учителей и родителей. Он пытался определить характер обучения на различных возрастных ступенях и, в частности, после 14-ти лет внушать детям «страх божий», а также учить разумно и честно «гражданствовать в мире».

В школах, открываемых в церквях и монастырях, с каждым десятилетием увеличивалось количество светских дисциплин. Между сторонниками нового образования, поборниками западноевропейской науки и старорусским духовенством, поддерживаемым восточными патриархами (константинопольским, иерусалимским и др.), шла острая борьба за содержание образования во вновь открываемых школах. Консервативные церковники рьяно возражали против изучения латинского языка и элементов светской науки (грамматики, риторики, арифметики) и требовали, чтобы учащиеся не учились «сим хитростям», а ограничивались лишь чтением священного писания.

Просветитель С. Полоцкий вынашивал планы организации высшего образования в Москве. По поручению царя Федора Алексеевича он составил план учебного заведения, который стал реализовываться московским патриархом. В 1679 году он открыл в трех верхних платах своей типографии греческое училище с церковным характером обучения. Первые 30 учеников были набраны из семей различных сословий. Типографское училище пользовалось большим вниманием царя и патриарха, еженедельно посещавших его, «чтобы утешиться новым и неслышанным делом». Высокие посетители делали щедрые подарки для училища и учеников.

В конце 70-х годов XVII века Полоцкий, воспитывавший детей и царя Алексея Михайловича, предложил создать в Москве славяно-греко-латинскую академию по образцу киевской. В 1682 году он составил учредительную грамоту под названием «Привилея», отражающую основные положения нового учебного заведения. Цель академии – подготовка образованных людей для нужд управления государством и для церкви. Грамота объявляла учебное заведение общим для людей разных чинов, сана и возраста, исповедующих христианство. Они присягали на верность православию и защите его от других вероисповеданий и ереси. Выдвигая на первый план образовательные задачи, «Привилея» в то же время рассматривала академию как блюстительницу православия и оплот борьбы с ересями и отступничеством от христианства.

Проект Полоцкого намечал преподавание семи «свободных» наук (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка), богословия и «науки правосудия». Грамота объявляла академию бесслов-

ным учебным заведением общим для людей разных чинов, сана и возраста, исповедующих христианство. Блюстителями и учителями должны быть православные русские, присягнувшие на верность православию и защите его от других вероисповеданий и ереси. «Привилея» крайне подозрительно относилась к выходцам их Литвы и Юго-Западной Руси. Выходцы из этих регионов, желающие работать в академии, должны были представлять письменные свидетельства от «достоверных благочестивых» людей о порядочности и вероисповедании претендующих на учительские и «блюстительские» должности.

Патриарх и окружавшее его консервативное духовенство долго тормозили открытие академии из-за демократизма в формировании контингента и наличия семи «свободных» наук. По просьбе царя Федора Алексеевича в 1683 году константинопольский патриарх направил в Москву братьев Иоанкиия и Софрония Лихудов, ученых монахов. Они открыли в Богоявленском, а затем в Заиконоспасском монастырях школы, где преподавались грамматика, пиитика, риторика, логика и физика на латинском и греческом языках. Это стало решающим шагом к открытию Московской академии. При Заиконоспасском монастыре выстроили специальное здание для высшего учебного заведения. В 1687 году царевна Софья подписала указ об открытии Московской Эллино-греческой академии.

Организаторами нового учебного заведения стали братья Лихуды, доктора Падуанского университета. Впитавшие западноевропейскую науку, они перенесли ее в Москву, ввели в академии преподавание латинского языка, господствовавший в высшей школе Запада, схоластический метод. В преподавании риторики, логики и физики Лихуды следовали Аристотелю, авторитет которого царил в западноевропейском высшем образовании того времени. В Московскую Эллино-греческую академию принимались мальчики и юноши с 12 до 20-летнего возраста. Обучалось от 200 до 600 человек, большая часть из которых принадлежала к духовному сословию. Среди учеников были представители из знатных дворянских фамилий, разночинцы и даже новокрещенные инородцы.

Преподавание в академии сначала велось на греческом языке, но затем Лихудами был введен латинский язык. По образцу Киево-Могилянской академии обучение вели в восьми классах: фаре, где учили читать и писать на греческом и латинском языках; инфиме, в котором начинали изучать грамматику; грамматике, синтексима, пиитике, риторике, философии, богословии. Этим восьми классам предшествовал подготовительный, где обучали азбуке, чтению часослова, псалтыря и письму. В начале XVIII века, кроме классических языков, философии и богословия в академии велось преподавание арифметики, французского, немецкого языков и медицины.

Большое значение в обучении придавалось диспутам, заменявшим экза-

мены в старших классах. Они проводились два раза в год – перед праздником Рождества Христова и накануне летних каникул. Последние диспуты были торжественнее и продолжались в течение трех дней в присутствии многочисленных посетителей. Первый день назначался для богословского диспута, второй – для философского, третий – для других предметов. Право возражать имели наставники и посторонние люди. В академии традиционными были религиозные представления.

Кроме подготовки образованных людей на Московскую академию возлагалась разрешительно-надзирательная функция. Все приезжавшие в Россию для поступления на царскую службу иностранцы – ученые подвергались испытанию и только с аттестацией академии принимались на службу. Не получившие одобрительного отзыва уезжали обратно. Академия в лице своего блюстителя и учителей обязана следить, чтобы никто из лиц, не окончивших академии, «не держал у себя польских, латинских, лютеранских, кальвинистских сочинений, как еретических, а также волшебных, чародейных и гадательных». Тем, кто не прошел академии, запрещалось под страхом наказания рассуждать о вере, вступать в религиозные споры, даже частные. Надзор за выполнение этого предписания был возложен на академию. Ей же поручался надзор за иноверцами, перешедшими в православие. Списки таких лиц велись блюстителем академии, который наблюдал за образом мыслей и жизнью новообращенных. Если последние будут сомневаться в христианской вере, то их «в дальние наши грады, на Терек и в Сибирь ссылати», а кто возвращался к прежней вере, тех предписывалось сжигать. За переход из православия в другую веру, за критику почитания икон, мощей и т.д. Академия, согласно «Привилее», являлась главной блюстительницей правосудия.

В конце XVII столетия братья Лихуды, организаторы славяно-греко-латинской академии, подверглись гонению. По настоянию иерусалимского патриарха Досифея, поддержанного реакционными церковными кругами России, они были отстранены от работы за преподавание физики и латинского языка. Кроме того в 1698 году Лихудов обвинили в политической неблагонадежности и заточили в Новоспасский монастырь. В 1706 году по просьбе новгородского митрополита их освободили и, переехав в Новгород, братья открыли две школы – эллино-славянскую и славянскую. Затем их перевели в Москву, где они руководили греческой школой. Братья Лихуды составили ряд учебников, участвовали в создании одного из первых русских словарей «Лексикон трехязычный», были авторами полемических сочинений против протестантизма и раскола. Они исправили славянский перевод Библии, ставший затем предметом изучения в церковных школах Российской империи.

После изгнания Лихудов из академии в ней произошли некоторые изменения – устранили латинский язык, сделали акцент на западный образец обуче-

ния, назначили руководителем академии П. Роговского. Он получил образование в Европе и некоторое время являлся униатом. По велению Петра I и советам образованных людей того времени и, в частности, Стефана Яворского, была заимствована система работы Киевской духовной академии. Во главе Московского вуза стояли ректор и префект, наблюдавшие за преподавателями, наставниками и учениками. Воспитателей и учеников зачастую приглашали из Киева. Наставники академии, кроме преподавания, проводили испытания лицам, назначаемым на священно- и церковно-служительские места; вели проповеди в церквях, отличающиеся живостью изложения и свободной мысли; принимали участие в исправлении славянского перевода Библии; рецензировали сочинения и переводы; увещевали иноверцев, раскольников и отступников от веры.

Контингент Московской славяно-латинской академии набирался из духовного сословия, дворян и разночинцев, иногда с принудительными мерами. В числе учеников бывали священники, дьяконы, церковнослужители и монахи. Сроки обучения в каждом классе зависели от способностей и прилежания студентов. Способные проходили академический курс за 12-13 лет, а иные за 15 лет едва достигали философского класса, многие не доходили до выпускных диспутов. Учились долго и не стеснялись пребывать в одном классе по нескольку лет. Так, ученик Константинов учился в фаре пять лет, другой просидел в синтаксисе (4-й класс) десять лет. Ученик Чепелев дошел до класса философии (7 класс) через четырнадцать лет пребывания в учебном заведении; Андрей Ушаков, окончивший курс обучения в 1760 году, учился в академии двадцать лет. Исключали редко и «более злонравных, чем непонятливых», но зато отчисляли сразу большое количество учеников. Отсев иногда составлял до одной трети контингента. Исключенных зачастую по их просьбе принимали снова. Иногда это повторялось несколько раз. Некоторым оказывалось особая «почесть». Например, в одном из представлений было написано: «Даниловскаго, яко нерадиваго и лениваго ученика, выключить, выгнав его из академии в присутствии метлами». Лучших учащихся академии для завершения образования посылали в специальные учебные заведения. Направляли в основном в медицинские школы, в Академический и Московский университеты (63). Некоторым студентам не удавалось закончить академию по причине срочного удовлетворения потребностей государства в образованных людях. Так, например, в 1735 году ректор Московской академии отметил, что ряд учеников был затребован в академию наук, других направили в Астрахань для «наставления» калмыков, в Оренбургскую экспедицию, Сибирскую губернию с действительным статским советником Василием Татищевым, в московскую типографию и монетный двор.

В первой половине XVIII века в Московской духовной академии получили

образование многие из известных деятелей России того времени: митрополит Гавриил, князь А.Д. Кантемир, историк Бантыш-Каменский, ученые Горский и Костров и др. В 1731-1735 годах в ней обучался М.В. Ломоносов.

В 1775-1814 годах Московская академия находилась на творческом подъеме, названном историками «цветущим периодом». Учебное заведение возглавлял митрополит Платон, человек с прогрессивными взглядами. Он значительно расширил круг изучаемых наук, среди которых были церковная и гражданская история, русская церковная история и церковное право, церковный устав и церковное пение, а также история философии, физика (в новой интерпретации), новые языки и медицина. В академии появились новые учебные руководства, изживалась схоластика и формализм в обучении. Митрополит Платон считал нужным ввести в науку великорусский элемент и отказаться от заимствования и иностранных особенностей. Воспитав много ученых-единомышленников, он отстранил от преподавания приглашенных из Киева богословов и философов; модернизировал академию, нацелив ее на распространение современных знаний. К содержанию учебного заведения были привлечены дополнительные средства, что позволило увеличить оплату труда наставников, значительно пополнить библиотеку, устроить бурсу для студентов. Учебный процесс стал более интересным, значительно сократился отсев, прекратились побег и укрывательства учеников.

В 1797 году начала работать Санкт-Петербургская Александро-Невская духовная академия. По проекту митрополита Гавриила, измененному и дополненному митрополитом Амвросием, были введены преподавание медицины, внеклассные музыкальные и поэтические упражнения; созданы физический и минералогический кабинеты; расширены и приведена в порядок библиотека.

Казанская духовная академия родилась также в 1797 году путем преобразования местной семинарии. Наряду с традиционными дисциплинами здесь изучался татарский язык. Для пополнения образования студенты посещали университет, где слушали лекции по предметам, не преподававшимся в академии.

Наполняемость классов в академиях постоянно снижалась в зависимости от перехода студентов в более старшие учебные подразделения. В конце XVIII века в Московской академии из 1118 учеников в богословском и философском классах обучалось только 118 человек; в Киевской академии из 1146 студентов в философском классе учились 75, а в богословском – 56 человек; в Петербургской академии из 157 учеников, в философском классе было 24, а в богословском – 15 человек.

Таким образом, первые высшие учебные заведения в России готовили квалифицированных специалистов для церковной и гражданской службы. Академии выпускали образованных священнослужителей, способных впоследствии открывать низшие и средние духовные школы.

2.5. Становление и развитие низших и средних духовных школ

Начало XVIII века в России характеризуется проведением ряда реформ, в том числе и касающихся православной церкви. Укрепляя абсолютную монархию, Петр I стремился полностью подчинить государству церковь и превратить ее в послушное орудие государства. Одним из путей реализации его замысла стало создание новых духовных школ. Вначале они открывались по инициативе отдельных епископов, поддерживающих правительственные преобразования. Эти начальные школы стали называться архиерейскими, так как устраивались под надзором архиереев и часто при их домах. Архиерейские школы – это низшие общеобразовательные учебные заведения по подготовке духовенства, где обучали основам религии, чтению, письму и арифметике. Первоначально все образование в них ограничивалось изучением «Начального учения отрокам», составленного Ф. Прокоповичем, и славянской грамматикой. По мере возможности разрешалось обучать риторике, логике и др.

Первые архиерейские школы были открыты в Чернигове (1700 год), Тобольске (1702), Ростове (1702), Новгороде (1706), Смоленске (около 1714). Самой большой по тому времени являлась Ростовская, где обучалось до 200 человек из семей самых различных званий и сословий. Здесь учили церковному чтению, письму, церковному пению, а в старших классах – греческому и латинскому языкам. Через весь курс красной нитью проходило религиозное образование. Основатель школы священник Дмитрий был очень привязан к своему детищу – содержал его за счет архиерейского дома, поощрял подарками учителей и учеников. Отношения с обучающимися отличались отеческой близостью. Священник сам вел занятия по толкованию Священного Писания, наблюдал за успехами учеников и их религиозным воспитанием. Окончившим курс обучения Дмитрий предоставлял лучшие места при церквях. После смерти основателя школы, оставшись без попечительства, она в 1709 году прекратила свое существование.

Школа, открытая в Тобольске архиереем Филофеем Лещинским, имела целью «утверждение и расширение словес Божьих. Она предназначалась для поповских, дьяконовских и церковничьих детей». Курс обучения предусматривал усвоение грамоты, славянской грамматикой, чтение христианской учебной литературы. В 1705 году по примеру южно-русских школяров тобольские ученики разыгрывали различные комедийные «акции». До 1728 года школа оставалась со славянскими курсом обучения, а затем ввели изучение латинского языка.

Наибольшую значимость имела деятельность Новгородской архиерейской школы, основанной митрополитом Иовом. Она делилась на два класса: славяно-эллинский и славянский общего диалекта. Обучалось до 100 человек

разных чинов и возрастов, преимущественно из семей духовенства и из духовных лиц; были и архиерейские певчие, и подьяки, и дьяконы с дьячками. Все ученики содержались за счет архиерейского дома. В высшем, славяно-эллиническом, классе изучали греческий язык и грамматику, составленную Лихудами, а некоторые проходили и риторику. В низшем славянском классе учились читать, писать, познавали славянскую грамматику по руководству Смотрицкого. Курс Новгородской архиерейской школы пользовался популярностью, и поэтому в 1715 году правительство обратило на нее свое внимание, решив направить учиться грамоте дворянских недорослей. Они составляли специальное отделение Новгородского училища, обучались грамоте у особых учителей. Недоросли снимали жилплощадь в частных домах, но пищей и учебными пособиями обеспечивались за счет архиерейского дома.

В Смоленске открыл школу митрополит Дорофей Короткевич, пригласив учителем Иосафа Маевского, монаха – студента Киевской академии. Обучение в Смоленской архиерейской школе проводилось с латинским акцентом. В 1718 году преемником Дорофея сал Сильвестр Холмский, человек невысокого образования и заурядных способностей. Школа постепенно стала хиреть, обучение в ней ограничивалось лишь чтением, письмом и церковным пением. В 1727 году в ней числилось лишь 19 учеников. В 1700-1721 годах, кроме вышеназванных школ при архиерейских домах, не было открыто ни одного учебного заведения для образования духовенства.

В начале XVIII века правительство Петра I приступило к реорганизации центрального аппарата. После образования Сената (1711 год) в России начали функционировать коллегии, центральные учреждения, ведающие отдельными отраслями государственного управления. Одной из них стала Духовная коллегия, реорганизованная в 1721 году в Правительствующий Синод, а в 1726 году – в Святейший Синод.

Управление церковью было передано новому органу, во главе которого поставили государственного чиновника – обер-прокурора, ликвидировав тем самым патриаршество. Это означало полное подчинение церкви державной власти, превращение ее в часть государственного аппарата.

Одним из важных дел Петр I считал формирование образованного духовенства. Еще в 1708 году он предписывал всем детям священнослужителей обязательно посещать школы. В противном случае такие юноши не имели права занимать вакантные места попов, дьяконов, подьячих и «иные чины, кроме служилого чина (солдатства)».

Одновременно с учреждением Правительствующего Синода был опубликован «Духовный Регламент», организационный акт духовного ведомства. В нем излагались все существенные стороны церковного управления и церковной жизни. Составитель Регламента Ф. Прокопович ясно и точно определил

профессионально-сословное назначение духовных школ. Они становились доступными только для детей духовенства. С принятием этого документа духовенство стало отделяться от других сословий и тем самым было положено начало его сословной замкнутости. Высшее управление духовными школами возлагалось на Духовный Коллегиум, а ближайшее управление вверялось местным архиереям. Они должны были подбирать для школ учителей и других работников, открывать библиотеки, домовые церкви, особые больницы и аптеки для учеников. Часть обучающихся могла жить в школе за счет архиерейских домов, а другие могли быть «приходящими», живущими на своем коште.

В соответствии с «Регламентом» в России предусматривались духовные школы трех разрядов: академии, семинарии, архиерейские училища. Довольно подробно рассматривались семинарии, в которые следовало принимать подростков от 10 до 15-ти лет. Предлагался 8-летний курс обучения. На богословие, как главную дисциплину, выделялось два года, а на все остальные – по году. В предложенный учебный план входила логика или дидактика, риторика с пиитикой, физика с метафизикой, краткая политика, арифметика с геометрией, грамматика и языки. В последние рекомендовалось включать историю и географию. Такой подход объяснялся тем, что при переводе лучше использовать историческую и географическую информацию. В «Регламенте» говорилось об изучении латинского языка, получившего распространение в духовных школах. При наличии учителей допускалось преподавание греческого и еврейского языков. Весьма подробные рекомендации давались по обучению богословию. Учитель должен использовать первоисточники, а не учить «по чужим сказкам»; показывать детям фрагменты из книг в подтверждение сказанного. Большое внимание в Регламенте обращалось на изучение проповеднического искусства. Право проповедовать Слово Божие давалось людям ученым, освидетельствованным духовным коллегиумом. Проповедь должна удовлетворять потребности времени – обучать народ христианским обязанностям, повиновению государственной и церковной властям, искоренению всяких суеверий.

После вопросов, касающихся обучения, Регламент изложил правила воспитания духовных школьников в общежитиях. Для воспитания детей на новых началах, создания современного поколения пастырей церкви предлагалось полностью изолировать учащихся от общества, находящегося в неудовлетворительном состоянии; создать закрытые учебные заведения по типу монастырей. Жить там ученики должны «безвыходно», бедные на даровом казенном содержании, а более состоятельные вносить плату за питание и одежду. Допускалась жизнь воспитанников и вне стен семинарской бursы, для чего предлагалось построить дома с общими квартирами. Ученики должны проживать в комнатах или избах по 8-9 человек одного возраста. Для каждого из

них определялось место около стены, где бы стояли кровать, шкаф для книг, стул, располагались другие вещи. Вся жизнь учеников должна регламентироваться строгим распорядком. По звону колокольчика они обязаны вставать, молиться, учиться, ложиться спать и др. Для семинаристов прекращалась всякая связь с миром, даже с родными. Через три года обучения ученикам разрешалось повидаться с родственниками, но не более двух раз в год, отлучаясь на неделю. Доверенные лица следили за поведением отпускиков. Родственников, пришедших на свидание, предписывалось принимать в саду, трапезной или в общей избе в присутствии ректора или других начальников.

Духовенство с большим нежеланием отдавало своих детей в школы, считая трудными мудреные науки и невыносимыми строгости школьной жизни. Ни угрозы, ни привилегии не могли повлиять на сердобольных отцов, и поэтому набор на учебу шел с чрезвычайными трудностями. Многие, поступившие в школу, бежали из нее к родным, где они укрывались отцами, несмотря на угрозы Синода о лишении таких отцов должности. Для поддержания требований обязательного школьного обучения Правительство и высший церковный орган предприняли более решительные меры. В 1722 году Синод издал Указ о переписи всех детей священнослужителей, подлежащих обучению в соответствии с их возрастом. Осенью 1723 года на духовные школы обратил внимание Петр I и при свидании с вице-президентом Синода объявил ему свою волю: «которые в ученики быть не хотят, тех имати в школы и неволею». Царский указ разослали по епархиям с предписанием вылавливать 7-18-летних мальчиков и юношей среди детей духовенства и направлять их на учебу. Ежегодно в епархиях, имеющих школы, перед началом занятий стали проводить смотры духовных недорослей. Их привозили в епархиальный город и комплектовали по возрасту и способностям.

Епископам вменялось в обязанность открывать архиерейские школы для подготовки священников при всех архиерейских домах. На каждую школу полагался один учитель, который бы учил не только «чисто и ясно читать», но и понимать прочитанное. На содержание учителей и учащихся епископам разрешалось проводить в своей епархии хлебный сбор с монастырских земель. В епархиальных школах предлагалось обучать чтению, письму, славянской грамматике, а в указе 1722 года рекомендовались арифметика и «нужнейшие части геометрии с тем, чтобы оканчивавшие школы в будущем служили на общую пользу церкви и гражданству» (64).

В начале 20-х годов значительно повысилась роль и значение Новгородской архиерейской школы. Она стала образцом при организации подобных начальных учебных заведений в других епархиях и центром подготовки учителей для новых духовных школ. В 1723 году Ф. Максимов составил новый учебник по славянской грамматике для Новгородской школы, и затем царс-

кое правительство стало давать задания по созданию других книг и переводов учебников на русский язык. Новгородская архиерейская школа часто использовалась Петром I в государственных целях – он посылал в нее учиться дворянских детей с целью подготовки их к государственной службе. Только в течение двух лет таких «посланцев» набралось свыше 100 человек.

В 20-х годах XVIII века Новгородская школа стала центром по подготовке учителей, организатором открытия «меньших» учебных заведений. В 1723 году Синод приказал послать в Новгородскую школу из каждой епархии по три человека в возрасте от 15 до 20-ти лет для подготовки из них учителей грамматики. После окончания курса учебы им предписывалось вернуться в командировавшие их архиерейские дома. При активном участии образцовой школы в начале 20-х гг. в Новгородской епархии было организовано 15 «меньших» школ, открытых при церквях и монастырях с охватом более 500 учащихся. Подобные начальные учебные заведения учредили на Валдае, в Верхних Луках, Каргополе, Новом Торжке, Олонце, на Оштинском погосте, в Старой Руссе, Тихвине и в других местах. Учителями туда направлялись воспитанники Новгородской архиерейской школы. Многие учебные заведения были открыты для всех желающих (кроме крепостных крестьян), но учились в них главным образом дети духовенства. В 1726-1727 годах во всех новгородских школах числилось около 1000 учеников (65).

Архиерейские школы открывались и в других регионах Российской империи. Так, в 1721 года их учредили при Александро-Невском монастыре в Петербурге, в Нижнем Новгороде. Петербургская школа называлась словенской, в ней обучали азбуке, письму, арифметике, грамматике, псалтырю и толкованию Евангелия. В 1725 году здесь учились 82 мальчика, главным образом, дети канцелярских и монастырских служителей.

Другую школу в Петербурге открыл в своем доме Ф. Прокопович, куда принимали детей всех сословий. По оборудованию и организации обучения она считалась лучшей школой своего времени, где был представлен широкий спектр дисциплин. В школе Прокоповича преподавали славянский, русский, латинский и греческий языки, риторiku, логику и «римские древности», арифметику и геометрию, историю и географию, рисование и музыку. Учащиеся устраивали концерты и сценические представления. Учебная работа проводилась по инструкции, специально составленной Ф. Прокоповичем, в которой был определен порядок учебных занятий и отдыха, устанавливались правила надзора за школьниками, давались наставления о поведении их в школе, общежитии, церкви, о соблюдении правил гигиены (66). За 15 лет в школе Ф. Прокоповича обучилось около 160 человек. Многие из них пошли на гражданскую службу, стали учителями, продолжили образование в академической гимназии и у профессоров Академии наук, воспитанниками этой школы

были известные деятели XVIII века А.П. Протасов, С.К. Котельников, Г.Н. Теплов и др.

В 1721-1725 годах было открыто 15 архиерейских школ (кроме Новгородской епархии), а всего к началу второй четверти XVIII века их насчитывалось около 45 с 3000 учеников. Они работали в Петербурге, Новгороде, Нижнем Новгороде, Белгороде, Вологде, Казани, Суздале, Твери, Холмогорах и в других городах. В 1724 году иркутский архимандрит Антоний Платковский известил Синод об открытии школы для детей духовенства, которые кроме всего прочего будут изучать монгольский и китайский языки. Школа разместилась в Вознесенском Иркутском монастыре и была поначалу монгольской, а затем ввели изучение русского языка.

Широкое развитие архиерейские школы получили в Черниговской епархии, где имелся черниговский коллегиум, находившийся под большим влиянием Киевской академии. Почти каждый губернский город имел по две школы – светскую и епархиальную, между которыми шла борьба за учеников. Синод потребовал, чтобы дети духовного сословия были возвращены в епархиальные школы. В результате в 14-ти цифирных школах совсем не осталось учеников и их закрыли. Духовные школы оказались устойчивее светских, вероятно потому, что необходимость подготовки кандидатов на священнический сан признавали люди всех направлений, в том числе и противники реформаторской деятельности Петра I.

Открытие епархиальных школ проходило с большими трудностями, обусловленными консервативностью духовенства и организационно-материальными факторами. Типичным примером может служить работа Тобольской архиерейской школы. В октябре 1722 года митрополит Антоний Стаховский послал указ архимандриту Далматовского монастыря Исааку, в котором на основании второй части «Духовного Регламента» требовал посылать с территории Далматовского заказа, включающего 42 церкви, в Тобольск поповских детей в возрасте от 10 до 15-ти лет для обучения. Рекомендовалось доставлять их в архиерейскую школу отцам, попутчикам, купцам, нарочным, добрым людям. В Тобольске приезжие ученики проживали за счет «кошта с отцов», то есть родители вносили продукты для существования своих детей.

Духовное учебное заведение испытывало трудности с набором учеников, причинами которых были бедность населения и неурожаи. Количество обучаемых колебалось в пределах 30-90 человек. Особые архиерейские указы призывали использовать принудительные меры – ловить и собирать нежелающих учиться и доставлять их в школу. В 1724 году для обучения в Тобольской архиерейской школе из Далматовского заказа планировалось направить одиннадцать детей попов и дьячков, проживающих в Шадринске, Барневской, Куяровской и Ощепковской слободах, в селе Полевском. Отцы не выполнили указ

и тогда архимандрит Исаак послал к нерадивым отцам дьячка села Николаевского Федора и пристава Григория Пономарева, сумевших под угрозой денежной пени заставить родителей послать детей в Тобольск (67).

С большим трудом исполнялись митрополичьи Указы об обучении в той части Далматовского заказа, которая в гражданском отношении состояла в ведении екатеринбургских заводов. С 1723 года взрослые дети уже работали при доменной печи, а младшие – обучались в Екатеринбургской заводской школе, готовясь к делу заводского письмоводства. Так, например, 20-летний сын попа Арамильской слободы Якова Никита после обучения в заводской школе стал работать копиистом в конторе уктусских заводов. В 1727 году от 42-х церквей Далматовского заказа было направлено в Тобольскую архиерейскую школу только два 16-летних юноши, сын попа Парфена Кузьмина и сын дьячка Артамона Васильева (68). Последнее направление в Тобольск детей Далматовского и Рафаиловского заказов было в 1729 году в соответствии с указом от 1 марта на имя игумена Филиппа, управлявшего Далматовским монастырем после смерти Исаака.

При архиерейской школе дети учились азбуке, чтению по часослову, псалтыри и заповедям. В 1721 году в Москве Федором Поликарповым была издана славянская грамматика, 920 экземпляров которой и 300 букварей затем разослали по епархиям. Особой популярностью пользовался букварь Ф. Прокоповича «Первое учение отроков, в нем же буквы и слоги. Так же: краткое толкование Законного Десятисловия, Молитвы Господней, Символа Веры и девяти Блаженств». Эта книга только в одной Александро-Невской типографии выдержала (до 1725 года) 12 изданий, а затем еще многократно переиздавалась. Наличие новой учебной литературы позволило Синоду расширить курс обучения и специальным указом утвердить изучение малого букваря, грамматики, десятисловия, ввели пение. Указ правительства от 1722 года отмечал, что «не излишне будет обучаться и арифметике и нужнейшей части геометрии».

В работе с детьми учителя сталкивались с рядом трудностей: неподготовленностью детей к школе, скудностью продуктов питания, малочисленным контингентом. В 1727 году они писали: «В епархии Тобольской дети ко учению вельми тупы; к тому же еще многие объявляют детей болезненных, которые по усмотрению в школу не приемлются» (69). Митрополит Антоний в донесении Синоду отмечал, что вблизи Тобольска нет монастырей богатых хлебом, его хватает только на пропитание служителей монастырской общины. В ответном письме высшего церковного учреждения говорилось о необходимости содержать столько учеников, «сколько возможно удовлетворить, без излишества» (70). Наибольшую заботу о детях своего заказа, обучающихся в архиерейской школе, проявлял Далматов монастырь, регулярно посылавший продукты питания. Так, «Пермские епархиальные ведомости» отмечали,

что в 1730 году по весеннему половодью на барке по рекам Исети и Тоболу был послан от Далматова и Рафаилова монастырей солод в Тобольск на пропитание школьников.

После смерти Петра Великого просветительная деятельность правительства заметно ослабла и открытие новых духовных школ стало редкостью. Работающие училища в Вологде, Ростове, Ярославле и в других городах приходили в упадок. Однако наряду с этим имелись и позитивные факты, когда убежденные сторонники образования открывали элементарные духовные школы. В 1725 году в Псковской епархии учредил учебное заведение Рафаил Заборовский, собрав для обучения 58 человек. В 1726 году белгородский епископ Елифаний Тихорский основал в Харькове новое высшее училище, которое затем называли Харьковским коллегиумом. Через год после открытия школы в ней имелось восемь классов, где обучалось 420 учеников. В 1727 году иркутский просветитель Иннокентий Кульчицкий открыл при работающей миссионерской монгольской школе церковно-славянское отделение с 32-мя учениками. Учебное заведение приобрело статус обычной архиерейской школы. Ее основатель расширил помещение, увеличил жалование учителям, усердно снабжал училище всем необходимым. Благодаря деятельности подобных архиереев, ревнителей духовного просвещения, получали оживление и прежние школы, а закрывающиеся – восстанавливались. Так, после Сильвестра Холмского, при всем желании не открывшего Рязанскую школу из-за недостатка учителей, в город приехал новый архиерей Гавриил Бужинский, который пригласил из Новгорода трех учителей и учредил учебное заведение.

Архиерейские школы развивались медленно и с большими трудностями. В 1727 году Верховный тайный совет потребовал от Синода сведения о наличии духовных учебных заведений в епархиях и содержании в них учеников в соответствии с Регламентом. Доставленная информация показала, что в ряде епархий нет ни одной архиерейской школы. Причины указывались самые разные: бедность епархий, отсутствие монастырей, нехватка учителей и др. Историк педагогики Е.Н. Медынский видел причины негативного отношения еще и в скупости епархий, не желавших выделять часть своих доходов на образование; в оппозиции местного духовенства к новому типу школы, где преподавались арифметика и геометрия (71).

Архиерейские школы в России были первыми государственными духовными начальными учебными заведениями с общежитиями при архиерейских домах. Первоначально в них могли обучаться дети из различных сословий. По мере развития светских профессиональных учебных заведений в архиерейские школы стали приниматься дети только духовного сословия. После окончания курса обучения они могли определяться как на церковные должности, так и на гражданскую службу.

Параллельно с архиерейскими школами работали монастырские училища, меняя иногда свои наименования. Рассмотрим положение на примере Западно-Сибирского региона. В 1735 году в Далматовском монастыре, относящемся к Тобольской консистории, учредили славяно-российскую школу. Она давала начальное образование, в содержание которого входило овладение грамотностью по букварю, чтение церковных книг, заучивание наизусть часослова с текстами молитв, пересказ псалмов, чтение псалтыри, церковное песнопение.

Открытие славяно-российской школы явилось шагом вперед в деле образования в южнозуральской провинции, так как она была более демократичной по сравнению с прежней и в ней могли обучаться не только дети, проживающие на территории обители, но и из других населенных пунктов. Среди христианских церковно-служебных книг, используемых в качестве учебников, появился светский букварь, значительно облегчавший освоение грамоты.

В 1740 году последовал указ Елизаветы Синоду о «размножении» школ и училищ по «Духовному Регламенту». В 1743 году она предписывала родителям обучать детей катехизису и наставлять их в чтении книг, угрожая за неисполнение штрафами. Однако это предписание осталось нереализованным, российские школы, в том числе Тобольская и Далматовская, продолжали испытывать трудности в комплектовании контингента, обусловленные нежеланием церковнослужителей посылать своих детей на обучение. Поэтому Тобольская консистория посылала строгие указы, касавшиеся набора учеников. В частности, в документе от 1743 года предписывалось обучать детей дворян и других сословий чтению российских книг – букваря и катехизиса, так как в них имелось христианское учение. В соответствии с указом консистории родителей, не посылавших детей в школу, следовало наказывать штрафом. Особое внимание уделялось церковнослужителям, которых заставляли не только обучать всех детей без исключения, но и самим постигать грамоту и учить других. Указ 1743 года предусматривал проверку образованности детей церковнослужителей и при плохих результатах «оным учинено будет жестокое на теле наказание и чинов будут лишены».

В 1744 году по указанию консистории состоялась проверка грамотности среди детей, по итогам которой последовал указ с констатацией результатов и строгим предписанием. В нем говорилось, что многие дети священнослужителей от 5 до 10-ти лет, а также от 9 до 15-ти лет ничему не научены и поэтому «Его Превосходительство приказал: всех детей своих от 5 лет непременно обучать русской грамоте с таким прилежным смотрением дабы осмилетние были довольно выучены читать и писать совершенно» (72).

Дети церковнослужителей Далматовского заказа могли обучаться в Тобольской славяно-латинской школе.

В конце 50-х годов митрополит Павел II Конюсевич приказал открыть при монастырях и церковных заказах латинские школы. В 1759 году они начинали работать в Барнауле, Верхотурье, Красноярске и Троицке. В 1762 году приняли присягу Петру III, российскому императору, 32 ученика Далматовской славяно-латинской школы, обязуясь быть прилежными в учении. Для детей из бедных семей организовали общежитие – интернат по типу украинской бursы. Порядки такого общежития, по описанию Н.Г. Помяловского, характеризуются суровым регламентом, телесными наказаниями, грубым нравом. Дети церковнослужителей, обучающиеся в Далматовской славяно-латинской школе, находились на монастырском содержании, делая ежегодный взнос по 2 руб. 50 коп. в монастырскую казну.

В 60-х годах XVIII века Екатерина II пыталась поднять общий уровень культуры русского населения. В 1764 году императрица учредила особую комиссию по вопросам образования, предложившую открывать в городах и монастырях гимназии. Они должны были готовить к семинариям и служить народными школами грамоты. Кроме гимназий, планировалось открывать при благочинных (административно-судебное должностное лицо православного духовенства) особые училища для обучения русской грамматике, чистописанию и пению. Средства на работу учебных заведений правительство не планировало, и поэтому судьба духовных школ полностью зависела от епархиальных архиереев.

К 1767 году в Западной Сибири работало 15 латинских школ, осуществлявших начальную подготовку грамотных служителей церкви. В их функционировании были трудности, обусловленные отсутствием подготовленных учительских кадров, знающих латинский язык, и как следствие – слабая подготовка абитуриентов для продолжения обучения в Тобольской семинарии. В 1763-1767 годах только 7 латинских школ Западной Сибири, в том числе и Далматовская, направили 54 ученика для продолжения обучения в Тобольск, но и среди направленных были слабо подготовленные. Поэтому по указу Тобольской консистории все латинские школы в 1769-1770 годах были упразднены, а их учеников переправили в Тобольскую семинарию. Последующий учет кадров священнослужителей выявил снижение их общеобразовательного уровня. В 1779 году для исправления положения консистория приняла решение об учреждении в Западной Сибири славяно-русских школ.

В 1780 году в славяно-русской школе при Далматовом монастыре на платной основе обучалось 200 человек. Весь курс оценивался в 6 руб. 5 коп., из которых за обучение азбуке следовало заплатить 30 коп., прохождение букваря 25 коп., за освоение часослова 50 коп., псалтыря 1 руб., обучению письму стоило 2 руб., пению – 2 руб. Такой тариф был дорогой ценой за обучение, т.к. денежная единица во второй половине XVIII века ценилось высоко и за 1 руб., например, можно было приобрести дойную корову.

Важной заботой руководства обители являлось обеспечение школы учебной литературой, закупаемой в Тобольске. В 1782 году Далматов монастырь закупил там из средств «собственноцерковнослужительского кошту» 22 псалтыря и 13 часословов на сумму в 28 руб., которые передали на хранение монаху Феофану. В соответствии с распоряжением от 5 марта 1783 года он должен был выдавать книги ученикам, а затем «от оных отбирать и отдавать другим для обучения» (73). Это явление по праву можно считать рождением первой школьной библиотеки в Южно-Зауральской провинции.

Среди монахов и сыновей церковнослужителей Далматовского заказа были люди с певческими способностями и музыкальным слухом. Так в августе 1722 года напротив фамилии крылошанина Филадея Булыгина помечено - «композитор пения». Наличие музыкально одаренной молодежи побудило руководство Свято-Успенской обители открыть певческую школу, направлявшую лучших учеников в Тобольскую духовную семинарию. Один из них, Алексей Варлаков, сын священника Мехонской слободы, был отправлен к митрополиту Тобольскому и Сибирскому с сопроводительным письмом, в котором написано: «... редко таких сыскаться может». Для обучения церковному пению в Далматовском книгохранилище имела специальная учебная литература: Азбука нотная, Святой праздник на ноте, Четыре тетрадки четвероголосного распева и др.

Обязательное обучение элементарной и нотной грамотности касалось только детей служителей культа, а для крестьян и других людей предлагалось овладение различными ремеслами. В 1762 году в Далматовском монастыре 18 подростков юношей от 10 до 20-летнего возраста обучались различным ремеслам: кузнечному и столярному, кожевенному и чеботарному, мельничному производству, иконописи, «часы водить». Длительность овладения профессией зависела от способностей обучающихся, и поэтому на приобретение специальности иногда затрачивались годы, как это случилось, например, с Федором Барматовым, обучавшимся иконописи в течение восьми лет.

Учителей – мастеров в Далматовом монастыре не хватало, и поэтому их приглашали из других обителей и городов. Так, двух детей из obsługi монастыря обучал кузнец и слесарь Зиновий Соловьев, крестьянин Кондинского Троицкого монастыря, получивший за свой труд 5 рублей. Иконописному и гранильному делу учили Иван Медяков и Иван Патрушев, мастера, приглашенные из Екатеринбурга, заработавшие соответственно 6 руб. и 5 руб. 50 коп. (74)

В Кондинской монастырской заимке различным ремеслам обучали крестьянских детей, осваивавших столярное дело и резьбу по дереву, медное и кузнечное ремесло, сапожное, поварское и др. В 1763 году на заимке обучали 53 человека, из которых 21 стали каменщиками, а другие - специалистами массовых престижных ремесел.

Уровень грамотности среди монастырских мастеровых и обслуги был крайне низким. В 1763 году из 59-ти человек этой категории людей, работающих в Далматовом монастыре, только Григорий Волосников, да сын портного Дмитрия Могильникова умели читать и писать. В Кондинской заимке чтением и письмом владели Евдоким Госьков и Василий Чернов. Грамотность среди монастырских крестьян была менее одного процента.

Обучение грамоте и ремеслам касалась только мальчиков и юношей, становящихся продолжателями отцов в духовной службе, в мирских делах или крестьянском хозяйстве. Первое упоминание об обучении девочек в Южно-Зауральской провинции сделал В.Н. Татищев после посещения им Введенского монастыря. В 1721 году губернатору Черкасскому и управляющему казенными заводами Татищеву с трудом удалось получить разрешение на посещение женской обители. Они отметили, что в монастыре проживает: «40 старец, да 33 молодых и больных, всего 73 человека; все должны прясть, ткать и шить, а притом сирот девочек обучать» (75). Лапидарность татищевской информации не дает точного ответа на то, чему обязаны были обучать девочек в монастыре – грамоте или рукоделию. Другой источник 60-х годов констатирует наличие во Введенском монастыре 11-ти монахинь, умеющих читать и писать. Документ хранится в Шадринском филиале Курганского государственного архива (фонд 224, оп. I, д. 757, л. 15).

История духовных учебных заведений как специальных учреждений православного вероисповедания началась со времени издания «Духовного Регламента». Существовавшие при церквях, монастырях и архиерейских домах школы, имеющие богословский характер образования, считались, тем не менее, общеобразовательными и бессловными училищами, готовящими грамотных священнослужителей.

Первой духовной семинарией стало учебное заведение, открытое Ф. Прокоповичем в Петербурге в собственном доме сразу после опубликования «Регламента». Здесь преподавались богословие и общеобразовательные дисциплины. Среди учителей был известный датчанин Адам Селлий, ученик знаменитого богослова Фр. Буддея. Постепенно архиерейские школы модернизировались в духовные семинарии, первыми из которых стали черниговская, ростовская, новгородская и тобольская. Их работа строилась по упрощенному типу киевской и московской академии.

Открытие семинарий стало престижным явлением российской действительности. Архимандрит Александро-Невского монастыря Феодосий Яновский учредил в обители «славянскую или грамматическую школу», в которой преподавались грамматика и арифметика, латинский и греческий языки, живопись и музыка. В 1725 году эта школа получила наименование славяно-греко-латинской Александро-Невской семинарии, к которой в 1738 году при-

соединили духовную семинарию Ф. Прокоповича. В расширенном учебном заведении преподаватели известные ученые того времени Адам Селлий, Гавриил Кременецкий, Афанасий Скаляда, Амвросий Зертыс-Каменский (впоследствии архиепископ московский). В духовной семинарии при монастыре имелось восемь классов, где преподавались общеобразовательные и богословские курсы. Контингент учащихся состоял из детей, принадлежащих к разным сословиям, число которых доходило до сотни.

В 1730 году вышел манифест Анны Иоанновны, указавшей на необходимость учреждения духовных школ во всех епархиях. Началась активная работа по реализации предписаний документа: изыскание средств, учителей, комплектование контингентов учащихся, расширение училищных курсов с введением предметов среднего образования. С начала 30-х годов архиерейские школы постепенно стали менять название, становясь духовными семинариями, средними специальными учебными заведениями. Во второй половине 30-х годов вышло несколько указов, касающихся новых учебных заведений. Они определили содержание образования, обеспечение педагогическими кадрами, декларировали права и обязанности выпускников. Обучение в духовных семинариях предписывалось вести на русском языке. Изучающие латинский, греческий диалекты и другие «высшие» науки обязаны были работать на духовной или гражданской службе. Выпускники из духовного сословия освобождались от военной службы.

Началось повсеместное преобразование архиерейских школ в духовные семинарии. В 1735 году этот процесс прошел в Вятской епархии, в 1738 году была преобразована Нижегородская архиерейская школа, открыта семинария в Устюге и Переяславле. В 1739 году по именному указу Анны Иоанновны учредили семинарию в Вязьме, а затем перевели ее в Москву на Крутицкий архиерейский двор, и она стала называться Крутицкой. В том же году преобразовали Тверскую школу, открыв в ней восемь классов. В 1740 году начали работать Рязанская и Новгородская духовные семинарии. В последней предписывалось изучать латинский, эллино-греческий, а по возможности и еврейский языки. Для малоспособных учеников был открыт ремесленный класс, где обучали иконописи. К концу 40-х годов XVIII века в Российской империи функционировало 17 духовных семинарий. Низшие духовные школы – славяно-российские и славяно-латинские с открытием семинарий потеряли свое прежнее значение, и многие из них были преобразованы в средние учебные заведения по подготовке духовенства.

В 40-х годах продолжалось открытие духовных семинарий, чему способствовала императрица Елизавета Петровна, страстная поклонница духовного образования. В 1742 году по ее указанию открыли Троицкую семинарию, получившую содержание от лавры. Это учебное заведение императрица по-

сещала иногда по три раза в год, взяв под свое высочайшее покровительство. В 1743 году Елизавета Петровна посетила Невскую монастырскую семинарию и просила приглашать ее при проведении диспутов. Однажды она побывала при таком мероприятии вместе с наследником Петром Федоровичем. В 1744 году началось преобразование в семинарию Тобольской славяно-латинской школы. В 1745 году была учреждена Воронежская семинария. Первоначально в ней открыли лишь низшие классы: русский, латинский и певческий. В 1747 году Арсений Мациевич, управляющий Ростовской епархией, открыл духовную семинарию в Костроме, где благодаря прибывшим из Киева учителям в 60-х годах имелись все классы, включая философию и богословие. В 1753 году учредили семинарию в Переяславле Залесском, ставшую вскоре одним из наиболее устроенных духовных училищ. В 1757 году Георгий Конисский основал Могилевскую семинарию, которой правительство назначило ежегодный оклад в 400 руб. в связи с нуждами православной церкви в Белоруссии и гонениями со стороны католиков. Сдерживающим фактором на пути модернизации учебных заведений являлись значительные материальные затраты, и поэтому в 50-х годах XVIII века лишь в восьми семинариях был введен полный курс обучения. В 1764 году в Российской империи функционировало 25 духовных семинарий с 6000 учеников, в том числе и обучавшихся в низших классах. К последним отчасти относились и инороднические школы Казанской епархии, учебный курс которых имел духовную направленность, а многие выпускники получали должности (76).

Духовные школы с первого года правления Екатерины II стали особым предметом ее внимания. В инструкции комиссии о церковных имениях она отметила, что многие священники «не токмо не ведают истинного пути к просвещению народному, но и будучи сами часто малограмотные являются для народа дурным примером». Прошло сорок лет со дня опубликования «Регламента», как отметила императрица, но архиерейских семинарий очень мало и они находятся на бедном содержании, «малое число достойных и надежных учеников». Для поднятия уровня образования императрица считала необходимым поднять благосостояние и расширить курсы духовных школ за счет части доходов с церковных имений. Правительство требовало проведения полной реформы духовных семинарий, в ходе которой в каждой епархии следует учредить по одному-два средних учебных заведения, по три училища; составить штаты с определением жалованья всех учителей и необходимой суммы на учебные пособия (библиотеки). При перестройке следовало расширить учебный план, включив в него математику, историю и географию; ученикам рекомендовалось больше заниматься чтением в семинарских библиотеках. Решая исключительно вопросы управления церковными вотчинами и штатами для архиерейских домов, монастырей, соборных и вотчин-

ных церквей, комиссия не успела составить никаких планов, касающихся духовных школ. Императрица распустила комиссию и повторила свою волю относительно улучшения образования.

В 1764 году была сформирована новая творческая группа в составе наиболее талантливых духовных лиц: тверского епископа Гавриила, псковского епископа Иннокентия и московского иеромонаха Платона Левшина. Проект, составленный ими, остался неутвержденным и не был реализован в целом виде, однако его положения использовались в практике школьной жизни.

В 70-90-х годах XVIII века продолжалось преобразование учебных заведений и открытие новых семинарий. В 1775 году была утверждена Словенская епархия, во главе которой поставили архиепископа Евгения Булгаря. На следующий год он открыл семинарию в составе низших классов, а в 1779 году начали работать высшие классы и она стала именоваться Словенской духовной семинарией. Длинная история оказалась у Астраханского учебного заведения, открытого в 1729 году в составе низших классов для детей купечества и духовенства. Оно несколько раз закрывалось и открывалось вновь, то как общесословная школа, то как предназначенная только для детей духовенства. Окончательное открытие полной Астраханской семинарии состоялось в 1778 году. Для нее вызвали учителей из Киевской академии, Казанской, Рязанской, Харьковской и других семинарий. В этом же году учредили семинарию в Севской епархии. На ее обширной территории не было никаких школ, а духовенство отличалось крайним невежеством. В 1779 году начали работать духовные семинарии в Иркутской и Тамбовской епархиях. Последняя испытывала острую нужду в учебном заведении, так как этот край характеризовался «повальным» невежеством местного духовенства. По повелению Синода сюда направили учителя из Рязанской епархии. В том же 1779 году епископом Иоанником была открыта Олонецкая семинария, проработавшая, к сожалению, недолгое время.

В 1765-1777 годах митрополит Гавриил предпринял попытку организации на базе его Петербургской духовной семинарии Московского духовного университета или хотя бы богословского факультета, но она оказалась тщетной. Тогда в 1786 году он обратился к Екатерине II с предложением сделать Петербургскую семинарию главным учебным заведением по подготовке учителей для России. Императрица одобрила идею, а Синод издал указ, по которому все епархиальные семинарии обязаны были через каждые два года присылать в главную семинарию своих учеников. Студенты находились на казенном содержании и по окончании курса обучения в течение двух лет обязаны были прослужить на учительской должности. Некоторые выпускники главной Петербургской семинарии стали известными людьми: М. Сперанский, И. Мартьянов, Ф. Русанов и др.

В 80-х годах началось совершенствование развития губернских духовных средних учебных заведений. Так, в 1788 году Александро-Невскую семинарию стали именовать «главной семинарией», в которую набирались лучшие ученики провинциальных духовных средних учебных заведений. Она размещалась в феодоровском корпусе Александро-Невской лавры. В учебный план модернизированной семинарии дополнительно ввели изучение церковной и естественной истории, механики и опытной физики. Наиболее известными ректорами и преподавателями семинарии 30-80-х годов XVIII века были митрополит Гавриил Кременецкий, автор «Новой Скрижали» Вениамин Краснопевков, Амвросий Зертис-Каменский, Арсений Верещагин, Николай Музовский.

Значительный вклад в развитие духовной семинарии внес профессор Е.А. Болховитинов, русский историк, археограф и библиограф. В дореволюционной литературе он значится как «митрополит Евгений». Его перу принадлежат работы, посвященные всестороннему описанию Великого Новгорода, Воронежской губернии, Грузии, капитальный библиографический труд «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» и др. В Киеве Болховитинов руководил археологическими раскопками, приведшим к открытию фундамента Десятинной церкви, Золотых ворот и других памятников старины. Среди наиболее известных «катехизаторов» 90-х годов были проповедники Анастасий Братановский и Феофилакт Русанов, а в числе учеников, ставших префектами, – М.М. Сперанский, русский государственный деятель первой четверти XIX века, директор департамента Министерства внутренних дел, статс-секретарь Александра I, член Комиссии по составлению законов, пензенский гражданский губернатор и генеральный губернатор Сибири.

Из воспитанников Санкт-Петербургской главной духовной семинарии набирались члены академии наук, российской академии, академические институты. Выпускники работали в епархиальном ведомстве, комиссии по учреждению новых училищ, в коллегии иностранных дел, русских миссиях на территориях иностранных государств, в европейских университетах.

В 1797 году ведущую духовную семинарию переименовали в Александро-Невскую академию. Подобную историю имела архиерейская школа в Казани, учрежденная в 1723 году. В 1732 году ее преобразовали в семинарию, а в 1797 году – в академию по типу Киевской и Московской. Прогрессивное развитие главной семинарии было обусловлено ее размещением в столичном городе, сосредоточившем духовные и светские научные кадры.

В XVIII веке в целом по России развитие семинарий было сопряжено с большими трудностями. Они, как и архиерейские школы, развивались с большими трудностями. Императрица Екатерина II отмечала, что «архиерейские семинарии состоят в весьма малом числе учеников, в худшем учреждении

наук и в скудном содержании». Негативными сторонами духовных средних учебных заведений были слабая материальная база, отсутствие единых требований в преподавании, нехватка подготовленных учителей, господство латыни, формализм и схоластика в обучении. Характерным примером является работа Тобольской семинарии, контингент которой в разные годы составлял от 50 до 80-ти человек. Обучение давалось с трудом, а некоторые семинаристы вообще не справлялись с учебными предметами и их переводили в низшие классы или отчисляли. Так, поповского сына из Красносельской слободы как «неспособного к латинскому диалекту» перевели в славяно-российскую школу для усвоения славяно-русской грамоты и обучения нотному пению. Будущий священнослужитель успешно изучил псалтырь, часослов, церковный устав, нотную грамоту и написал прошение о назначении его на церковную службу в связи с исполнившимся 20-летием (77). Недостатки духовных семинарий замечали многие авторитетные люди России и, в частности, Платон и Гавриил, Московский и Санкт-Петербургский митрополиты, предлагавшие проекты преобразования духовных учебных заведений.

В 1793 году учредили Волынскую, Минскую и Подольскую духовные семинарии. Несколько учебных заведений за свое недолгое царствование успел открыть Павел I, выделив на них значительные средства. После коронации он посетил Вифанию, любимую обитель митрополита Платона, и распорядился возвести ее по окладу во второй класс монастырей и учредить семинарию с контингентом в 100 учеников. На строительство нового училища Павел I выделил 30 тыс. руб., а на содержание семинаристов распорядился ассигновывать ежегодно по 4 тыс. рублей. Монастырская духовная семинария начала работать в 1800 году. В этом же году по распоряжению Павла I учредили армейскую семинарию в Петербурге, предназначенную для обучения детей военного, армейского и флотского духовенства. На ее содержание планировалось ежегодно отпускать из казны по 12 тыс. рублей. В 90-х годах произошли существенные изменения в работе Киевской главной семинарии. По проекту митрополита Гавриила, измененному и дополненному митрополитом, были введены преподавание медицины, внеклассные музыкальные и поэтические упражнения; созданы физический и минералогический кабинеты; расширена и приведена в порядок библиотека. С возникновением новых епархий – Калужской, Оренбургской, Пензенской и Пермской (1799 год) в них стали открываться новые учебные заведения. Так, в 1800 году на базе Лаврентьевского училища учредили Калужскую семинарию, набрав для нее учителей из московских духовных школ. В этом же году епископ Иоанн открыл Пермскую семинарию, а затем начали работать Пензенское и Оренбургское учебные заведения.

Таким образом, в последней четверти XVIII века было учреждено 15 новых духовных семинарий, но, в то же время, вследствие различных перемен в

епархиальном делении России, одни учебные заведения переводились на новые места, а другие совсем закрывались, как это случилось с Крутицкой, Олонецкой, Слуцкой и другими семинариями.

В декабре 1779 года Павел I издал указ, в котором выразил свое особое внимание к духовному просвещению. Он предложил кроме имеющихся двух духовных академий в Петербурге и Казани открыть там еще две, вместо существовавших семинарий.

Учебно-воспитательный процесс в духовных учебных заведениях строился в основном по типу Киевской академии. Особенности в работе семинарии зависели, главным образом, от приверженности епархиальных архиереев к конкретным наукам, на изучение которых они отводили больше времени. Например, вместо двух лет, положенных на освоение основ христианской религии, учеников держали в богословском классе по три-четыре года. Общая продолжительность обучения составляла 10-13 лет.

Самым низшим классом, с которого начиналось училищное и семинарское образование, был класс «заправный», или приготовительный, называющийся также русской школой и информаторией. Курс обучения в нем был чисто элементарным, общеобразовательным, и состоял, главным образом, в научении мальчиков чтению и письму, а с 80-х годов XVIII века – чтению гражданской печати. Преобладающим в русском классе, да и в последующих, являлось чтение по псалтыри и часослову, а кроме того, сообщались некоторые грамматические сведения и правила русского происхождения. По Закону Божию ученики информатории выучивали символ веры, главные молитвы, заповеди и блаженства с кратким толкованием по букварю и сокращенному катехизису, для чего назначались преимущественно воскресные и праздничные дни. Некоторые обучающиеся заканчивали свое образование «заправным» классом и уходили служить причетниками. Поэтому в русской школе в послеобеденные часы некоторых дней недели обучали пению по нотам и на слух. Продолжительность приготовительного курса составляла один год.

После информатории ученики переходили в латинские грамматические классы, оставляя русский язык до пиитики и риторики. Они делились на две категории – низшие и высшие. Низший класс соответствовал фаре и инфиме, и поэтому в некоторых семинариях их выделяли как самостоятельные ученические подразделения. Срок обучения в каждом из них проходил в течение года, а в соединенном низшем классе – два года. Латинскую грамматику преподавал один учитель, кратко объясняя синтаксические правила и обучая учеников переводам с латинского языка на русский и обратно. В фаре или аналогии учились читать и писать по латыни, элементарно, но эта работа давалась с трудом и нередко ученики оставались в этом классе на несколько лет. В инфиме начиналось грамматическое учение, продолжавшееся в клас-

сах грамматики и синтаксисы. Ученики принимались за толстую латинскую грамматику Альвара, чрезвычайно трудную для понимания. В нижнем классе, инфиме, преподавались начальные этимологические правила грамматики и делались небольшие переводные эскерции; начиналось изучение катехизиса, уроки (задания) которого задавались на воскресные и праздничные дни. В высшем грамматическом классе, или синтаксисе изучали полный синтаксис и просодию, то есть часть учения о стихосложении (ударность, долгота, высота). Ежедневно проводились устные переводы с русского языка на латинский, а письменные упражнения делались по три раза в неделю. На каждый день ученикам давалось задание по заучиванию наизусть нескольких тирад и сентенций различных авторов; или по несколько десятков слов из лексикона Целлярия; или заучивание нескольких выражений из латинской фразеологии. При такой методике обучения некоторые ученики доходили до «изумительной свободы» в употреблении латинского языка, но были и совсем не обладающие лингвистическими способностями. Основными причинами отставания в учебе были несовершенство педагогической технологии и отсутствие индивидуального подхода. Многие учились в синтаксисе по 6-8 лет и достигали 27-28-летнего возраста, а затем выбывали по собственной просьбе или исключались «за великовозрастие». Поэтому, начиная с инфимы и синтаксисы, количество обучающихся уменьшалось за «невзятием латинской науки». Уровень образования в русских школах давал возможность их воспитанникам работать лишь на причетнической должности при церкви.

Из синтаксиса ученики переходили в первый, собственно уже семинарский класс. Он назывался пиитикой, но если его в учебном заведении не было, то обучающиеся шли в класс риторики. Пиитика (*ars versus pangendi*) как учебный предмет рассматривала основы литературы и поэзии, внешнюю красоту художественного слова. Познание стихосложения начиналось с изучения правил (регул), форм пиитической и риторической речи. Искусству «плетсти вирши» уделялось серьезное внимание киевлянами, считавшими эту дисциплину равной по значению риторике, философии и богословию. Много времени отводилось украшению пиитического стиля, тропам, фигурам и другим особенностям стихосложения. Киевская система обучения отличалась формализмом и излишними мелочными подробностями. Великорусские семинаристы не считали пиитику особенно необходимой в своем образовании, и поэтому данный класс во многих учебных заведениях отсутствовал, а преподавание стихосложения поручали учителям риторики, выделяя по одному часу в неделю.

Весьма важным для развития учеников считался риторический курс, так как в большей части учебных заведений риторика оставалась высшей наукой,

завершающей семинарское образование. Она особенно высоко ценилась там, где не было философского и богословского классов. Риторическое обучение в сущности было продолжением игры в словесные формы в классе пиитики. Весь предлагаемый в риторике материал являлся сбором регул, имевших практическое значение для обучения письму и ораторству. В содержание курса входило множество различных готовых трафаретных приемов, высоких фраз, сравнений, подобиий, сентенций и примеров из истории. Из них ученик мог составить речь на любую тему и произнести ее высокопарным языком. Кроме обучения формам речи в классе риторики начиналось первоначальное развитие у учащихся формального мышления, так как содержание правил относилось к логике или грамматике. Риторика и пиитика имели стабильные печатные руководства, значительно облегчавшие учебный процесс для учителей и учеников. Самостоятельные письменные упражнения, задаваемые каждую неделю, строго следовали порядку изучаемых в классе отделов риторики. Учитель ежедневно занимался с учениками чтением латинских и русских образцовых сочинений с их последующим риторическим разбором. Практиковались самостоятельные домашние чтения с отчетами о прочитанном. Главное внимание учителя уделяли составлению ораторских речей и, в частности, проповедей, как высших проявлений красноречия. Они постоянно заставляли учеников – риторов читать вслух с классной кафедры, причащая тем самым к правильному произношению слов, фраз и всего текста в целом. При таком педагогическом подходе повышались требования к знанию русского языка. Еще в 1766 году Платон в одном из распоряжений, касающихся преподавания наук в Троицкой семинарии, отмечал, что «нелепо учить к языку латинскому, а родную речь бросать». При Екатерине II изучение русской риторики и пиитики было введено во всех духовных семинариях. При изучении богословия и философии обязательным стал их перевод на русский язык. Часть ученических упражнений в высших классах тоже писалась на русском языке. Преподавание экстраординарных светских наук велось на русском наречии. На обучение в классе риторики отводилось два года, но там, где отсутствовали философия и богословие, ученики задерживались до четырех и более лет. За этот период они должны были определиться с местом работы.

В философский класс переводились еще меньше учеников, чем в пиитический и риторический. Глубокомысленное мировоззренческое движение второй половины XVIII века заставило духовные власти обратить внимание на усовершенствование и обновление философского преподавания в семинариях. Разрушительной силе модной французской философии старались противопоставить новые подходы солидной немецкой науки и наиболее общих законов развития природы, общества и мышления. Философия, как и богословие, читались на латинском языке. Изучение науки об общих законах

включало пять разделов: диалектику или логику, физику, психологию, метафизику и ифику. Физика была единственной наукой, дававшей семинаристам элементарные реальные знания. В основе всей философии лежали начала Аристотеля с господствующим схоластическим методом ее изучения. Но с 50-х годов XVIII века учение греческого мыслителя в российских академиях не стало существенной теорией, а причиной этому явилось проникновение идей новой философии Бэкона, Декарта, но особенно Вольфа и Лейбница. Безусловно, новые знания не могли не отразиться на содержании диспутов как приема обучения в семинарии.

Подготовка квалифицированных священнослужителей заканчивалась курсом богословия, считавшимся средоточием всего специального образования и требовавшим, в связи с этим, особенного внимания со стороны духовных властей и самих учеников. Преподавание было построено на теории Фомы Аквинского и его академических последователей. По своему характеру они представляли собой обыкновенные трактаты со всеми присущими недостатками схоластического богословствования. В начале XVIII века в Киеве зародилась система богословия Ф. Прокоповича, изложенная по образцу новых в то время протестантских теорий Германии. В 40-х годах система знаменитого русского просветителя стала проникать и в семинарии, первой из которых была Троицкая. Преподаватели богословия стали освобождаться от схоластики, чему способствовало постепенное введение в учебный курс русского языка и особенно издание на нем богословских систем. Эффективным образовательным методом, как считали богословы, являлись катехизические беседы, где звучало живое слово об истинах веры на родном языке. Посещение их семинаристами было «строго-обязательным». Разработка и ведение катехизических бесед поручалась ректору и префекту, а иногда и кому-нибудь из учителей духовного звания. В учебном процессе широко использовались два вида диспутов – приватные, проводимые каждую субботу, и публичные, проходившие перед каникулами, а также при окончании учебного года. Итоговые диспуты совершались в торжественной обстановке с приглашением гостей. Кроме того, студенты богословского класса упражнялись в написании на русском и латинском языках ежемесячных научных рассуждений (диссертаций); в сочинении проповедей, проводимых несколько раз в год, а затем произносимых (по выбору преподавателя) в семинарской церкви. В богословских классах ученики обучались от двух до пяти лет, оставаясь в них для «приискания» места службы. До начала 60-х годов XVIII века два высших класса, философский и богословский, существовали только в восьми семинариях, а еще три – заканчивали свои курсы философией.

К специальным учебным предметам относились греческий и латинский языки. С введением в учебный курс новых языков, немецкого и французско-

го, некоторые духовные школы начинали открывать французские классы. К концу XVIII столетия они имелись почти во всех семинариях. Уроки по иностранным языкам проводились ежедневно и наполовину состояли из разговорных упражнений. В западных семинариях и в Киевской академии изучался польский язык; в Поволжских духовных учебных заведениях осваивали иномордческие диалекты (татарский, мордовский, чувашский) с целью подготовки проповедников для миссионерской деятельности.

До 80-х годов XVIII века математическое образование семинаристов ограничивалось изучением арифметики, да к тому же этот предмет считался почти необязательным. В 1785 году по требованию правительства и указу Синода математическое образование начали вводить в духовных школах как обязательную дисциплину. Ее изучали только в двух грамматических классах в послеобеденные часы по субботам, реже – по средам. Лишь при проведении общей реформы образования стали вводить геометрию и естественную историю.

Экстраординарными дисциплинами в духовных школах являлись география, изучаемая в грамматических классах, а также история, включенная в учебный план класса риторики и частично в расписание класса философии. Назначалось по два урока истории в неделю и по два – географии. До 1785 года учебные книги по этим предметам постоянно менялись в соответствии с распоряжениями местного начальства.

Кроме указанных второстепенных дисциплин в учебный курс духовных семинарий в разное время и в разных регионах организовывали классы живописи, архитектуры, музыки; изучались основы сельского хозяйства и медицины. С 1802 года уроки по медицине были назначены в философских и богословских классах, по два часа в неделю в послеобеденное время, но вскоре их отменили.

Условия жизни и обучения семинаристов были далеко не удовлетворительными. Характерными были теснота зданий, где учебные комнаты служили и спальнями. Рязанская семинария, например, размещалась в нескольких избах. Каждый класс имел свой дом, а также избы для столовой, кладовой, для учителей. Все это предоставляло своеобразную деревню. В учебных избах имелись лавки вдоль стен для учебных занятий, а ночью они использовались для сна. Под ними ставили сундуки с вещами семинаристов. Историк П.И. Знаменский отмечал, что в классах была теснота, страшный холод, сквозняки, худые разбитые окна, изломанные двери, грязь. В Троицкой семинарии ученики зимой сидели в тулупах, так как руководство экономило на топливе. Наряду с этим почти при всех семинариях имелись специальные залы для проведения диспутов, экзаменов и других значимых актов. Это было парадное, и поэтому самое ухоженное место в семинарии. Здесь висели портреты высоких духовных особ, имелись зелень, цветы. Некоторые семинарии имели собственные церкви.

Содержание семинарии зависело полностью от местных средств каждой епархии, от умения и энергии епархиальных властей использовать их на благо духовного образования. С начала существования школ ученики почти везде обучались за счет самих училищ, но с ростом числа семинарий и увеличением их контингента содержание учеников стало обременительным для епархий. Семинаристов разделили на казеннокоштных бурсаков, и своекоштных, живущих за счет средств родителей. Существование последних было крайне бедственным по сравнению с жизнью бурсаков, обеспеченных пищей (хоть и скудной) и приютом. Для облегчения содержания своекоштных учеников за ними закреплялись церковные места, заключались договоры (кондиции) о материальной помощи с состоятельными городскими священнослужителями, дворянами и другими «достаточными» обывателями.

Число казеннокоштных и полукоштных учеников, живших в семинарских зданиях, зависело от экономических соображений училищного и епархиального начальства. Так, казенные ученики Псковской семинарии снабжались бельем и чулками, башмаками и сапогами, шапками и рукавицами, суконными кафтанами и овчинными тулупами. В питание семинаристов входили хлеб, в количестве 14 фунтов в неделю на человека, квас, щи без мяса; по праздникам щи с мясом (2 фунта на 3 человека) и каша с мелкой рыбой. В большие христианские праздники на столах появлялись холодная говядина и холодец (блюдо на семь человек). Вся посуда была деревянной.

Своекоштные студенты объединялись в артели по 6-13 человек и выбирали квартиры для проживания подальше от семинарии, так как они были дешевле, и, конечно же, с печью, чтобы самостоятельно готовить пищу. Это были в основном дома мещан, отставных солдат, людей бедных сословий. Каждый член артели вносил в «общий котел» свой пай продуктов, привезенных из дома.

Нужда заставляла бедных семинаристов и самих заботиться о средствах к существованию. Многие добывали кусок хлеба перепиской книг и рукописей, репетиторством, работой в качестве письмоводителей у различных начальственных лиц. Некоторые нанимались на обслуживающие или «черные» работы. У руководителей духовных школ и учителей прислуга всегда состояла из бедных учеников. Весьма распространенным способом добывания пропитания были всякого рода поборы: выпрашивание подаваний, славленья на Рождество и Пасху и др. Владельцы садов и огородов хорошо знали ловкость семинаристов в преодолении высоких заборов, а торговки на рынке «усмотрев учеников духовных школ, спешили закрывать свои лотки» (78).

Южнорусские семинаристы получали разрешение от начальства на проведение уроков в отъезде. Они по полгода не появлялись в семинариях, занимаясь учительством в помещичьих деревнях, работая «будильниками» и послушниками, огородниками и пахарями.

Всеобщее обучение детей духовенства проводилось с большими трудностями. Родители расставались с детьми, направляемыми в семинарию, с грустью и даже с прискорбием. Для сбора детей по епархиям зачастую направлялись рассыльщики, специальные люди. Действенными мерами привлечения детей духовенства в школы было недопущение неграмотных к священничеству, ограничение свободного доступа к причетническим должностям. В особых случаях при сопротивлении духовенства епархиальное начальство применяло и карательные меры, направленные как против детей, так и против их отцов. Для первых большим наказанием было лишение прав на духовное звание «через отдачу в подушный оклад или солдатство». Отцы, скрывавшие детей от ежегодных смотров недорослей, подвергались лишением должностей, телесным наказаниям, но чаще всего денежными штрафами.

Трудности с формированием контингента были обусловлены нежеланием родителей отрывать детей от дому и суровой закрытой жизнью в духовных семинариях. Первые каникулы (вакации) предоставлялись через 3-4 года обучения в августе. Отпускаемым ученикам выдавались паспорта с указанием данных о их владельцах и месте учебы. Вся воспитательная работа в духовных школах была направлена на специальную подготовку к будущей профессии. Проступок ученика оценивался не как нарушение общепринятых норм мальчиком или юношей, а как преступление, совершенное гражданином. За многие из них ученик обсуждался не в учебном заведении, а судился в обыкновенных присутственных местах своего ведомства, духовных правлениях, в консисториях и т.п. Тупая канцелярщина и бездуховность российского общества проникли и в семинарскую жизнь. Педагогические меры в отношении к ученикам состояли исключительно в весьма суровых наказаниях, имевших не нравственно-исправительный и воспитательный характер, а карательный, соответствующий общим юридическим взглядам на школьную жизнь. Отношения между учениками, учителями и учениками были неискренними, ложными и странными.

Семинаристы, нарушавшие установленные порядки, подвергались различного рода наказаниям, в том числе и физическим. Просвещенный Парфений, узнав о большом количестве уклоняющихся от обучения в Смоленской семинарии, предписал: «ректору и префекты духовной школы всех празднующихся учеников большого возраста плетью, а малого лозами высечь нещадно» (79). Во второй половине XVIII века физическое наказание семинаристов допускалось очень редко и не во всех учебных заведениях, но в приговорах они проходили не как школьники, а наравне с подсудимыми духовного ведомства. За пропуски учебных занятий после вакаций семинаристам грозили другие наказания. Во Владимирской консистории опоздавшие на два дня наказывались стоянием на коленях в течение двух часов, за пропуск четырех

дней переводили в низший класс, прогулявшие неделю приглашались на прием к высокому начальству, решавшему их судьбу. По распоряжению епархиальной власти беглецы лишались закрепленных за ними мест, на доходы с которых они учились. За прогулы и просроченные отпуска казеннокоштные ученики повергались вычетам из их содержания или лишением казенного кошта на определенные сроки в зависимости от количества пропущенных дней. В некоторых епархиях бывшие ученики подвергались денежным штрафам по окончании семинарий, при определении места работы. За 30 пропущенных дней - двухрублевый штраф. За побег из семинарии исключали и передавали наказанного светскому начальству для приписки в податное состояние или зачисления на военную службу.

Звание учителя в духовной школе было в «низменном положении». Ректор, а тем более архиерей обращались с учителями так же, как учителя с учениками. Педагоги были бесправны, но имели много обязанностей. Каждый учитель, за исключением работавших в низших классах, последовательно преподавал один за другим несколько предметов, переходя из класса в класс. Учителя часто менялись, прослужив 4-5 лет они устраивались на другую работу, преимущественно на епархиальную службу. В новые семинарии с первоначальными низшими курсами на учительские места назначались люди из местного духовенства: дьяконы, священники (редко), дьячки, пономари, дети попов, певчих. Иногда архиереи принимали учительствовать и светских граждан. Расширение курса семинарий потребовало более образованных преподавателей, поисками которых занимались епархии. Наиболее желательными на учительские должности считались студенты Киевской академии, несмотря на то, что многие из них не заканчивали академический курс. Увеличение классов философии и богословия требовало много более подготовленных преподавателей, и поэтому специалистов стали поставлять Харьковский коллегиум, Московская академия, Казанская, Новгородская и Троицкая семинарии.

Таким образом, духовное образование в XVI-XVIII веках осуществлялось в учебных заведениях различных типов: в школах церковных братств, монастырских, приходских, архиерейских, в академиях. Наибольшее развитие получили духовные семинарии, где к концу столетия сформировались относительно стабильные учебные планы, система обучения и содержания учащихся.

Вопросы и задания

1. Раскройте сущность образовательных проектов XVI-XVIII веков.
2. Какие прогрессивные идеи содержатся в педагогической мысли И. Т. Посошкова и В. Н. Татищева?
3. Что представляла собой система обучения и воспитания в школах церковных братств?

4. Чем характеризуется образовательная деятельность духовенства в патриарший период?
5. Осветите содержание образования в духовных академиях.
6. Сделайте анализ состояния архиерейских школ.
7. Какие типы школ работали при монастырях?
8. Раскройте содержание образования в духовных семинариях.

Литература для самостоятельной работы

1. Антология педагогической мысли в Древней Руси и Русского государства XVI-XVIII веков. – М., 1985.
2. Карамзин Н.М. И что тогда была Россия. – Харьков, 1990.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1993.
4. Ковригина В.А. Иноверческие школы Москвы XVII – первой четверти XVIII веков // Педагогика. – 2001. - № 2.
5. Мещеряков В.П. Братские школы Белоруссии. – Минск, 1977.
6. Смирнов В.И. Российские учителя и источники их педагогического познания в первой половине XVIII века // Педагогика. – 2002. - № 7.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ СИНОДУ, В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

3.1. Открытие и работа церковно-приходских школ

Официальное зарождение церковно-приходского обучения началось в 1803 году после опубликования «Предварительных правил народного просвещения». В соответствии с правительственным документом все учебные заведения делили на четыре разряда: приходские училища, уездные, губернские (или гимназии), университеты. В городах и селениях каждый церковный приход или два прихода, в зависимости от числа прихожан, должны были иметь одно приходское училище. В казенных селениях они вверялись священникам и почетным жителям, в помещичьих – «просвещенной и благонамеренной попечительности» помещика. Целью приходских училищ являлась подготовка учеников к поступлению в уездные училища, а также физическое и нравственное воспитание. Народные школы должны были содержаться населением: в городах – за счет городского общества, в казенных селениях – крестьянами, в частных поместьях – помещиками. Учебный план приходских училищ предусматривал обучение чтению, письму, четырем действиям арифметики, Закону Божьему, правоучению, а также проведение объяснительного чтения книги «Краткое наставление о сельском домоводстве».

Благие образовательные намерения российского правительства реализовывались с большими трудностями. Причинами являлись отсутствие государственного финансирования, учительских кадров, незаинтересованность городских властей и помещиков в образовании простого народа. По данным «Статистического изображения городов и посадов Российской империи по 1825 год», из 533-х штатных городов, 102-х заштатных, 51-го местечка и посада не имели ни одного учебного заведения 131 штатный город, 81 – заштатный и 47 посадов и местечек. По одному учебному заведению имели 232 штатных города, 15 – заштатных и 3 посада. Во всех городских поселениях с более чем 3,5 млн человек имелось лишь 1095 учебных заведений, а число трактиров и питейных домов доходило до 12179 единиц.

В 30-х годах XVIII века правительство Николая I начинает обращаться к духовенству, официально обязывая и поощряя его к открытию училищ для народа. Священный Синод возложил на духовенство заботу о начальном образовании, утвердил церковно-приходскую школу как учебное заведение и провозгласил священнослужителей народными учителями. В 1832 году царь «повелел» упразднить приходские училища в Волынской, Киевской и Подольской губерниях, находившихся в руках римско-католического духовенства. Вместо них Николай I приказал учредить училища при церквях греко-римского исповедания, где бы преподавались русская грамматика, арифметика, русский катехизис. С 1836 года учителями церковно-приходских школ стали назначаться священники и дьяконы, которым платили по 145 руб. в год при готовом помещении, отоплении и освещении. Деньги на содержание училищ взимались с удельных крестьян особым сбором.

Открытие церковно-приходских школ активизировались после указа Синода о заведении училищ для крестьянских детей при церквях. Особенно отличилась Киевская епархия, возглавляемая митрополитом Исидором, а затем Арсением, принявшим деятельное участие в развитии народных школ. Примеру киевского духовенства последовали другие епархии и особенно на юго-западе России в губерниях Виленской, Волынской, Гродненской, Подольской и Черниговской. На великороссийских территориях учреждение церковно-приходских школ успешнее всего шло в Орловской, Рязанской, Тверской и Тульской епархиях. В 1839 году в Российской империи числилось около 2000 церковно-приходских школ, в которых обучалось 19000 учеников. Правительственные распоряжения и мероприятия 40-х годов были направлены и на привлечение духовенства к делу народного образования. Священникам и дьяконам, окончившим курс духовных семинарий, давалось право без всяких педагогических испытаний открывать школы и занимать места учителей в приходских казенных училищах различных ведомств (МНП, Государственных имуществ и др.). Церковно-приходские школы 40-50-х годов имели религиоз-

но-нравственную направленность. В них осваивали церковно-славянскую грамоту, читали божественные и церковные книги (Псалтырь, Часослов, жития святых), учили церковному пению, изучали катехизис, занимались чтением и письмом гражданской печати, изучением основ арифметики. В 1851 году, по отчетам епархий, в России работало 4713 церковно-приходских школ, где обучалось 93350 учащихся (80). Однако некоторые авторы досоветских изданий по истории русской школы указывали, что многие училища числились только на бумаге. Так, в 1852 году директор училищ Томской губернии по поводу церковно-приходских школ отметил следующее: «... да и самые училища, кажется, существуют лишь на бумаге, как я имел случай убедиться в с. Богородское» (81).

Особое «благодарное» внимание на открытие начальных училищ обратил Александр II, пожелавший дважды в год иметь донесения о состоянии церковно-приходских школ. Царская заинтересованность вызывала соревновательную активность духовенства, при которой число школ во всех епархиях стало быстро расти, а в некоторых из них училища стали учреждаться при всех приходских церквях. В результате число начальных народных училищ значительно возросло, и в 1861 году составило 18587 церковно-приходских школ, а в 1865 – 21420 с контингентом в 413524 ученика, но многие из них, как указывало МНП, «существовали только по имени» (82). Зачастую духовенство завышало статистические данные, а иногда священники заставляли старост переводить учеников министерских училищ в церковно-приходские школы.

Церковные народные училища были поставлены в полную административную зависимость от духовенства, обязанного заботиться об их открытии и содержании, о приобретении книг и распределении учебного времени. Вся жизнь церковно-приходских школ лежала на ответственности священнослужителей, обязанных ежемесячно доносить епархиальному начальству о состоянии учебных заведений. Самой большой проблемой было отсутствие необходимых материальных средств. Поэтому сложно решались вопросы, связанные с помещениями, содержанием училищ, с классной мебелью, учебниками и учебными пособиями. Использовались обыкновенные крестьянские скамьи и столы, а из-за недостатка учебников их читали по очереди или разделяли на отдельные листы. В лучших условиях находились церковно-приходские школы у государственных крестьян и у помещиков. Под училище они приспособляли помещение близ церкви, состоящее из двух половин: в одной – классная комната, в другой – комната для пребывания детей, живших далеко от церкви. В 1865 году, по распоряжению графа Д.А. Толстого, обер-прокурора Синода, вышла книга «Народные училища и участие в них православного духовенства», в которой говорилось о печальном положении с обучением в 33 епархиях. В 1869 году известный педагог Н.Х. Вессель, редактор

педагогических журналов, составил проект организации в России народного образования на основе церковно-приходских школ, но он не был осуществлен. Одна из причин – нерадивое отношение духовенства к народной школе.

Школьные реформы 60-х годов привели к упорядочению системы народного образования в стране, к сокращению числа школ, подведомственных Синоду. В 1864 году было принято «Положение о начальных народных училищах», ставившее целью утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных знаний. Учителями имели право быть священники, дьяконы и дьячки, а также светские лица. От церковников не требовали никаких документов, подтверждавших их подготовку к преподаванию, добрую нравственность и политическую благонадежность. В 1874 году вышло новое положение о начальных народных училищах, по которому начальные школы отдавались под опеку дворянства, усиливался надзор духовенства за образом мыслей, поведением народных учителей и духом преподавания в начальных школах. В 60-70-х годах активизировалось открытие одноклассных и двухклассных училищ Министерства народного просвещения (МНП), ассигнуемых из государственной казны. В связи с этим число церковно-приходских школ сократилось, причем многие из них были преобразованы в школы, подведомственные МНП. Если в 1866 году, по данным Синода, в Российской империи было 19436 начальных учебных заведений, то в 1878 году оставалась только 4681 церковно-приходская школа.

Крестьянское население, несколько веков воспитывавшееся в начальных духовных школах, поначалу трудно привыкало к светским училищам и неоднократно высказывало желание обучать своих детей по-прежнему на любимых божественных книгах у своих духовных пастырей. У многих землевладельцев идеалом образования продолжала оставаться церковно-приходская школа, неразрывно связанная с церковью. Крестьяне и другие податные сословия продолжали ценить грамотность лишь как средство, связанное с церковью и содействующее развитию и утверждению православной веры. Многие сторонники церковно-приходских школ считали, что училища вносят значительный вклад в просвещение русского народа, способствуют укреплению православной веры. Высшее церковное руководство решило принять меры по увеличению численности таких учебных заведений, четко определить цели, задачи и содержание образования. В 1882 году при Синоде учредили особую комиссию для устройства начальных народных школ, а в 1884 году император Александр III «Высочайше» утвердил правила о церковно-приходских школах.

В документе содержалось 23 параграфа, раскрывающих все важнейшие стороны функционирования учебных заведений. Цель церковно-приходских школ, открываемых духовенством – утверждение в народе православной веры, христианской нравственности и сообщение первоначальных полезных зна-

ний. В соответствии с правилами 1884 года церковно-приходские школы должны открываться приходскими священниками или, с их согласия, другими членами причтов. Школы могут существовать на средства прихода, возможных пособий от сельских и городских обществ, приходских пожертвований и братств, от земских и других общественных и частных учреждений и лиц епархиального и высшего духовного начальства, а также от государственной казны. Церковно-приходские школы могут быть одноклассными с двухлетним курсом обучения и двухклассными с четырехлетними программами образования. В учебный план одноклассных школ входят Закон Божий (изучение молитв, катехизиса, священной истории, объяснение богослужения), церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных училищах кроме этих дисциплин преподаются начальные сведения по истории церкви и отечества. Правила разрешали открывать при церковно-приходских школах дополнительные общеобразовательные классы, проводить ежедневные уроки для взрослых, организовывать ремесленные отделения и рукодельные классы, открывать воскресные школы. В § 9 указывалось, что приходские школы вместе с церковью должны внушать детям любовь к божьему храму и богослужению, «дабы посещение церкви и участие в богослужении сделалось привычкой и потребностью сердца учащихся». В воскресные и праздничные дни учащимся предписывалось обязательно присутствовать на богослужении, а способным, к тому же, участвовать в церковном чтении и пении. Ежедневные учебные занятия, как гласили правила, начинаются и оканчиваются молитвами. Выпускники церковно-приходских школ получают свидетельства, дающие право на льготу IV разряда по отбыванию воинской службы.

В 1886 году при Синоде учредили особый совет для заведования церковно-приходскими школами. Окончательная организация церковно-школьного дела завершилась после принятия еще трех документов: «Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов» (1888 год), «Правила о школах грамоты» (1891 год), «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания» (1896 год). С каждым годом стали увеличиваться денежные отчисления на организацию и содержание начальных школ духовного ведомства: в 1886 году – 120000 руб., 1894 – 350000 руб., 1904 – 1750000 руб., 1914 – 18755118 руб. Источниками денежного потока являлись государственная казна, губернские земские сборы, местные средства (отчисления церкви и монастырей, деньги от волостных, сельских и городских обществ, благотворительных учреждений, приходских попечительств, от частных лиц, подушные и молебные денежные взносы, тарелочные сборы). Земские расходы на школы, подведомственные Синоду, составляли 4% от общих земских затрат. В частности, в 1900

году губернские земства выделили следующие суммы: Вятское – 7000 руб., Олонецкое – 3800 руб., Саратовское – 3200 руб., Полтавское – 3000 руб., Новгородское – 1000 руб., Орловское – 500 руб., Новгородское – 200 руб. Часть средств на церковно-приходские школы ассигновали уездные земства губерний, выделив в этом же году значительные средства: Вологодская губерния – 76900 руб., Вятская – 41100 руб., Саратовская – 31400 руб., Казанская – 27600 руб., Пермская – 25700 руб. и т.д. Ежегодные отчисления земств постоянно возрастали. Так, в 1881 году они составляли свыше 43 тыс. рублей, в 1891 году – 146 тыс., в 1895 – 294 тыс., в 1900 – 457 тыс. (83). Ежегодный рост ассигнований способствовал увеличению количества начальных школ духовного ведомства: в 1896 году было 13000 церковно-приходских школ, 1897 – 14820, в 1904 – 25155, в 1914 – 35367 церковно-приходских школ (84). Количество школ на конкретной территории Российской империи зависело от ряда факторов: плотности населения, инициативы духовенства, поддержки земства, материального положения крестьянства, наличия министерских школ.

Таблица 1

Статистические показатели церковно-приходских школ за 1895 год (85)

Губернии и регионы	Всего школ	Всего учащихся	Из них:	
			мальчиков	девочек
Земские губернии	6919	291930	234154	57776
Нечерноземные губернии	455	20385	15709	4676
Северно-Западный край	751	26489	22603	3886
Юго-Западный край	2102	106021	92978	13043
Прибалтийский край	181	9779	7217	2562
Итого:	10408	454604	372661	81943

Материальная база школ духовного ведомства была на очень низком уровне, особенно в азиатской части империи: не хватало школьных помещений, оборудования, учебников и учебных пособий. Так, в 1891/92 учебном году из 40 церковно-приходских школ Курганского округа только 20 имели собственные дома, 28 занимали частные и наемные квартиры, а одна школа располагалась в церковной сторожке. Лишь при трех школах имелись небольшие земельные участки для собственных огородов. В целом же удобных помещений для обучения детей было менее 50%. Наблюдатель церковно-приходских школ Тобольской епархии, делая пометки в путевом журнале, отметил, что Щучинское училище находилось в самом жалком положении. Это было тесное, гряз-

ное и холодное помещение с развалившейся печью. Ученики и учителя сидели в шубах, а от низкой температуры замерзли чернила в чернильницах. Церковно-приходские школы испытывали нужду в букварях и подвижных азбуках, руководствах по славянскому и русскому языкам, по математике. Не хватало и церковных книг, которые были своего рода учебниками. К ним относились псалтыри, часословы, евангелия, молитвенники, священная история.

И без того тяжелое материальное положение школ духовного ведомства усугублялось в неурожайные годы. В одном из отчетов указывалось: «Хотя сельское население относится к школам сочувственно, но существенной материальной поддержки оно оказать не может вследствие почти повсеместного обеднения крестьян по случаю бывшего в округе двухлетнего неурожая хлеба и травы» (86). Чтобы выйти из затруднительного положения, проводились подушные и молебные денежные взносы. В большие праздники духовные лица все чаще практиковали тарелочные сборы в пользу церковных школ. В 1901 году священник Алексей сдал в уездное отделение 25 руб. мирских денег. Для нужд школ сдавали пшеницу и рожь. За счет общества Красного Креста почти во всех церковно-приходских школах в 1892 году учащимся выдавалась горячая пища. Из пособий Епархиального училищного Совета в некоторых учебных заведениях к завтраку подавали белый хлеб.

Царское правительство и церковь усиленно насаждали церковно-приходские школы. Ассигнования на них с каждым годом увеличивались. Но значительную часть расходов по содержанию этих учебных заведений по-прежнему несли родители учащихся. Так называемые «доброхотные пожертвования» стали одним из источников существования школ.

В ряде губерний население с энтузиазмом относилось к возведению и работе церковно-приходских школ, не жалея сил и средств. В начале XX века в Томском уезде Самарской губернии по инициативе крестьян была построена церковная школа. По особому «приговору» они ежемесячно вносили по 75 коп. с души на возведение сооружения. Для увеличения отчислений на строительство крестьяне отказывались от проведения деревенских праздников, жертвуя эти деньги на храм-школу. Только в один Николин день они собрали пшеницы и денег на сумму в 328 руб. 48 коп. Всего за два года строительства от крестьян поступило 2403 рубля. В селе Гермаки Подольской губернии для церковно-приходской школы построили красивое здание с крышей из оцинкованного железа. В нем имелось две классные комнаты, две квартиры для учителей, комната для библиотеки, просторная прихожая. В случае пожара все могли покинуть здание через два выхода. Двухэтажное, просторное и светлое помещение занимала Садовская двухклассная церковно-приходская школа Вольского уезда, Саратовской епархии. Ее классные комнаты делились на три отделения легкими разбирающимися перегородками. При необходимос-

ти их можно было убрать и получить вместительный зал. В просторном коридоре совершались молитвы, а на переменах проводились игры. Специальная комната предназначалась для учительской библиотеки. Здание могло вмещать до 300 учеников. Весь второй этаж занимали квартиры учителей, считавшиеся гордостью школы, так как подобных не было во всей Саратовской епархии. При учебном заведении имелся фруктовый сад (87). Просторное и светлое здание для церковно-приходской школы было построено на средства земства в селе Черновском, Ирбитского уезда. В 1903 году в училище обучалось 70 мальчиков и 41 девочка, что для подобного типа школ считалось большой наполняемостью. В селе Балаково, Самарской епархии на пожертвования купцов Поликарповых было построено большое каменное двухэтажное здание для женской церковно-приходской школы. В нем оборудовали два класса со школьной мебелью, учебными пособиями, отвели место для библиотеки, закупив на 12 тыс. рублей художественной и учебной литературы. Для учительниц оборудовали две квартиры. Купцы обеспечили школу капиталом в 10 тыс. рублей. Подобные примеры имели место во всех губерниях Российской империи, о чем регулярно сообщал журнал «Народное образование», издаваемый Синодом.

В неплохих условиях функционировали церковно-приходские школы при монастырях. В 1891 году архимандрит Прокопий открыл мужскую одноклассную церковно-приходскую школу при Богородицком монастыре г. Задонска. Она располагалась в отдельном монастырском доме, имевшем шесть комнат, две из них отвели для занятий, три – для учителей, одну – для библиотеки. Школа содержалась на средства обители, выделявшей ежегодно от 900 до 1000 рублей. Обучалось до 90 человек, из которых 2/3 составляли дети крестьян пригородных слобод. Ученики снабжались учебниками и учебными принадлежностями за счет монастыря. С разрешения Воронежского епархиального училищного совета в этом же году при Свято-Троицкой обители г. Задонска учредили женскую одноклассную церковно-приходскую школу. Для учениц ввели дополнительные классы рукоделия, в которых преподавала монахиня. Женская школа при монастыре была востребована населением, и поэтому ее контингент постоянно увеличивался. В 1892 году в ней обучалось 15 учениц, в 1893 – 50, в 1901 – 78 учениц (88).

К концу XIX века в Российской империи работало 750 мужских и женских обителей, но не при всех имелись начальные училища. Так, в Москве из 26 монастырей только при 7 существовали церковно-приходские школы, в Ярославской епархии из 21 обители лишь в 6 работали начальные училища. Монастыри предоставляли под школы особые помещения, квартиры для учителей, организовывали приюты и лечебницы для учащихся; наделяли училища землей, огородами и садами. При монастырских церковно-приходских школах

детей обучали, кроме обязательной программы, живописи, шитью, столярному, малярному и кровельному ремеслам. Учителя, проживающие на территории обители, имели бесплатную жилплощадь и питание, получали установленную правительством зарплату. Монастыри ежегодно отчисляли на церковно-приходские школы часть своих доходов. В 1896 году, например, на нужды училищ поступило от Кишиневской епархии 15563 руб., Московской – 10500, от Калужской - 1263 руб. и т.д. (89).

Учебно-материальная база начальных народных школ пополнялось и за счет церковно-приходских попечительств, учрежденных при отдельных церквях на основании особого Положения от 2 августа 1864 года. На них возлагалось решение хозяйственных вопросов приходских церквей, организация первоначального обучения детей, благотворительность на территории прихода. Работа попечительств в 60-80-х годах не отличалась особым усердием и активизировалась лишь в 90-х годах, да и то не на всей территории империи. Училищный совет при Синоде ставил в пример деятельность попечительств в Пермской, Рязанской и Казанской епархиях, раскрывая их опыт на страницах собственного органа «Народное образование». К началу 1896 года в Пермской епархии при 319 приходах работало 156 попечительств, из них 116 были открыты в 1894 году. Средства этих общественных организаций поступали из различных источников: от членских взносов, кружечных сборов в храмах во время богослужения и в приходах в базарные и торговые дни; сбор по подписным листам; проценты с имеющихся капиталов; доход от аренд, продажи книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, от существующих при некоторых попечительствах чайных и др.; частные пожертвования деньгами, хлебом, холстом, платьем, дровами и пр. Многие общественные организации имели значительные запасы и склады одежды, обуви, топлива и других необходимых товаров. Рождественско-Богородицкое попечительство создало специальный фонд в размере 13 тыс. руб. на строительство церковно-приходских школ, а Мотовилихинское – скопило до 35 тыс. руб. на возведение храма.

Одна из первых задач попечительств – распространение грамотности среди населения. В г. Перми при Рождественско-Богородицкой церкви на средства общественной организации содержалась женская церковно-приходская школа с контингентом в 80 человек; в деревне Половинной церковно-приходское попечительство участвовало в строительстве часовни – школы для мальчиков и девочек; Веретейское попечительство оборудовало хорошее помещение для церковно-приходской школы; Нытвинское – открыло две народные часовни. На учебно-просветительскую деятельность (устройство школ, библиотек, читален, раздача книг и брошюр, проведение народных чтений и т.п.) пермские церковно-приходские попечительства к 1896 году израсходовали 5334

руб. 94 коп. В конце 90-х годов в Рязанской епархии функционировало свыше 400 церковных благотворительных организаций; в Казанской – 433 попечительства, затративших на содержание церковно-приходских школ 3218 руб. (90).

Одним из источников существования церковно-приходских школ были частные пожертвования, вносимые людьми разных сословий и званий. Информация об этом регулярно давалась училищным советом Синода на страницах своего журнала. Отмечалось, в частности, что потомственный почетный гражданин Ю.И. Баранов, являясь попечителем Ялтинской церковно-приходской школы, пожертвовал ей 7000 руб.; верхнеудинский купец второй гильдии Б.И. Золотарев построил в селе Хонколайском (Забайкальская епархия) добротное здание церковно-приходской школы, положил в государственный банк 4000 руб. для приращения процентов в пользу школы, обязался в течение пяти лет на свои средства отапливать здание и содержать сторожа. В 1889 году попечительница двух церковно-приходских школ Екатеринославской епархии графиня Елизавета Воронцова – Дашкова пожертвовала для Игрнской школы 900 руб., а с 1893 года стала платить жалованье второму учителю по 200 руб. в год; построила здание для Чаплинской церковно-приходской школы стоимостью в 3000 руб. и снабдила ее учебниками и учебными пособиями на сумму в 280 руб. Попечитель Перешорской церковно-приходской школы Херсонской епархии землевладелец дворянин Чикаленко выделил усадьбную землю под церковно-приходскую школу, в течение трех лет помогал своими средствами в ее строительстве, пожертвовал в пользу училища закладной лист земского банка в 1000 руб., проценты с которого будут расходоваться на жалованье учителя или на содержание школы. В Пензенской епархии купец Е.П. Бочкарев передал во владение Архангельской церкви г. Мокшана каменный дом 17х16 аршин под помещение церковно-приходской школы; в селе Вероне, этой же епархии, землевладелец пожертвовал новый дом для приходского училища и обязался ежегодно выдавать по 300 руб. на его содержание. Среди благотворителей церковно-приходских школ были дворяне, землевладельцы, потомственные почетные граждане, купцы и мещане. В Полтавской епархии кроме них, как отметил Синод, пожертвования сделали гвардии полковник, шталмейстер, статский советник и уездный врач. В 1913 году ставропольский мещанин Н.С. Лобанов в память 300-летия царствования Дома Романовых пожертвовал 5000 руб. на строительство Троицкой церковно-приходской школы. В январе 1914 года здание было освящено и начались занятия (91).

За 27 лет, т.е. с 1885 года по 1912, материальная база церковно-приходских школ значительно укрепилась. К 1912 году 26816 училищ (76%) имели собственные здания, стоимость которых с обстановкой и учебными пособиями составляла 50 млн. руб., располагали земельными участками в 19500 десятин, имели 5120500 руб. пожертвованных неприкосновенных капиталов (92).

Открытие церковно-приходских школ всегда было неординарным событием для населения, проходившим по традиционному сценарию. Сначала проводилась тожественная литургия в храме с присутствием знатных гостей, учителей и родителей. Затем все крестным ходом отправлялись к школе. Впереди шли старики с иконами и Евангелием, за ними следовали местный хор певчих, исполняющий тропарь «Заступнице усердная», потом шли священнослужители в светлых праздничных облачениях. Школьное помещение освящалось святой водой, и только после этого начинались занятия.

Обучение в церковно-приходских школах велось по учебникам и учебным пособиям, утвержденным высшим православным учреждением. Училищный совет Синода издавал свои учебные пособия по русской истории, географии и другим предметам. При изучении русского языка использовались учебники, написанные Кирпичниковым, Некрасовым, Смирновским. Овладение славянским чтением велось по азбуке Ильминского, который был сторонником воспитания в духе православного вероисповедания и монархических верноподданнических чувств. При изучении истории использовались учебники Рождественского и Попова.

Значительное время в учебном процессе церковно-приходской школы уделялось чтению молитв. Учебный день начинался с утренних обращений учащихся к Богу и святым, последовательность которых была указана в учебном часослове, изданном училищным советом при Синоде. Методисты духовных учебных заведений рекомендовали не читать молитвы, а петь их хором, считая такое воспроизведение более эффективным. К таким обращениям относились «Царю Небесный», «Святыи Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш». На утренней молитве обязательно должен был присутствовать наставник школы, а желательно и священник. Они делали начальные и завершающие возгласы, следуя за «духом церковного чиноположения».

Первый урок после утренней молитвы посвящался изучению Закона Божия, в ходе которого перед классной иконой горела лампада или восковая свеча. Ученикам преподавалась священная история Ветхого и Нового Заветов. Они должны были знать историю Иудейского царства, жизнь пророков, читать и объяснять символы веры и другой религиозный материал. Изучение закона Божьего представляло для детей определенную трудность. Их заставляли заучивать большие фрагменты из церковных книг, которые дети иногда не понимали. Например, восьмилетний ребенок должен был прочитать отрывок из «Слова по освящении храма явления Божьей матери преподобному Сергию», а затем пересказать его. Если при пересказе ученик забывал последовательность или что-либо пропускал из заученного, его наказывали: могли сделать выговор, заставить долго стоять, драть за уши и волосы, наградить подзатыльником. Изучение церковной литературы осуществлялось не только на

специальных занятиях, но и в процессе всего учебного дня. Перед началом уроков читались с объяснением и переводом евангелие, заучивались фрагменты из него, давались наставления о правилах богослужения. Обучение церковному пению, там, где оно велось, предусматривало изучение нотной грамоты, исполнение литургии, всенощной и других церковных песнопений.

Все последующие уроки предварялись и заканчивались пением молитв «Царю Небесный» и «Достойно есть». Кроме этого, учитывались религиозные праздники с их канунами, проведением и окончанием, во время которых исполнялись разные молитвы. Так, до праздника Вознесения Господня в начале урока исполняли «Христос Воскресе», а в конце занятий – «Светися, светися». Во время праздника в начале урока пели «Вознеслся еси во славе», а в конце – «Тя паче ума и словесе Матерь Божию».

Содержание обучения по русскому языку в 1-м и 2-м классах складывалось из письменных работ, краткого курса правописания, изучения синтаксиса простого предложения и этимологии слов, письменных работ по орфографии и изложению мыслей, объяснительного чтения, заучивания стихотворений. Для этого использовались разрезные буквы, славяно-русские азбуки, руководства для учителей и другая литература. Методика обучения в церковно-приходских школах не отличалась разнообразием средств и приемов. Овладение грамотой шло с помощью буквослагательного метода. При этом буква однозначно связывалась со звуком и считалось, что букв столько же, сколько звуков. Главным было заучивание букв (аз, буки, веди, ...), затем составление из них слогов (буки+аз=ба, буки+люди+аз=бла и т.п.). После усвоения букв и слогов переходили к чтению слов. Обучение грамоте и чтению было трудным и поэтому могло длиться годами. Прогрессивная методика Ушинского, Корфа, Бунакова не допускалась в школы, подведомственные Синоду.

Программа по арифметике в 1-м классе предусматривала знакомство с числами и решение простейших примеров и задач. За весь учебный год дети должны были освоить счет, решение примеров и задач в пределах трех десятков. В 90-х годах во 2-м классе программа по арифметике предусматривала изучение четырех действий с простыми и «именованными числами», таблицы линейных мер, квадратных и кубических мер, признаков делимости чисел. В начале XX столетия производили сложение и вычитание на торговых счетах. Изучение квадратных и кубических мер было затруднено, так как отсутствовали какие-либо учебные пособия.

При изучении истории учеников знакомили с правлением князей и царей, становлением русского государства, с важнейшими событиями, происходившими в Киевской Руси и в России. На уроках географии изучалось географическое описание Российского государства, давались общие сведения и краткий обзор государств Европы и других частей света. Подобный объем знаний

по арифметике, истории и географии давался не во всех школах духовного ведомства, а лишь там, где была соответствующая учебно-материальная база и подготовленные педагогические кадры.

На рубеже XIX и XX столетий Синод и творчески работающие учителя церковно-приходских школ значительное внимание стали уделять наглядности обучения. В училищах, имеющих свободные площади, отрывались комнаты – музеи наглядных пособий, где сосредоточивались материалы, необходимые при изучении учебных предметов. В сборе и изготовлении экспонатов участвовали учителя и школьники, которые обращались с письмами о помощи к заводам, рудникам, фермам, в редакции, к знакомым. Одним из лучших среди начальных народных училищ был музей наглядных пособий при Вологодской Свято-Стефановской церковно-приходской школе. В 1905 году в нем имелось более 500 экспонатов, необходимых для учебного процесса. На уроках использовались глобус, компас, магнит, термометры, часовой циферблат со стрелками, меры веса, длины, куб, пирамида, конус и другие геометрические фигуры. При изучении Закона Божия применялись 22 рисунка с изображениями иконостаса, богослужебных сосудов, облачений, монастырей (Афонского, Саровского, Почаевской и Сергиевской лавр и др.); использовалась модель храма с полным внутренним устройством. Для усвоения основ сельского хозяйства в пробирках имелись образцы почв: дерна, чернозема, супеси, глины, суглинка, известняка, мергеля и торфа. Ученикам показывали таблицы – рисунки хлебных злаков, где изображались пшеница, рожь, овес, ячмень, рис, греча, кукуруза, конопля, чечевица. Деревенский подросток изготовил модели сохи, бороны, саней, простейшего ткацкого станка; имелись образцы крестьянского дома, пчелиного улья с сотами; располагались рыболовные принадлежности, среди которых были невод, верша, намет и др.

Школьный музей располагал 43-мя образцами металлов, минералов и горных пород: меди, свинца, олова, цинка, граната, яшмы, опала, мрамора, гранита, каменного угля и др. Имелась отдельная коллекция с 60-ю образцами уральских камней. Значительную познавательную информацию имели специальные таблицы, посвященные льну и его обработке, бумажному, кожевенному, шерстяному и шелковому производствам; обработке шкур и видам мехов (овцы, оленя, волка, медведя, лисы, зайца и др.). В школьном музее была широко представлена флора разных регионов Земли. Имелось до 30-ти образцов северных деревьев, около 10-ти – южных (груша, слива, кизил, туя и др.), около 15-ти живых растений (алоэ – сабур, кактус, смоковница и др.). Летом 1903 года на пришкольном участке Свято-Стефановской церковно-приходской школы заложили сад с ягодными культурами и неприхотливыми деревьями, среди которых были березы, простые и берлинские тополя, осины и др. (93).

Церковные школы Российской империи принимали участие в Междуна-

родной научно-промышленной выставке «Детский мир», итоги которой были объявлены в январе 1904 года. Экспертная комиссия особо отметила церковно-школьный отдел, за что училищный совет при Синоде был отмечен высшей наградой – почетным дипломом «За прекрасную постановку школьного дела». Золотыми медалями за коллекцию физических приборов, изготовленных учениками, умелую организацию учебного процесса были отмечены Свято-Владимирская (Санкт-Петербург) и Рождественская (Калужская губерния) школы; попечительница Е.Г. Егорова за многолетнее содержание за свой счет Язвицевской церковно-приходской школы и организацию при ней преподавания рукоделия, столярного и слесарного ремесла, устройство при школе яслей.

Развитие капитализма в России наложило отпечаток и на содержание работы школ, подведомственных Синоду. В начале XX века в них ввели дополнительные предметы: естествознание, геометрию, рисование по клеткам, стали обучать рукоделию и различным ремеслам – вязанию и вышиванию, шитью одежды и обуви, изготовлению столярных и слесарных изделий, переплетному делу и др. В ряде школ, по инициативе уездных наблюдателей, вводились занятия гимнастикой и военным строем. Так, в Бугульминском уезде Самарской губернии эти нововведения были сделаны по ходатайству уездного наблюдателя священника А. Иванова. Он обратился в уездное земское собрание с просьбой об оказании содействия и денежной помощи по введению в земских и церковно-приходских школах обучения гимнастике и военному строю. Прошение Иванова удовлетворили, выделив 300 руб. на оплату преподавателей. Для обучения гимнастике и военному строю наблюдатель пригласил отставных унтер-офицеров. Занятия в Бугульминском уезде стали проводиться в школах МНП и в 11-ти церковно-приходских училищах, где наряду с отставниками обучали штатные учителя школ. Обучение гимнастике и военному строю, как отмечал журнал «Народное образование», способствует воспитанию детей в духе преданности православию и самодержавию. Защита царя и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, и поэтому в начальных школах детям внушали один из основных государственных законов.

Обучение различным ремеслам в церковно-приходских школах развивалось медленно, хотя они были востребованы, особенно сельскими жителями. Еще В.Н. Татищев писал о необходимости обучать детей «всему тому надобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит, дабы ни один без рукоделия не был» (94). Однако, несмотря на потребности, через девять лет после издания правил ремесленные занятия проводились лишь в 44-х церковно-приходских школах. Училищный совет Синода признавал острую необходимость в преподавании ремесел и рукоделия в церковных школах. Все родители выража-

ли желание обучать своих детей каким-либо ремеслам, так как сельские жители нуждались в хороших плотниках, столярах, сапожниках и других специалистах. Во втором десятилетии XX века при учреждении церковно-приходских школ население все чаще требовало открытия при них ремесленных классов.

Наибольшее распространение получили классы рукоделия, требующие меньших затрат на их содержание. Введение вязания, вышивания и шитья способствовало притоку в церковно-приходские школы девочек, что раньше было особенно проблематично для сельской местности. Обучение рукоделию было дополнительной нагрузкой на учительниц. Специальные педагогические кадры никто не готовил, наставницы учили тому, что умели сами. Занятия рукоделием проводились дважды в неделю на дополнительных уроках, но в некоторых школах было 5 еженедельных занятий. Это зависело от обоюдного желания учителей и учащихся. Рукоделием занимались и во время больших перемен, и в вечернее время. Самым серьезным образом было поставлено обучение рукоделию во Введенской женской образцовой школе Тобольской епархии. Начиная с первого класса, девочек учили вязать на спицах и крючком, вышивать гладью, елочкой, узелком, по канве и другими способами. Юные мастерицы плели чудесные кружева на коклюшках. Их обучали также изготовлению выкроек для пошива белья и платьев. Ученицы школы обеспечивали себя всем необходимым: теплыми чулками, шарфами, платками, фартуками для кухонных дежурных, шили наволочки на подушки и матрацы для живущих в интернате. Часть изделий в конце года продавалась, а вырученные деньги шли на покупку для школы новых материалов. В 1902 году рукоделие культивировалось в 56-ти церковно-приходских школах из 65-ти действующих в Курганском учебном округе Тобольской епархии.

Учитывая запросы крестьян, руководители церковно-приходских школ начали вводить уроки ткачества. В училищах устанавливали самодельные «станы-самолеты», на которых девочки осваивали нужное для них ремесло: ткали половики, полотенца, салфетки и даже материал для платьев. Местное население с большим интересом относилось к ткачеству. Из разных мест в школы поступали запросы взрослых о разрешении присутствовать на занятиях. С развитием легкой промышленности не только в городе, но и на селе стало появляться больше высококачественных тканей. Престиж кустарного ткачества стал падать. Газета «Курганский вестник» отмечала, что в школы разосланы типовые ткацкие станки, но несмотря на улучшение материальной базы, ремесло прививалось с трудом, так как изготовленный домашним способом материал ни по качеству, ни по цене не мог соперничать с фабричным. Накануне революции в некоторых школах стали появляться ручные швейные машины, работа на которых вызывала повышенный интерес учениц.

Обучение ремеслам при церковно-приходских школах развивалось весь

ма медленно, что было обусловлено необязательностью, отсутствием финансирования, теснотой помещений и недостатком инструментов, привлечением детей к домашней работе. В 1898 году, по данным епархиальных училищных советов, было 178 одноклассных и двухклассных церковно-приходских школ с ремесленными занятиями, в 1900 – 254, в 1901 – 289, что составляло 1,5%. Во Владимирской, Псковской и Туркестанской епархиях ремесленное обучение вообще отсутствовало.

Правительство и Синод рекомендовали развивать в первую очередь столярное, слесарно-кузнечное, портняжное и сапожно-башмачное ремесла. Однако в зависимости от потребностей населения и материальной базы школы организовывали обучение и по другим видам работ, среди которых были бондарное производство и изготовление деревянной посуды, малярное и штукатурное, плетение корзин и производство щеток, а также иконописание, паяние, мыловарение, пчеловодство. В Мало-Даниловской церковно-приходской школе Московской епархии учеников знакомили с разведением пчел, а прилежным выпускникам в награду давали улей. Благодаря этому юноши начинали самостоятельно заниматься производством меда. Другая традиция этой школы – дарить при окончании курса лучшей ученице (будущей хозяйке) телку, приобретенную на собранные детьми деньги. Для этого они еженедельно вносили по 1 копейке в специальную копилку.

В церковных школах некоторых губерний вели обучение приемам оказания первой доврачебной помощи при несчастных случаях. Так, в Лапотковском начальном училище Тульской губернии для этого имелся набор картин с изображением приемов воздействия на пострадавшего при переломах, вывихах, ранениях, угаре, обмороках, при «оживлении и приведении в чувства утопленников» и др. Занятия вел приглашенный фельдшер. При школе имела аптечка. Подобные медицинские наборы имелись и в ряде других церковно-приходских школ, как например, в Пензенской епархии, где в 1901 году ими обладали 40 одноклассных училищ. Аптечки формировали за счет попечителей по указаниям врачей. Ими пользовались при оказании первой помощи не только ученики, но иногда и крестьяне.

Усиленная работа школ по приобщению детей к конкретным профессиям была представлена на международной выставке «Детский мир». Серебряными медалями отметили столярные и слесарные экспонаты, программные коллекции по рукодельному классу и ручному труду; организацию обучения рисованию, иконописи, фотографированию и переплетному делу; приобщение учеников к огородничеству, садоводству, пчеловодству и др. Больше всех медалей разных достоинств получили школы Московской епархии – 20 наград, Калужской – 18, Астраханской и Ярославской – по 12, Воронежской – 10, в Рязанской епархии заслуги церковных школ отметили 9-ю медалями (95).

В конце XIX- начале XX века церковно-приходские школы сыграли значительную роль в пропаганде знаний среди населения путем так называемых народных чтений. Они зародились в Петербурге и прошли впервые в декабре 1871 года на окраине города. Присутствовало до 200 человек из высшего и среднего сословий. По идее градоначальника Ф. Трепова, была учреждена с «Высочайшего соизволения» постоянная комиссия по устройству народных чтений в Петербурге и его окрестностях. При ней существовал особый издательский комитет, цель которого – издание брошюр и книг для населения. Всего в Петербурге было выпущено 215 наименований общим тиражом в 3413700 экземпляров. В течение десяти лет в городе на Неве и его окрестностях было проведено свыше 640 народных чтений, на которых присутствовало около 530 тыс. человек.

Особую популярность и распространение такая форма просвещения в российской империи получила в 90-х годах XIX столетия. Народные чтения посещали грамотные и неграмотные, взрослые и дети. Наиболее привлекательным был материал, посвященный религиозно-нравственной и исторической тематике. Слушатели желали знать то, во что они веровали, что служило предметом их религиозного чествования. На народных чтениях люди узнавали об евангельских событиях, истории святых икон и праздников, о святых местах, правильном богослужении. С особым интересом воспринимался материал, сопровождавшийся световыми картинками проекционного фонаря. Это техническое средство, названное в народе волшебным фонарем, приобреталось на средства епархиальных училищных советов и пожертвования прихожан. Чтения в церковно-приходских школах проводилось в воскресные и праздничные дни, в великий пост. Материалом для них служили статьи из религиозной литературы: «Духовная нива», «Душеполезное чтение», «Странник», «Сельский вестник», «Отдых христианина», Евангелие, жития святых. Кроме статей религиозно-нравственного направления, читались публицистические сочинения с бытовым содержанием, а также о кормлении грудных детей и начальном воспитании в семье. Народные чтения проводили учителя, священники, дьяконы и псаломщики. В перерывах во время чтений проводилась продажа дешевых народных изданий. В ряде церковно-приходских школ сельские хоры исполняли церковные песнопения, светские гимны и патриотические песни, а в Ярославле даже играл военный духовой оркестр. Народные чтения были платными в размере 5 копеек с человека и бесплатными. В отчете Воронежской комиссии, например, отмечалось, что в 1896 году в народных чтениях участвовало 24400 «обеспеченных» слушателей и 9680 – со свободным входом. К последним относились ученики городских и сельских училищ, рабочие мастерских.

Царское правительство и духовенство возлагали большие надежды на цер-

ковно-приходские школы в деле воспитания местного населения. Курганское отделение Тобольского епархиального училищного совета в 1891 году предложило провести следующие меры: «1. Для отвлечения праздного люда от кабаков – этих сельско-деревенских клубов и для занятия его в нерабочее время чем-либо полезным, устраивать по воскресным и праздничным дням народные чтения при церковных школах. . . ». 2. Открыть общество трезвости, или, по крайней мере, пропагандировать «воздержание от неумеренного винопития», убеждать прихожан в необходимости закрытия кабаков и в организации вместо них дешевых чайных с читальнями. 3. Воспитывать народ путем школьного обучения. 4. Посещать школы лицам с университетским образованием, знающим общую педагогику и дидактику. Подобные меры начали проводиться по всей стране.

С начала XX столетия церковно-приходские школы все чаще стали пропагандировать не только религиозные, но и научные знания среди населения. Просветительные беседы и чтения проводились, в основном, в школьных зданиях, но иногда и в волостных правлениях. В селах число слушателей составляло от 10 до 200 человек, в городах – 500-800 человек. Желающих иногда было так много, что они не вмещались в помещение. В таких случаях их выпускали по выбору или делили на две смены.

Конкретных программ проведения народных чтений не существовало. Обычно первая часть посвящалась объяснению празднуемого события или религиозно-нравственному назиданию, вторая – историческим свершениям, географической, сельскохозяйственной, медицинской, бытовой и другой тематике. В содержании народных чтений прослеживалось несколько направлений: религиозно-нравственное, историческое, географическое, естественное, литературно-художественное. Использовались книги церковных и школьных библиотек. Для проведения бесед по истории и географии использовали статьи из журналов «Читальня народной школы», «Кормчий», «Воскресный день», «Русский паломник», «Детское чтение»; приложения к журналу «Народное образование», книги и сочинения о Китае и Японии, другие произведения по географии, мироведению, естествознанию и сельскому хозяйству. Присутствующих знакомили с основами огородничества, садоводства, пчеловодства. Они слушали отрывки из сочинений выдающихся представителей русской литературы – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Григоровича, Ершова и других писателей и поэтов. Иногда декламировали басни и стихи, сочиненные учащимися. На народных чтениях использовали проекционный фонарь, с помощью которого показывали картины на религиозно-исторические сюжеты, изображения животного и растительного мира. Наблюдатель церковно-приходских школ отмечал, что в Боровлянской школе Курганского уезда при описании Палестины демонстрировали картины и виды при помощи про-

екционного фонаря. На световых картинах изображались и физические приборы: насосы, компасы и другие устройства. В перерывах между чтениями пели молитвы из литургии, всенощного бдения, гимны.

Таким образом, церковно-приходская школа Российской империи давала первоначальные знания городским и сельским детям; по мере возможности, готовила молодежь к жизни и выбору профессии; проводила культурно-просветительскую работу среди населения путем организации народных чтений и продажи дешевой познавательной литературы.

3.2. Организация и функционирование школ грамоты

Широкое общественно-педагогическое движение конца 50-х годов XIX столетия, обусловленное растущими противоречиями между развитием производительных сил и крепостническими отношениями, привело к необходимости проведения реформы в области образования. Ей предшествовала основательная подготовительная работа специально созданного ученого комитета, начавшего свою конструктивную деятельность с критического пересмотра школьного устава 1828 года.

Временный орган определил исходные положения, которыми следовало руководствоваться при составлении нового основополагающего документа. В области начального образования ими стали максимальная доступность школы для широких кругов населения, бессловность, привлечение (по возможности) к обучению всех детей, свобода частной и общественной инициативы в организации школ, обеспечение более тесной связи школы с населением, устранение бюрократизма и административного произвола в управлении учебными заведениями.

Подготовленный ученым комитетом первый проект школьной реформы под названием «Проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» был опубликован в 1860 году. Это была первая попытка ученого комитета определить черты новой школы, которые в какой-то мере соответствовали бы намерениям Правительства, с одной стороны, и требованиям педагогической общественности, главным образом, либеральных кругов, - с другой, а также наметить пути и средства дальнейшего ее развития. Значительное место в проекте устава отводилось начальному образованию, которое в связи с готовящейся крестьянской реформой привлекало большое внимание широких кругов общества, особенно наиболее прогрессивной его части.

Система начального образования, согласно документу, включала три типа учебных заведений: школы грамоты, низшие народные училища, высшие народные училища. Все они должны подчиняться директору училищ, являюще-

муся одновременно и директором губернской гимназии. Школы грамоты предназначались для обучения детей первоначальному чтению и письму, четырем действиям арифметики над целыми числами и для наставления детей в истинах православной веры. На все это отводился один год занятий. Школы грамоты, как и низшие народные училища, согласно проекту устава являлись общественными и частными учреждениями. Они открывались и упразднялись по инициативе общества и частных лиц, которые их содержали. Об учреждении и открытии школ грамоты требовалось лишь поставить в известность директора училищ. Правительство таким образом освобождалось от материальной ответственности за школы грамоты, возлагая ее на общества и благотворителей. Общий надзор за начальными школами возлагался на школьное начальство. Кроме того, проект устава предусматривал установление дополнительного контроля с целью усиления предупреждения проникновения в учебную работу школ грамоты всяких вредных, с точки зрения государственной политики, идей и педагогически нецелесообразных средств обучения и обеспечения единой религиозно-нравственной направленности образования. В проекте ученого комитета отмечено: «Сельские и городские обыватели, не предъявившие свидетельства, что они знают важнейшие молитвы и умеют читать и писать, лишаются права поступать в гильдии и брать торговые свидетельства». Считалось, что такая запретительная мера будет побуждать население к открытию школ грамоты.

Народные школы низшего уровня находились в ведении различных ведомств. Сначала это было Министерство государственных имуществ, затем в 80-х годах на них обратило внимание Министерство народного просвещения, а с марта 1890 года по предписанию МНП школы грамоты передали Святейшему Синоду. В мае 1891 году были опубликованы «Правила о школах грамотности», согласно которым 18 тыс. существовавших школ грамоты были подчинены духовно-училищному совету при Синоде. Открытие народных учебных заведений предусматривалось в городских и сельских приходах, а также в монастырях. В соответствии с «Правилами», школы грамоты могут учреждаться членами причтов, монастырями, благотворительными учреждениями, одним или несколькими прихожанами, сельскими и городскими обществами, земствами. Попечение об учебных заведениях и руководство ими возлагалось на местных священников или на лиц, назначаемых епархиальным архиереем. Обучением в школах грамоты разрешалось заниматься священникам, дьяконам и другим членам причта, а также светским учителям, избираемым из лиц «православного исповедания, благочестивой жизни» и знакомых с приемами начального обучения. Избрание на должность учителя проводят учредители школ грамоты по согласованию с приходским священником. Лица, имеющие свидетельства на звание учителя, допускаются к ра-

боте при наличии документов о их нравственной благонадежности с извещением об этом уездного отделения епархиального училищного совета. Если кандидат на должность учителя не имел квалификационного свидетельства, то его знания выяснял сам священник. Он проверял знание молитв, священной истории, краткого катехизиса и прочих предметов обучения в школе грамоты. При положительной оценке знаний претендента и его нравственной благонадежности приходской священник давал письменное разрешение на вступление в должность учителя.

В четырех параграфах «Правил» (10-13) говорилось о попечителях школ грамоты, утверждаемых епархиальными архиереями по представлении уездных отделений епархиального училищного совета. Попечители вместе с приходскими священниками должны заботиться об устройстве удобного школьного помещения и о классных принадлежностях; о своевременном начале обучения и посещения школы детьми; своевременной выдаче учителю положенного вознаграждения, о «возможно-исправном» посещении учениками церкви. Попечители школ грамоты, оказавшие особое материальное и нравственное содействие учебным заведениями, могли быть представлены к почетным наградам.

Значительная часть «Правил» посвящалась содержанию работы школ грамоты и испытаниям учащихся. Отмечалось, что учебными предметами являются Закон Божий (краткая священная история Ветхого и Нового Заветов, краткий Катехизис), церковное пение с голоса, чтение церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисление. Преподавание в школах грамоты производится по руководствам, учебным пособиям и книгам, указанным Синодом и училищным советом при Синоде. При наличии дополнительных средств могут создаваться учительские и ученические библиотеки из книг, одобренных и допущенных училищным советом. В каждой школе грамоты должна быть классная книга, в которую учитель вносит фамилии и имена учеников, отмечает пропущенные ими уроки (с объяснением причин), ведет запись содержания проводимых уроков. В нее же, время от времени, вносят свои замечания священник, попечитель и наблюдатель об успехах учеников и о ходе школьного обучения. При посещении школы грамоты священник проверяет знания учеников, наблюдает за преподаванием учителя, ведет беседы по предметам Закона Божия. Особенное внимание, как указано в «Правилах», он должен обращать на церковно-воспитательную сторону: благоговейное чтение молитв в школе, посещение учащимися храма Божия в воскресные и праздничные дни, внеклассное чтение книг и брошюр назидательного содержания. Учителям разрешалось в праздничные и воскресные дни проводить вечерние чтения для учеников и их родителей с сопровождением пением молитв и церковными песнопениями. Такие мероприятия проводятся по указаниям и под руководством приходского священника. Он же, по окончании

учебного года, совместно с учителем и попечителем школы, а по возможности, и в присутствии сельских властей и родителей, производит испытания всем ученикам школы грамоты. В соответствии с «Правилами», выдержавшие экзамены получают удостоверение в знании пройденного курса, за подписью приходского священника, попечителя и учителя школы, с приложением церковной печати.

С принятием «Правил» 1891 года количество школ грамоты, подведомственных Синоду, резко увеличилось. Если в 1888/89 учебном году их числилось 9215, то в 1892/93 учебном году стало 15143 школы грамоты с 365464 учениками, из которых 61723 были девочками. В 1897 году, по данным Синода, работало 20554 школы, где обучалось 501883 человека, из них 84871 составляли девочки (96). Школы грамоты не были стабильными учебными заведениями. Они открывались и закрывались, совсем упразднялись, учреждались новые. В 1895/96 учебном году, например, в Костромской епархии закрылось 70 школ грамоты, а вновь открылось 90; в следующем учебном году прекратили существование 47, но учредили 54 школы грамоты. Недолговечность этого типа учебных заведений объясняется скудным и неопределенным вознаграждением за учительский труд, отсутствием централизованного ассигнования, бедностью крестьянства.

Открытие и содержание школ грамоты полностью ложилось на плечи попечителей и крестьян. Решение об учреждении школы обычно принималось на общем сходе, где оговаривались все условия. Помещениями зачастую служили крестьянские избы, взятые в аренду, и комнаты в жилых домах. Так, в 1895/96 году в Казанской епархии функционировало 259 школ грамоты, из которых 199 занимались в наемных квартирах, 22 – в собственных домах, 20 – в частных, 9 школ размещались в церковных сторожках, 4 – в общественных домах, 4 – в церковных домах и квартирах притча, 1 – в монастырском здании. В 1904/05 учебном году в Шадринском уезде Тобольской епархии работала 51 школа грамоты, из них в собственных помещениях занимались лишь 16, а остальные располагались в церковных зданиях и в избах, где проживали хозяева. За Уралом дела обстояли еще хуже. Большинство народных учебных заведений остро нуждались в дотациях, учебных пособиях и письменных принадлежностях. Журнал «Сибирь» (1897. - № 105) отмечал, что в школах грамоты Барнаульского округа почти нет никаких учебных пособий и лишь некоторые ученики по своей инициативе приобретают какую-нибудь книжку, бумагу и пр. В Забайкальской области 98 школ грамоты «частью влачат почти фиктивное существование, частью же находятся в совершенно неудовлетворительном положении». Школы Якутской епархии не имели ни каких-либо средств, ни школьных зданий и почти никакой школьной обстановки.

Открытие школ грамоты иногда приурочивалось к каким-либо событиям,

как это было, например, в Новгородской епархии. Здесь крестьяне Черновицкого уезда, желая ознаменовать коронавание Александра III, на общем волостном сходе решили ввести в Починковской волости обязательное обучение всех детей школьного возраста. Для реализации идеи постановили учредить на средства волости 12 школ грамоты, выделяя по 20 копеек с души, что составит 545 рублей ежегодных вложений. На первоначальные нужды школ сделали частные пожертвования крестьянин Иван Лобачев и Софрон Иванов, соответственно по 50 и 75 рублей. Не имея никакого имущества кроме избы, К.Ф. Орлова, жительница Ирбитского уезда Екатеринбургской епархии, отдала ее в распоряжение церкви для школы грамоты. «Богобоязненная и усердная к церкви Божьей» старушка сама соорудила дополнительный очаг и стала бесплатной сторожихой при школе.

Попечители школ грамоты оказывали посильную помощь деньгами, оплачивая содержание помещения и работу учителя. В Полтавской епархии есаул войска Донского Александр Войцехович содержал школу грамоты на свои средства, выделяя ежегодно по 150 рублей учителю и законоучителю, оплачивая квартиру и питание учителя-псаломщика, выделяя деньги на пополнение библиотеки для внеклассного чтения. Почетный гражданин купец П. Смолин полностью содержал школу грамоты в деревне Тихоновка, близ Кургана. Он предоставил удобное помещение с отоплением, купил мебель и школьные принадлежности, приобрел учебники, учебные пособия и руководства, материалы для рукоделия. Дважды в год всем учащимся Смолин дарил одинаковые костюмы, выдавал обувь и верхнюю одежду детям из беднейших семей. Приход каждого Нового года отмечался роскошной елкой, где были гостинцы, подарки для учащихся. Купец оплачивал труд учителей, выделяя им ежегодно в течение восьми месяцев по 30 руб. Его брат Л. Смолин подарил женской гимназии многотомный словарь Брокгауза и Ефрона.

Школу грамоты в деревне Старо-Сидровка открыл купец Балакшин. Она разместилась в специально построенном из саманного кирпича светлом и удобном здании на 100 учащихся. Учительнице была предоставлена квартира и ежегодное жалование в размере 200 руб. Денежные пожертвования делали купцы Пчеляков и Ушаков. Они каждый год вносили определенные суммы в пользу школ, выделяли средства на организацию новогодних елок, на подарки ученикам. Активное участие в благотворительности принимал другой курганский купец И.И. Меньшиков. Он содержал школу грамоты на своем стеклозаводе около села Боровлянского и оплачивал труд учительницы, выделяя по 180 руб. в год.

В земских губерниях проблема школьного строительства решалась успешней, так как местные органы самоуправления имели собственные средства. В конце XIX века в Костромской губернии для школ грамоты были выстроены просторные и светлые здания, рассчитанные на 50-80 учеников. Заветлужс-

кая, Заболотская и Шуленерская школы грамоты Ветлужского уезда на свое содержание получали ежегодные субсидии от уездного земства. В 1905 году на местные средства был построен большой дом для Нижне-Озернинской школы грамоты Тамбовской епархии. В своем отчете епархиальный наблюдатель отметил особо просторную классную комнату, обширную раздевалку и просторное помещение для учителя. Епархиальный совет не выделил на возведение школы ни копейки. Священник К. Серебренский писал: «Строительство на местные средства – дело мудреное, но я не тужу и в скором времени со всеми долгами рассчитаюсь» (97). В этом же году новое здание для женской школы грамоты было построено в селе Ярославском, Ирбитского уезда, Екатеринбургской епархии. Большая изба, крытая кровельным железом, имела две классные комнаты и квартиру для учительницы. Подобные факты, касающиеся школ грамоты, были крайне редкими, и поэтому синодальный журнал «Народное образование» пытался пропагандировать инициативу земства и населения в области образования. Возведение добротных домов, создание нормальных условий для школ грамоты создавало предпосылки для организации одноклассных церковно-приходских школ. При этом заинтересованные лица добивались согласия епархиального училищного совета на преобразование учебных заведений с ежегодным ассигнованием определенной суммы на жалованье учителю. Такой подход к обучению освобождал население от содержания элементарных начальных школ.

Материальная поддержка школ органами самоуправления отражалась на общем количестве учебных заведений. Согласно статистическим данным «Энциклопедического словаря» (Изд. Брокгауз и Ефрон, 1897. – Т. XXа. – С. 769), в земских губерниях имелось 8649 школ грамоты с 214365 учениками, среди которых 40592 было девочек. В Северо-Западном крае работало 3619 школ, в Юго-Западном - 1904. В неземских губерниях функционировало 637 школ грамоты, а Прибалтийском крае – 284 элементарных учебных заведения.

В 1904/05 учебном году количество школ грамоты значительно уменьшилось. Причинами были русско-японская война и неурожаи. Две мобилизации мужского населения оставили многие школы грамоты без учителей. Журнал «Народное образование» (1906. - № 7-8) отмечал, что неурожаем хлебов и трав заставил крестьян сократить свои расходы на школьное образование. «Некоторые из школ навсегда или до более благоприятного времени прекратили существование». Общая тенденция к снижению числа школ грамоты отмечалась с начала XX столетия, что было обусловлено ростом общеобразовательных начальных учебных заведений МНП. В 1915 году работала только 2171 школа грамоты с 62159 учениками, из которых 20302 было девочек (98). По сравнению с 1897 годом число школ уменьшилось почти в десять раз, а количество учеников - в восемь.

Важной составляющей элементарного образования являлись учителя школ грамоты. По социальному положению и образовательному цензу их можно классифицировать по четырем категориям. К первой относится многочисленная группа, включающая членов клира, священников, дьяконов и псаломщиков. Школы грамоты с таким учительским персоналом составляли в некоторых епархиях до 40% от общего числа данного типа учебных заведений. Духовные лица учительствовали в основном в селах, имеющих церкви, то есть там, где они служили. За свои труды в школах грамоты члены клира иногда получали вознаграждение в виде платы за учение, а в основном обучали бесплатно.

Представителями условной второй группы являлись крестьяне с домашним образованием. В разных регионах Российской империи они составляли от 30 до 40% от общего числа обучающихся в школах грамоты. Уровень грамотности у таких учителей был крайне низким. После двух зим обучения дети очень плохо знали Закон Божий, забыв лишь молитвы и заповеди. Тексты молитвословий зачастую произносили с искажениями; содержание прочитанного ученики не могли связно пересказать; затруднялись отвечать на вопросы; не владели правописанием. Учителя – крестьяне с домашним образованием могли научить детей считать по порядку в пределах сотни, а также сложению и вычитанию на торговых счетах. Все подобные школы, как правило, имели общую технологию обучения и содержания образования: буквослагательный метод, строгое разделение чтения от письма, постоянное чтение псалтыри, заучивание наизусть текста молитв без объяснений, исключение правописания и почти полное отсутствие арифметики. Считалось, что крестьяне-учителя гораздо хуже в нравственном отношении женщин-учительниц. В школах, в основном, работали «старые девицы», богомолки, начетницы и келейницы. Невысокий нравственный уровень учителей школ грамоты из крестьян домашнего образования объяснялся отсутствием квалифицированных педагогических кадров, оплачиваемой работы в деревне, низким жалованьем, которое было меньше рабочего. Поэтому за учительство брались не хорошие крестьяне-хозяева, а безхозные бобыли, не владеющие никаким ремеслом, или люди с физическими недостатками. В Сибири из-за нехватки грамотных людей в школах работали псаломщики и дьячки, отставные солдаты и бывшие полицейские надзиратели, ссыльные дворяне и мещане. В середине 80-х годов XIX века в Енисейской губернии учительствовало 69 поселенцев из числа всех 84-х учителей школ грамоты. Журнал «Русское богатство» (1900. - № 4) отмечал, что за учительскую указку взялись отставные солдаты, полуграмотные подростки, ссыльнопоселенцы, пропойцы и подпольные адвокаты. Педагоги из поселенцев и бродяг совершали иногда самые аморальные поступки и с учительской кафедры иногда попадали на скамью подсудимых. В Кузнецком округе Томской епархии учитель школы грамоты был арестован за сбыт фальши-

вых пятирублевок; в Киренском округе учитель пропил стекла из окон школы; витимский и петропавловский наставники применяли физические наказания.

Меньшую по численности группу учителей школ грамоты составляли окончившие курс церковно-приходской одноклассной или земской школы. Их было от 10 до 15% в разных епархиях. Успехи учеников в таких школах были значительно выше, чем у крестьян домашнего образования. Учителя, отнесенные к третьей категории, умели поддерживать дисциплину, применяли звуковой метод обучения, занимались правописанием и учили четырем действиям арифметики. Одним из важнейших недостатков, как отмечал журнал «Народное образование» (1898. Кн. 10), была их «крайняя молодость». Учителями они становились уже в 14-15 лет. В Кривинской школе грамоты Курганского уезда Тобольской епархии уроки вела 14-летняя девушка, а в селе Ново-Иковском этой же епархии учительницей была 12-летняя Лидия Зяблова. Директор народных училищ Тобольской губернии Г.А. Маляревский отметил, что она очень способная, развитая и бойкая, начавшая работать по собственному желанию.

Немногочисленную группу учителей школ грамоты составляли люди, получившие общее систематическое образование. Они составляли 5-7% от общего числа наставников. Среди этой категории были бывшие ученики классических гимназий, воспитанники духовных училищ, выпускники городских, уездных и двухклассных сельских училищ. Лучшими среди них являлись окончившие полный курс двухклассных городских и сельских школ. В 1914 году качественный и количественный состав учителей школ грамоты имел следующие характеристики, отраженные нами в обобщающих таблицах.

Таблица 2

Состояние учительских кадров школ грамоты в 1914 году

Категория учителей	Количество	Категория учителей	Количество	Категория учителей	Количество
Законоучители,	2164	Учителя и учительницы	1193	Особые учителя	44
из них:		из них:		из них:	
священники	1372	священники	15	Пения	36
дьяконы	47	дьяконы	38	Ремесел	6
псаломщики	8	псаломщики	112	Гимнастики и военного строя	2
светские лица	737	светские лица	1405		

Квалификация светских учителей школ грамоты в 1914 году (99)

Образовательный уровень	Кол-во учителей	В % отношении
Высшее и среднее образование	79	3,8
Специальное педагогическое	7	0,3
Звание учителя или учительницы одноклассной начальной школы	315	16,0
Звание учителя или учительницы школы грамоты	332	16,2
Не имеющие учительских свидетельств	1295	63,7
Итого	2028	100

Квалифицированные учителя-энтузиасты школ грамоты пытались подготовить детей к вступлению в самостоятельную жизнь, научить их какому-либо ремеслу. По неполным данным учебного музея церковных школ, наставники организовывали занятия переплетным делом, обучали сапожному и башмачному мастерству. В Заилетской школе грамоты Вятской губернии была создана артельная детская пасека. Инициаторами и руководителями ее были заведующий школой, священник Иоанн Домрачев, жена местного земского начальника и крестьянин-пчеловод. Цель пасеки – научить подрастающее поколение на практике усовершенствованным приемам пчеловодства. Вступающие в артель вносили 25-копеечный пай. По окончании школы они считались обязательными пайщиками не менее 5 лет. Некоторые приобрели 3,4 и более паев. Обучение и беседы по пчеловодству велись по одному уроку в неделю с использованием учебника Бутлерова. В первый год работы артельная детская пасека с пяти семей дала 2 пуда 38 фунтов меда. К сожалению, обучение ремеслам в школах грамоты было представлено единичными фактами.

Наибольшее распространение имело обучение рукоделию, не считавшемуся достойным ремеслом у руководителей начального образования. Во многих школах грамоты девочек обучали тому, что умели сами учительницы. Занятия проводили от одного до трех раз в неделю после уроков. Младшие девочки вязали на спицах чулки, учились шить в строчку, средние – вязали крючком кружева и прошивки, старшие – вышивали по канве и крючком, расшивали полотенца.

Целенаправленная воспитательная работа с учениками церковно-приходских школ и школ грамоты не велась. Правительство и Синод считали, что при изучении Закона Божия и овладении церковным пением ученики уже воспитываются в христианском духе, у них вырабатывается потребность в богослужении. Все остальные предметы считались безнравственными, отвлекающими

ми от церкви и морали, а потому отрицательно влияли на воспитание. Однако в начале XX столетия училищный совет Синода обратил особое внимание на религиозно-нравственное воспитание в начальной школе. В ряде статей давались рекомендации учителям по приучению детей к исполнению церковных установлений, провозглашалось единство требований учителей к правилам воспитания, раскрывалась сущность школьной дисциплины, указывалось на любовь как основу христианского воспитания. Обращаясь к учительству, журнал «Народное образование» советовал наставникам при начале всякого дела брать с собой любовь и воспитывать ее в людях, «вносить ее свет и радость в своё сознание и настроение». Рекомендовалось вносить любовь в работу и призвание, в избранную профессию. При таком подходе «дело ваше пойдет успешно, свышний мир, превосходящий всякое разумение, наполнит вашу душу, и вы будете счастливы» (100).

Элементарные школы грамоты в Российской империи являлись самым низшим типом учебных заведений. При всех трудностях материального характера и некоторых негативных сторонах, они были единственной коллективной формой обучения там, где отсутствовали министерские училища и церковно-приходские школы, давали возможность тысячам крестьянских детей овладеть грамотой.

3.3. Учреждение конфессиональных и миссионерских школ

На территории Российской империи проживало свыше 100 национальностей, имеющих свою культуру и исповедующих различные религии. Приобщение к ним начиналось в семье и конфессиональной школе (от латинского *confessio* – исповедание). Это были учебные заведения, поддерживавшиеся религиозными организациями и ставящие целью распространения определенного вероисповедания. Конфессиональные школы находились в ведении православного, католического, магометанского и лютеранского духовенства. Они имели разные названия – мектебы, медресе, моллахана и др. В дореволюционной литературе конфессиональные школы называли также инородческими.

Относительно массовой формой первоначального обучения являлись мектебы, низшие региональные школы мусульманских народов царской России. Они, как правило, имелись при деревенских и кишлачных мечетях. В мектебах обучали мальчиков грамоте, сообщали им основы магометанского вероучения, учили читать Коран. Учителями были приходские муллы, иногда светские лица – халфы и мугаллимы. Школы содержались в основном на средства населения. Широкое распространение мектебы получили в XVIII-XIX вв., проникая из оседлых районов Средней Азии в Северный Казахстан, в баш-

кинские и татарские диаспоры на Урале. Каждый мальчик Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств обязательно посещал с 7-9 лет (или раньше) мусульманский мектеб. Осуждались те родители, чей сын не учился читать Коран. Некоторые родители пытались через религиозную школу «вывести детей в люди», избавиться от бедности.

Устройство конфессиональных школ и их материальное оснащение находились на низком уровне. Организаторами мектебов были имамы мечетей, так назывались духовные руководители, муллы. Имелось три типа инородческих школ. Первый – небольшая классная комната при мечети, построенная населением под нажимом властей; второй тип – школа при доме знатного или богатого лица, предназначенная для его детей и домочадцев, а иногда и для посещения мальчиков из других семей; третий – мектебы, открытые частными учителями – профессионалами (мектебдорами). Классные комнаты даже в немногих лучших инородческих школах при мечетях Бухары имели низкий потолок, земляной пол, небеленые стены. В помещениях для занятий зачастую была вопиющая антисанитария. Особенно плохо обстояли дела в городах у мактебдоров, где ко всем бедам добавлялся недостаток свежего воздуха. Дети учились в небольшой комнате с утра до вечера, без перемен, кроме перерыва на обед. Учителя не думали о скученности детей, их утомляемости, даже лучшие мектебдоры не знали элементов гигиены. В мектебах, как и в жилищах Средней Азии, зимой было холодно, темно и сыро. В теплое время года занятия проводились на воздухе. От солнца спасались на веранде мечети, под деревом, даже под высокой двухколесной арбой. В Ходженте (долина Чирчика), Ургуте (близ Самарканда), Саиробе (юг Узбекистана), Ионе (Памир) известны гигантские чинары, в дуплах или под кронами которых ютились мектебы.

Обучение в них начиналось с ознакомления с «письменами Корана» на арабском языке, затем читались другие религиозные книги на тюркских языках (башкирском, татарском, казахском, киргизском, туркменском). Чтению обучали буквослагательным методом, остававшимся неизменным в течение нескольких веков. Вначале новичок заучивал несколько сур (стихов) из Корана, считавшихся для ислама основополагающими. Он зазубривал их одну за другой с голоса хальфы, не понимая смысла арабских слов. Затем начиналось изучение букв арабского алфавита. Мальчик приносил из дому гладко обструганную с обеих сторон дощечку – тахту размеров 30x20 сантиметров, снизу которой была ручка с отверстием для шнура, чтобы тахту можно было повесить. Учитель писал на дощечке тушью арабские буквы в алфавитном порядке, не принимая во внимание трудности звуков и букв. Для постепенности изучения он разделял их обычно на группы, по четыре буквы в каждой. Буквы давались в отдельном написании. Позже заучивались формы каждой буквы как они применялись в начале слова, в конце и между другими буква-

ми. Учитель или хальфа произносил название букв первой группы: АЛИФ, БЕ, ТЕ, СЕ и ребенок, подражая, повторял. Затем он подсаживался к товарищам и твердил этот урок. Вызубрив первую группу букв, новичок переходил к следующим, изучая их теми же способами.

В промежутках между зубрежкой букв каждой группы в некоторых мектебах отводилось время на заучивание маленьких сур Корана. Учитель сам читал сур по-арабски, а дети механически повторяли за ним. Он стремился скорее показать родителям свою «работу», чтобы получить подарок за «освобожденного». Закончивший определенный раздел курса ученик освобождался от посещения мектеба на один день. Обучающийся по тахте (тахтахан) с трудом усваивал названия букв. Он произносил подряд названия всех букв, однако многие тахтаханы не могли указать на доске, какая из букв БЕ, какая ТЕ, ЧУН и т.д.

Некоторые мектебдоры применяли вспомогательные образные выражения, чтобы облегчить малышам запоминание названий букв. Например, если ребенок забыл название буквы *ВОВ*, следовал наводящий вопрос: «Что делает собака?». Ученику легче было вспомнить эту букву (ее так и прозвали «пролаянный собакой *ВОВ*»). У других букв были свои прозвища: «длинненький *АЛИФ*», «похожий на серпик *РЕ*», «похожий на гнездышко с яйцом *НУН*» и т.п. Некоторые из прозвищ букв исходили, говоря современным языком, из физиологии речи: «тушащий огонь *ФЕ*», «подними язык *ЛЯМ*», «скребущий горло *ХЕ*» (гортанный звук) и др.

В мектебах Хорезма после заучивания названий букв и для закрепления их очертаний в зрительной памяти заставляли дополнительно зубрить: «у *АЛИФА* точки нет», «у *БЕ* одна точка», «у *ТЕ* – две», «у *СЕ* – три» и т.д. Заучивая буквы, ученик не писал их своей рукой, а только созерцал начертания.

После заучивания названий букв дети обучались применявшимся в «письме Корана» надстрочным и подстрочным знакам (харакатам) – зерам, забарам, пеше. Харакаты придуманы в древности персидскими педагогами, чтобы неарабами верно произносились в словах Корана гласные (в его семитической графике обозначались только согласные). В Коране – около 10 видов харакатов, и даже лучшие учителя обучали только некоторым. Изредка в мектебах изучались и другие значки, применяемые в тексте Корана для показа отсутствия гласного, для долгого произношения *АЛИФА*, для удвоения согласной и т.д.

Для заучивания харакатов лучшие городские мектебдоры давали свои облегчающие усвоение ряды упражнений. Но они мало меняли дело: малыши изучали харакаты бессмысленно. Глядя на значки, написанные учителем на тахте, они зубрили: «один забар над буквой», «два забара над буквой», «один зер под буквой», «два зера под буквой»; «один пеше над буквой», «два пеше под буквой»... Как ставятся эти знаки, какие звуко сочетания они выражают, ученики не знали.

Этап соединения слогов начинался чтением абджада: восемь его искусственных слов прочитывались буквослагательным методом. Считалось, что абджадхан (так называли ученика на этой стадии обучения) на этом повторил 28 букв арабского алфавита и познакомился впервые с соединением слогов. Упражнения в соединении слогов продолжались, когда ученик переходил к чтению первой книги – Хафтияка (сокращенный Коран, «Одна седьмая») и назывался уже китабханом (читающим книгу). Это было самое древнее извлечение из Корана.

Суры Хафтияка читались слово в слово, будучи разделенными на периоды, или точки. Если ученик и не усвоил хорошо суру или ее период, он все равно переходил к следующей суре или периоду. Учителя сами чувствовали, что изучение Хафтияка для детей трудно. Абджад и 13-14 сур Хафтияка (часть сур ребенок заучивал еще тахтаханом) изучались все тем же буквослагательным методом: при чтении слова сперва говорили название первой согласной буквы, а не изображаемый ею звук, затем название второй согласной, присоединяли харакаты, и таким образом с трудом составлялся слог. Этим способом слоги составлялись и из последующих букв, а потом слоги присоединялись друг к другу и произносилось все слово.

Школьнику нужно было очень много вызубрить, чтобы прочесть буквослагательным методом одно слово. Можно представить, как много времени и усилий тратилось на прочтение одной страницы Хафтияка. При описанном буквослагательном методе вместо сознательного соединения звуков в слоги, а слогов в слова ученики, повторяя многократно за учителем или за хальфой, только вызубривали механически ряды упражнений, которые отвечали методическому замыслу. Но детям трудно было понять все это, хотя иногда тот или иной ряд слогов, много раз произносимый ритмично, на всю жизнь врезался в память бывшего ученика мектеба.

Дальнейшее чтение Хафтияка, начиная с сур Ясин и Тобрак, велось обычно уже не по слогам, а по целым словам, вернее сказать, ребенок уже не читал, а совершенно механически повторял то, что он слышал. Редкие из лучших мектебдоров продолжали чтение по слогам с тем или иным учеником. На тощий Хафтияк ученик тратил год-два. Так было у лучших мектебдоров. В кишлачных мектебах при мечетях дело обстояло и того хуже.

После Хафтияка в мектебах читались религиозные книги уже на понятном для учащихся языке – персидско-таджикском или на одном из тюркских (графика арабская). В таджикских мектебах после Хафтияка изучался Чаркитаб (Четверокнижие) – религиозная хрестоматия из четырех персидско-таджикских учебников (три в стихах, один прозой), составленных в X-XII веках. В мектебах тюркоязычных районов, удаленных от таджикского влияния, Чаркитаб не употреблялся. Здесь после Хафтияка читалась тюркоязычная книжка Суфи-

Аллаяр (так было у казахов севернее реки Чу, а также в узбекских кишлаках Хорезма). Имел место третий вариант: после Хафтияка прочитывался Чаркитаб и тюркоязычная учебная книжка. При этом в узбекских мектебах (кроме кишлаков Хорезма) и в туркменских после Хафтияка сначала читался Чаркитаб, а после него – тюркоязычная книжка. У южных казахов, каракалпаков и киргизов, наоборот, тюркоязычное чтение предшествовало Чаркитабу.

Распространение персидско-таджикского Чаркитаба в тюркоязычных мектебах Средней Азии связано в одних случаях с условиями этногенезиса современных наций Средней Азии, в других – с влиянием оседлой культуры на кочевников. На языковую сторону мектеба влияли не только этнический состав учеников, но и национальность учителя. Например, в Южном Казахстане бывали учителя из таджиков, которые заставляли после Корана читать Чаркитаб, а уже потом переходили к Суфи-Аллаяру (у учителей из узбеков южноказахские мальчики читали Чаркитаб после Суфи-Аллаяра).

О взаимном культурном влиянии таджикского и тюркоязычного населения говорит и такой факт. Обычный круг литературного чтения старших учеников в узбекских и туркменских мектебах состоял из поэтов не только тюркоязычных (А. Навои, М. Физули и др.), но непременно и персидско-таджикских (Ш. Хафиз и др.). В таджикских же мектебах Бухары кроме персидско-таджикских поэтов обычно читались и тюркские (А. Навои).

Полный Коран дочитывался постепенно, на что отводилось время параллельно с чтением персидско-таджикской или тюркской книги. Он читался два-три раза в неделю добавочно к чтению других книг. Вменялось в обязанность ученикам читать его и самостоятельно. Они заучивали суры Корана. У некоторых детей вырабатывался навык «читать» отрывки из Корана громким голосом перед собравшимися на моление в мечеть. Учитель гордился, что вырастил такого «чтеца», возил его с собой на сговоры, поминки, сороковины и т.д. «... Коран арабами, как и другими мусульманами, заучивается в школе наизусть без напоминания; громкое чтение Корана, в устах талантливого и опытного чтеца производящее сильное впечатление, слушается и арабами как гармония звуков». Юный чтец Корана, подражая образцу, мог достичь значительной внешней выразительности повышением и понижением голоса, но не понимал декламируемого им арабского текста.

Курс арифметики у городских мектебдоров Средней Азии преподавался лишь некоторым ученикам и сводился к действиям с целыми числами. Считали обычно устно, реже письменно. Дроби или не изучались, или о них сообщалось весьма немного. Не упражнялись и с именованными числами кроме счета денег (не было общепринятых единиц измерения). Задачи, если где и решали, то редко. Своеобразной чертой обучения арифметике было применение для десятичной системы счисления буквенных обозначений. Хотя ин-

дийские цифры (в арабской графике) уже широко распространились и буквенное обозначение чисел едва ли где встречалось в деловой жизни, ученики мектебов мучились над запоминанием двойного написания чисел – буквами и цифрами. Таблицу умножения не переставали писать в буквах. Кроме того, ее зубрили по-арабски. Другая особенность состояла в том, что сверх четырех действий арифметики заучивались последовательные ряды чисел: 2,4,8,16,32 ... 3,9,27,81... Затем обратные ряды: ... 32,16,8,4,2 и т.п. Это остатки прежнего изучения возведения в степень и извлечения корня. В Андижане дело сводилось лишь к последовательному удвоению и обратному действию в пределах первой сотни.

Обучение в башкирских и татарских медресе было трудным и малоэффективным процессом, основанном на арабской транскрипции, механическом заучивании молитв, букв и слов. Поступающие учиться прежде всего учили молитву, якобы помогающую дальнейшей учебе. Затем шло обучение грамоте по арабскому алфавиту, включающему написание букв, среди которых было пять пар одинаковых литеров, но с разными произношениями. Так, две буквы «Т» обозначались «С» и «Л», а три буквы «Х» имели разные названия – «ХИЙ», «ХХЕ», «ХИЙ (АШ)». Специальные значки в алфавите указывали на различные звуки и произношения: одни – мягко, другие – твердо, третьи – кончиком языка, четвертые – гортанно. Запоминание очертания букв и их заучивание велось по учебнику «шаронитель–имон» (начало вероисповедания).

После усвоения основ грамоты младшие шакирды переходили к чтению Хавтияка, используя иногда метод хиджа, то есть чтение по слогам. Обучение по такой системе было очень сложным, но другого метода муллы не знали и поэтому детям с большим трудом удавалось научиться читать и писать на арабском алфавите. От чтения целых слов и аятов Хавтиянка ученики переходили к чтению целых сур (статей) Корана, при этом процесс был чисто вербально-механическим, без всякой попытки вникнуть в содержание читаемого текста, так как переводить Коран на русский язык не разрешалось.

После приобретения навыков самостоятельного чтения сур главной книги мусульманской религии и учебников на языке «тюрки» шакирды младшего возраста освобождались от «плеточного воспитания» халфы и переходили под «духовное воспитание» муллы. Начиналось преподавание предметов богословия, законов шариата, норм этики и морали ислама. Использовались мусульманские учебники на арабском языке: «Шрутугис-сало» (учение о намазах), «Тухфатель-мулык» (учение об имущественных отношениях), «фикх-Кайдани» (законоведение ислама в комментариях Кайдана), «Мухтасарель-викоя» (краткое изложение норм этики и морали ислама, начиная от омовения и кончая месячными у женщин).

Следующий этап обучения заключался в изучении грамматики и арабского

языка по учебнику «Шарх Абдулла» (комментарии Абдуллы), включающему изучение этимологии по книге «Сарф» и синтаксиса по учебнику «Нахв». Преподавание основ правописания проводилось с дословным переводом на родной язык учеников. Педагогические способности мулл были настолько низкими, что они не могли полностью изучать с шакирдами курс арабской грамматики. Выпускник Альменевского медресе начала XX в. Д.Г. Байбулатов в своей автобиографии отмечал: «Мы просидели шесть зим над учебником «Шарх Абдулла». Каждый раз осенью мулла заставлял нас начинать учебу с начала учебника, обещая пройти его за одну зиму, но каждый раз до весны мы доходили только до середины учебника и уходили на летние каникулы. Видимо, знания муллы Амета выше «Шарх Абдуллы» не поднимались (101).

Для получения полноценного образования богатые родители отправляли своих детей в городские новометодные медресе, учебный план которых был более насыщенным и включал изучение родного языка, литературы, географии, биологии. Однако обучение в новометодных мусульманских школах было связано с определенными трудностями: во-первых, с разлукой с родителями, братьями и сестрами; во-вторых, с фанатичной религиозностью тюркоязычного населения, боявшегося христианизации и обрусения (см. приложение). Когда весной 1913 года Байбулатов вернулся из новометодной школы в родное село Альменево, то родители увидев его, ахнули, так как их сын был в русской одежде и модно стриженный. В пятничный день отдыха отец и старший брат накинули петлю на шею ученика новометодной школы и выволокли его на площадь, где стали избивать, а мать при этом иступленно кричала: «Добейте проклятого русского. Принесите ремень, повесить его надо!» Лишь вмешательство сестры и ее мужа спасло Байбулатова от смерти (102).

Обучать «слову божию» полагалось бесплатно, но учительство все же было видом ремесла. Противоречие снималось формулой: учителю платят не за преподавание Корана, а за надзор над детьми, а также за обучение счету и письму. Взаимоотношения учителя и родителей выражались при этом по-разному: родители, понуждаемые имамом посылать детей учить Коран, одачивали учителя добровольно; прихожане договаривались с имамом или другим лицом об условиях его учительства; учитель имел доход от вакуфа (недвижимой собственности), завещанного мектебу, и многие имамы кормились от этого дохода; мектебдор, открывая мектеб, договаривался с родителями о плате. При любой ситуации подарки состоятельных родителей вели к соответствующему подходу учителя к ученику. В домовых мектебах (они были редки) все внимание учителя принадлежало, конечно, прежде всего детям хозяина, а потом остальным. Для приношения от родителей придумывалось много поводов. Подарки давались каждый четверг, а также по окончании изучения раздела обучения (книги), в религиозные праздники и при радостных

событиях в семье ученика и учителя. Были и целевые поборы: на угли, веники и т.д. Подарки бывали и денежные, но чаще натурой: пол-лепешки в четверг от бедной семьи, шелковый халат по случаю обрезания ученика из богатых и др. Перед готовым религиозным праздником группа школьников ходила по домам, выпрашивая подавания учителю песенками (это напоминает украинские колядки). В Бухаре к празднику учитель вручал каждому ученику для родителей поздравительное четверостишие на таджикском языке, в котором славился аллах, эмир и щедрые дарители.

Имам не мог сидеть в мектебе целый день: были дела по приходу. В качестве своего помощника он использовал старшего ученика хальфу. Хальфы имелись и у мектебдоров. В крупном мектебе бывало два-три хальфы, обычно занимавшихся с новичками и следивших за порядком в отсутствие учителя на послеобеденных занятиях, когда каждый учил заданное. Хальфа – это своеобразный подмастерье. Его обязанность считалась почетной, бесплатной. Он мог лучше подготовиться к медресе, к работе каллиграфа или же чтеца Корана. Иногда хальфа мог продвинуться даже в учителя мектеба. Хальфы имелись во всех мусульманских странах. В XVIII в. английский пастор А. Белл познакомился с работой хальфов в Мадрасе (Индия) и создал свои правила обучения. Они оказались близки методу учителя Д. Ланкастера и вошли составной частью в белль - ланкастерскую систему взаимного обучения, распространившуюся в Европе в начале XIX века.

Медресе были религиозно-мусульманскими школами, чаще средними (иногда несколько повышенными начальными), реже высшими схоластическими. Они готовили служителей культа, мусульманских богословов, толкователей шариата, чиновников. Однако из медресе выходили нередко и видные деятели науки и литературы.

Сеть медресе в Средней Азии и Казахстане в рассматриваемый период увеличилась. Новые большие медресе были построены в новых ханских столицах Коканде и Хиве (заменившей Ургенч). Более скромные медресе заводились в резиденциях местных беков.

У северных и южных границ казахских кочевий в XVIII в. были основаны два медресе с целью подготовки мусульманских проповедников для казахских аулов. Медресе в башкирском селении Каргала (к северо-западу от Оренбурга) устроил ученый богослов, переехавший туда из Хорезма. Это был, по видимому, последний случай экспансии ислама из Средней Азии в удаленные районы северо-запада. В XIX в. эта экспансия развивалась обратным потоком: из татарских и башкирских медресе в Казахстан и Киргизию. На постройку медресе Ир-Назар в Бухаре пожертвовала золото Екатерина II в целях усиления мусульманизации казахов с юга.

В XIX в. примитивные медресе появились в глубине кочевий. Курс «наук» в

такой школе начинался с азбуки и едва ли достигал уровня знаний, какой давали лучшие городские мектебдоры, но и заканчивался этот курс обрывками из шариата, изучаемого в медресе. Так готовились для аулов муллы (имамы) упрощенного профиля. Этот тип мусульманской школы по объему знаний был как бы вариантом мектеба, и некоторые исследователи считают его круглогодичным мектебом (в отличие от сезонных на зимовках и на летовках). Но кочевое население, особенно северокавказские туркмены, называло такие школы все же «медресе»: их ученики жили при школе, что было обычным для медресе, и по возрасту были старше, чем учащиеся мектебов. В кочевых районах возникло несколько крупных медресе, устроенных суфийскими руководителями – ишанами – в миссионерских целях. Некоторые суфийские медресе XVIII – XIX вв. приближались к закрытым учебным заведениям с довольно строгим режимом, как и в ранних медресе, воспитывающих проповедников ислама.

В Бухаре часть зданий медресе служила лишь общежитиями. Их жильцы по желанию посещали лекции в разных местах. В городе Ура-Тюбе за счет вакуфов содержался мударрис (преподаватель), который при соборной мечети читал лекции желающим. Постройка, типичная для медресе, – это прямоугольный двор, обрамленный жилыми худжрами (кельями), иногда в два этажа; единственный вход с фронтона, через портал характерной архитектуры. По сторонам портала – аудитории, нередко с художественной отделкой стен и потолка. Во дворе всегда мечеть и водоем для омовений. Маленькое сельское медресе могло состоять из пяти-шести худжр при мечети. В Туркмении, в Мары (Мерве), текинский собиратель земель Кошутхан в середине XIX в. построил медресе своеобразного зодчества: 10 худжрами с трех сторон обставлен неогороженный двор; худжра, сделанная из кирпичей, копия куповидной кочевой юрты, без окон, с одной дверью; аудитории – в двух боковых башнях.

Учащиеся обеспечивались обычно за счет доходов от вакуфного имущества медресе. В глухом горном краю, Каратегине, где медресе появились в XIX в., их учащиеся содержались путем очередного поста у населения. Управлялось медресе двумя лицами. Мутевали руководил хозяйством. Он был, как правило, потомком того, кто построил медресе и завещал доходы с вакуфа – с земли или другого имущества – на ремонт здания, содержание штата и стипендии. Мутевали получал обычно десятую часть всего дохода с вакуфа. Старший мударрис ведал обучением, принимал поступающих учащихся. Учреждение медресе считалось делом частного лица, в народе оно звалось его именем. Власти были заинтересованы в подготовке теократической бюрократии, поэтому в крупном городе имелся главный мутевали для проверки вакуфов, а также ханский чиновник, надзиравший за преподаванием.

В Бухаре, где культурные традиции были богаче, чем в других столицах, в эмирском дворце устраивались «научные» диспуты мударрисов, а также про-

водился публичный экзамен молодому кандидату на судебные должности. Лучших мударрисов награждали почетными званиями. Только немногие из столичных медресе (всего их в Бухаре считалось до сотни, в Хиве и Коканде – по два десятка) имели по несколько мударрисов, которые здесь специализировались на лекциях по определенным разделам курса. Об уровне преподавания в этих немногих медресе можно сказать условно, что он в какой-то мере приближался к высшей школе, конечно, схоластической. Здесь кроме основного учебного руководства по данному предмету изучались комментарии других авторов на эту книгу и комментарии на комментарии. В рядовом медресе обычно единственный мударрис вел все предметы на уровне, который условно можно ассоциировать с посредственным средним образованием схоластического типа. Комментарии к основным руководствам здесь не изучались.

Учащиеся медресе делились на низший, средний и высший разряды, и от разряда зависел размер стипендии. Уровень знаний в высшем разряде разных медресе был неодинаков. Исчерпав мудрость провинциального мударриса, ищущий знаний юноша направлялся в столицу. В учебном курсе медресе вычленяются три круга. Для младших учащихся основным было освоение грамматики арабского языка и элементов формальной логики. После этого большинство учащихся ограничивалось популярными руководствами по богословию и шариаду (мусульманскому праву). Проходившие высший курс в лучших медресе, выбирая карьеру, специализировались в законоведении или же в религиозной философии; кто выбивался в мударрисы, штудировал арабскую филологию.

В XVIII – XIX вв. в медресе продолжали учиться по учебникам многовековой давности. Организация обучения была близка к той, какая описана Бурханудином Зарнуджи на пороге XIII в. Лекции читались обычно в первую половину дня, через день. Типичная лекция комментировала учебник: разъяснялись непонятные арабские выражения, затем мударрис иллюстрировал содержание текста аналогиями и примерами. Началом такой лекции служило прочтение фрагмента вслух одним из студентов. Гораздо больше времени, чем на лекциях, учащимся надлежало заниматься самостоятельно (в плохую погоду – в темных и холодных худжрах). В отличие от мектеба, где требовалось только механическое запоминание текста, в медресе полагалось понимать изучаемое, прочитанное разъяснялось в беседе мударриса и в спорах между учащимися на лекциях и в худжурах.

Учебный год начинался осенью, кончался ранней весной. В многолюдных медресе составлялись группы соучеников. Бывало, что на занятиях активную роль играл только староста группы, а другие автоматически считались проходящими курс. В крупных медресе имелись репетиторы. Способный и усидчивый мог пройти курс медресе за шесть лет; для большинства этот срок удваивался и даже был еще больше. Обучение шло медленно, так как каждая лекция

по любому предмету являлась и занятием по арабскому языку.

Дискуссии в медресе давали будущим судьям и проповедникам навыки схоластической казуистики. Общеобразовательное значение медресе было невелико. Занятие математикой со времен победы Ходжи Ахрара над Улугбеком свелись к небольшому практикуму в связи с изучением по шариату вопросов о дележе наследства: будущие чиновники усваивали, как измерить земельный участок. По страноведению и истории учащиеся получали кое-какие, часто фантастические сведения из внеклассного чтения старинных книг.

Учебники медресе написаны почти все на арабском языке. В медресе Бухары, Коканда арабские учебники комментировались мударрисами обычно по-таджикски. При устных переводах арабского текста усваивались кроме арабской грамматики в какой-то мере и нормы персидско-таджикской речи. В тяжелом положении оказывались тюркоязычные учащиеся, не знавшие при поступлении в эти медресе таджикского языка. Такими были, например, изредка поступавшие в медресе Бухары, Самарканда и других городов юноши из казахских кочевий (обычно из состоятельных семей). В северных районах, удаленных от таджикского влияния, в учебную жизнь медресе неизбежно проникал тюркский язык. В XIX в. в Хорезме и в Восточном Туркестане делались попытки письменных переводов из шариата на тюркский язык.

В канцеляриях Бухары и Коканда языком делопроизводства был персидско-таджикский, в Хиве – узбекский. С письмоводством прилежные студенты знакомились, собирая и изучая образцы деловых бумаг. Большинство прошедших курс медресе не могли свободно излагать свои мысли на бумаге. Однако из худжр выходили и люди, способные к литературному творчеству.

Социальный состав учащихся был пестрым. В богатых вакуфами медресе, с хорошими стипендиями, худжры передавались по наследству или продавались (проживание в худжре давало право на стипендию). Часть состоятельных молодых (и немолодых) людей годами вела в таких медресе праздную жизнь. Те же, кто был беднее и пробился в небогатые медресе, зимой нередко прислуживали обеспеченным соученикам, а на лето уходили на заработки, часто учительствуя в мектебах среди кочевников. Учащиеся медресе неохотно обращались к заработку, связанному с физическим трудом, и если нанимались на крестьянскую работу, то вдали от мест, где их могли узнать.

Богатейшими вакуфами из всех ташкентских медресе обладало медресе Ходжа Ахрар (возникло в XV в.), а из самаркандских – медресе Ширдор (с XVII в.). Старший мударрис медресе Ходжа Ахрар – Мулла Салихбек лично владел в середине XIX в. на ташкентском базаре несколькими крупнейшими караван-сараями. Эти два медресе были центрами группировок, которые прощивались присоединению к России Ташкента и Самарканда.

Политическая роль богатых медресе, возглавлявшихся видными деятеля-

ми суфизма, так обрисована первым туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом:

«Настоятели медресе и мутевали назначались из лиц влиятельных и в свою очередь находили в своем положении источник поддержания и распространения своего влияния». Часто они «получали свои должности по наследству ... Богатые вакуфы создавали мутевалиям обширную партию в землепашщах (арендаторах вакуфных земель медресе). Ученики, выхोдившие из таких заведений, влиянием патрона назначались нередко на видные и выгодные места... Нередко значительное влияние таких настоятелей приводило в их руки все нити местного управления... Если при этом им удавалось установить себе в глазах народа репутацию святости, то около них группировалась и значительная толпа мюридов, готовая к исполнению крайних приказаний святоши».

Учащиеся медресе в Бухаре, Коканде, Ташкенте и других крупных городах составляли довольно значительную прослойку населения, тем более заметную, что при разных событиях они обычно появлялись на улицах большой толпой. Их враждебное отношение к иностранцам как к «неверным» родило толки о фанатизме всего мусульманского населения Средней Азии. Русские ученые, побывавшие в середине XIX в. в отдаленных углах Средней Азии, не раз подчеркивали, что не обнаружили никакого фанатизма у крестьянского населения.

Конфессиональные учебные заведения учреждались в Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Уфимской губерниях, в юго-западной провинции. Магометанские училища Южного Зауралья, где обучались башкирские и татарские мальчики, отличались махровой антисанитарией, характеризующейся грязью и вшивостью, тяжелым спертым от пота и дурного запаха воздухом. Ученики находились в медресе с осени до весны, его помещение было многофункциональным, так как служило для шакирдов (учеников) и учебной аудиторией, и общежитием, кухней и столовой. Однако помещение не всегда удовлетворяло предназначению, потому что отсутствовали столы и стулья, не было ни коек, ни нар. Вдоль стен пол застилался паласами шириной в человеческий рост, на которых шакирды, скрестив ноги, громко читали свои «уроки», качаясь вперед и назад. Спали на этих же грязных паласах, тесно прижавшись, друг к другу из-за большого количества детей. «Если кто-то ухитрялся согнуться, - вспоминал бывший ученик Д.Г. Байбулатов, - то на него налетал халфа (старший ученик-надзиратель) с плеткой». Он же давал разрешение и на временную отлучку из медресе. Один раз в неделю, по четвергам, отпускали домой всех шакирдов, для того, чтобы сходить в баню и «стряхнуть паразитов». В пятницу вечером ученики возвращались в магометанское училище, захватив с собой продукты и по полену дров для отопления помещения. Для совместного приготовления пищи и питания шакирды объединялись в возрастные группы по 5-6 человек.

Еврейское население Российской империи обучалось в хедерах, чисто религиозных схоластических школах. В них мальчиков учили древнееврейскому языку, молитвам, заставляли читать Библию, а в высших группах – Талмуд. Он представлял собой кодекс религиозных, бытовых, правовых предписаний иудаизма, основанный на казуистическом, схоластическом толковании священных еврейских книг Ветхого Завета. Обучение шло с утра до 5-7 часов вечера в крайне антигигиенической обстановке и сопровождалось, как и в мектебе, частыми побоями. Угнетая и преследуя евреев, царское правительство в 1844, 1859 гг. и позже пыталось в целях русификации заменить хедеры так называемыми «еврейскими казенными училищами», обучение в которых предполагалось сделать принудительными. Однако непрерывные преследования и угнетение еврейских масс царизмом, естественно, возбуждали в этих массах крайнее недоверие ко всяким мероприятиям правительства. Репрессии по отношению к хедерам привели к росту тайного обучения. В конце XIX в. правительство под влиянием роста революционного движения оставило всякие попытки реформирования хедеров, увидев в этой крайне отсталой, всецело религиозной школе противоядие против развития в молодежи революционных стремлений. В 1911 г., по данным инспекторов народных училищ, в России имелось 3229 хедеров, в которых обучалось 76215 детей. Конфессиональной еврейской школой повышенного типа были ешиботы.

Буряты и монголы, проживающие в азиатской части империи, учились при буддийских монастырях-дацанах. Путем многолетнего схоластического обучения, продолжавшегося 15-18 лет, из мальчиков готовили лам, монахов-священников, проповедующих буддизм.

В конфессиональных школах применялись жестокие наказания. Приводя сына впервые, отец произносил перед учителем: «Мясо ваше, кости наши» - это означало, что он разрешал бить ребенка в школе, не допуская увечий. При обучении в мектебах учителя применяли три палки разной длины. Их прикосновением наставник вызывал к ответу учеников, сидящих от него на разном расстоянии. Голоса учителя не было слышно, так как каждый мальчик громко учил свой урок. Палки служили и для «внушения». За серьезную вину наказывали прутьями по голым пяткам. Для связывания ног при экзекуции служил ремень с палкой (паланг), обычно висевший на видном месте. К исполнению наказаний привлекались и сами ученики. Не явившегося на занятия они приводили в мектеб, а учитель делал «приговор» о телесном наказании в исполнении учеников. За любой проступок в медресе можно было получить удар плеткой, в том числе даже за разговоры между учениками после отбоя. Грозой младших шакирдов был халфа, стегавший малышей плеткой, грозой старших – мулла, наказывавший березовыми прутьями, заготовленными самими учениками.

Состояние конфессиональных школ Российской империи рассматривалось

в журналах «Известия по народному образованию», «Журнал Министерства народного просвещения», «Народное образование», «Миссионерское обозрение». В 1913-1914 гг. в Казани издавался на татарском языке журнал «Мектеб», рассматривавший самые актуальные вопросы образования нерусского населения. В статьях говорилось об отсталости старых татарских мектебов и медресе от русских школ и о причинах этого явления. Журнал рассматривал значение новометодных конфессиональных учебных заведений и русско-татарских школ; освещал борьбу между новометодистами и старометодистами из-за введения светских наук и новых методов обучения. Озлобление в полемике доходило до того, что защитники «истинного» правоверия обвиняли своих противников в безбожии и клеветных доносах. В первом десятилетии XX в. оппоненты нашли общий язык и стали полемизировать о выборе пути, по которому легче достигнуть постановки учебного дела, отвечающего культурным потребностям народа. «Мектеб» публиковал статьи о программах обучения и, в частности, о введении преподавания чагатайского языка, как средства для создания связи между различными тюркскими племенами и очищения татарского языка от арабизмов. Особое внимание на страницах издания посвящалось национальному воспитанию, органически не связанному с исламом. «Мусульманской нации нет, - писали педагоги, - а есть татарская нация, отрасль большого тюркского племени». В журнале рассматривались вопросы подготовки национальных педагогических кадров и открытие, в связи с этим, татарских учительских семинарий, обсуждалось материальное положение учителей мектебов и медресе, находившееся на низком уровне.

Количественные показатели инородческих школ были обусловлены общим числом нерусского населения, проживающего в конкретных регионах.

Таблица 4

Статистические данные о конфессиональных школах Российской империи в 1895 году (103)

Территории	Всего школ	Учащихся:		
		мальчиков	девочек	Всего
Земские губернии	4554	144093	77343	221436
Неземские губернии	207	8168	1533	9701
Прибалтийский край	2042	49004	43622	92626
Северо-Западный край	1917	30935	4383	35318
Юго-Западный край	1650	24275	6304	30579
Итого	10370	256475	133185	389660

Лидирующее положение среди иногородческих учебных заведений занимали магометанские школы, которых по данным 1911 году насчитывалось 11457, где обучалось 254102 мальчика и 67318 девочек. По данным на 1 января 1916 года в Уфимской губернии работало 1226 мектебов и медресе, в Самарской – 453, в Оренбургской – 434, Пермской – 213, в Вятской губернии детей обучали 200 конфессиональных школ (104).

Другой формой обучения нерусских народов были миссионерские школы (новокрещенские), способствовавшие воспитанию детей в духе христианского вероучения. Их возникновение в России относится к концу XIV века и связано с просветительной деятельностью Стефана Пермского, проповедовавшего христианство среди пермяков-зырян и составившего для них азбуку. Значительное количество миссионерских школ возникло во второй половине XVI века, в связи с присоединением к Русскому государству Поволжья и начавшейся христианизацией татар, чувашей и других народов этой территории. В 1725 года новокрещенное училище было учреждено в Бурят - Монголии при Воздвиженском монастыре. Это была школа монгольского языка «для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями». В 1822 году с этими же миссионерскими целями при иркутской духовной семинарии был открыт класс монгольского языка, куда принимали и детей бурят. С начала XVIII века миссионерские школы стали учреждаться среди коренных народов Севера. Их цель – подготовка псаломщиков, священников и помощников миссионеров. Обучение носило религиозную направленность, и по своей сущности напоминало содержание образования в церковно-приходских школах.

В XIX-XX веках в России существовало девять духовных миссий: алтайская, енисейская, забайкальская, иркутская, камчатская, киргизская, обдорская, сургутская, якутская. Для их материальной поддержки в 1865 году было основано «Московское общество для содействия распространению христианства среди язычников». В 1870 года его переименовали в «Православное миссионерское общество» и учредили ему в помощь епархиальные комитеты. В 1896 году работало 44 таких структурных подразделения. Комитеты занимались денежными сборами и распределением их по миссионерским школам в своих епархиях. С 1870 по 1893 год кружечные сборы составили 675244 рубля, тарелочные – 493823 рубля, от Варваринной часовни в Москве приход составил 120351 рубль. Из этих средств было сформировано три капитала общества: неприкосновенный, запасной, расходный (общий и целевой).

Миссионерские школы обычно представляли собой интернаты, где находились только мальчики. Обучение продолжалось 5-9 лет, в ходе которых давалось начальное и повышенное начальное образование. Преподавались чтение, письмо, счет, Закон Божий и церковное чтение. Набор в миссионерские

школы, как и сама христианизация, проводился в большинстве случаев насильственно. Преподавание до 1870 года велось исключительно на русском языке и носило схоластический характер, при котором все сводилось к механическому зазубриванию фрагментов из книг, элементарному письму и счету.

В 1870 году царское правительство, встревоженное значительным отходом от православия крещеных татар, приняло новые «Правила о мерах по образованию инородцев», в основу которых лег проект реформы миссионерской школы, предложенной Н.И. Ильминским. Сущность его нововведений заключалась в использовании родного языка как орудия христианизации. Родной детям диалект воспроизводился русскими буквами. Такая технология обучения использовалась в течении первых двух лет учебы, а в последующие годы все преподавание велось только на русском языке. Орудием обрусения Ильминский считал не столько русский язык, сколько христианскую религию. В ней он видел основу мировоззрения и считал, что православие следует внедрять в инородцев наиболее успешными и быстрыми способами, а одним из средств является родной язык. С этой целью книги религиозного, религиозно-нравственного, миссионерско-патриотического содержания преподносились народам нерусской национальности на их родном языке, но русским алфавитом. «Родной язык, - говорил Ильминский, - сильно и глубоко проникает в душу; особенно живое и сильное действие имеет он на инородцев в церковном богослужении и в церковной проповеди». Первоначальное образование инородцев на их родном языке, по теории педагога-миссионера, есть самый надежный путь к усвоению ими и русского языка, и русского образования.

Свой путь к миссионерству Ильминский начал с изучения татарского и арабского языков в Казанской духовной академии. Для совершенствования разговорного национального языка он поселился в татарской слободе. Овладев татарским наречием, Ильминский много работал над переводами миссионерской литературы, совершал по поручению казанского архиепископа поездки по татарским селам с целью тайных расследований отступничества крещенных татар. Ильминского командировали на два с половиной года в Каир, Константинополь и Малую Азию. Ему поручили основательно изучить ислам, «нащупать» его наиболее слабые места, выяснить удобные пути перехода населения от ислама к православию, собрать материал для составления миссионерского учебника – «антикоранника». Все эти поручения, изложенные в письменной инструкции, Ильминский выполнил. В 1854-1872 годах он работал заведующим противомусульманским миссионерским отделением Казанской духовной академии, заведовал кафедрой турецко-татарского языка в Казанском университете. Профессор убеждал студентов, будущих миссионеров, хорошо усвоить восточные языки и подробно изучить ислам для борьбы с ним.

Реализацию своей теории Ильминский начал с перевода богослужебных книг, Ветхого Завета, Евангелия и других на языки восточных национальностей России. Он создал в Казани крещено-татарскую центральную школу, ставшую форпостом миссионерства, а затем открыл Казанскую «русско-инородческую» учительскую семинарию, директором которой Ильминский был в течение 19 лет (до конца своей жизни). В этих учебных заведениях подготовили десятки учителей и священников из среды национальных меньшинств. За 50 лет (1863-1913 гг.) в Казанской крещено-татарской школе обучалось 6336 учащихся, в том числе 4449 мальчиков и 1887 девочек. Из них звание учителя сельского начального инородческого училища получили 896 человек (636 мужчин и 260 женщин); получили первоначальное образование 163 священника, 29 дьяконов и 45 псаломщиков. Последние стали служить в приходах многих губерний: Вятской, Иркутской, Казанской, Орловской, Самарской, Уфимской и др. Многие из выпускников казанских опорных школ, созданных Ильминским, стали активными учредителями миссионерских училищ, а крещеный татарин Тимофеев был «обласкан царем и сделан попом». Система Ильминского широко применялась к обрусению не только татар, но и башкир, чувашей, марийцев, казахов, туркмен, узбеков и других.

Работа лучших миссионерских школ освещалась в педагогической печати и ставилась в пример другим подобным училищам. В Рязанской губернии, например, функционировала Касимовская противомухаммеданская миссия, заботящаяся о религиозно-нравственном просвещении христианских детей и татар. В миссионерской Свято-Владимирской двухклассной церковно-приходской школе обучалось от 75 до 100 человек. Учеников могло быть гораздо больше, но из-за недостатка помещений некоторым детям отказывали в приеме. В каменном двухэтажном здании к тому же проводились учительские курсы, преподавались профессиональные знания, работал сиротский приют для бедных учеников. Планировалось построить еще одно двухэтажное здание и собственный храм. Касимовская школа существовала на средства от разных источников. Они поступали из православной миссии Общества, Рязанского епархиального училищного совета, от Братства св.Василия, от епископа Рязанского, из Касимовского отделения епархиального училища совета.

Обучение в миссионерской школе вели пять педагогов. Законоучитель, он же преподаватель истории и обличения ислама, на уроках Закона Божия сравнивал христианское и мухаммеданское учения и доказывал превосходство христианской веры над мусульманским учением. Для расширения пропаганды христианства в Касимовской школе по праздникам проводились народные чтения и миссионерские собеседования. На них с помощью проекционного фонаря показывали туманные световые картины, проводили общенародные чтения. На них всегда присутствовало много слушателей, в числе которых

были все преподаватели и ученики второго класса. Для развития миссионерского дела при школе работала бесплатная библиотека, доступная для населения.

В конце XIX века - начале XX века в Северном Приобье активную образовательную деятельность развернули при Кондинской, Обдорской и Сургутской миссиях, в Абалакском и Кондинском монастырях. В инородческих школах, открытых ими, обучались дети русских, вогулов, зырян, остяков и самоедов. Самой крупной была Обдорская церковно-приходская школа, имевшая в 1904 году младшее, среднее и старшее отделения. Полный курс обучения продолжался три года. Учебный план миссионерской школы включал Закон Божий, священную историю, церковную и гражданскую печать, письмо и арифметику. Малолетние дети из остяцких семей проживали в специально созданном приюте, а ученики-подростки располагались в инородческом пансионе.

Успешная образовательная деятельность велась Абалакским и Кондинским монастырями, имевшими миссионерские школы. Они содержались полностью на средства обитателей. Детей обучали чтению и письму, русскому языку и арифметике; преподавали священную историю, историю Ветхого и Нового Завета, краткий катехизис. В Абалакской миссионерской школе было хорошо организовано обучение столярному, слесарному и токарному делу, а также портняжному, сапожному и мережному ремеслам. При Абалакском монастыре работал причетнический класс, выпускавший псаломщиков, овладевших основами христианства.

Систему Ильминского высоко ценили Александр II, Александр III, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев, В.К. Саблер и другие видные деятели Российской империи. Обер-прокурор Синода назвал Ильминского «единственным и неоценимым», а его теорию и практику «великим делом». Советский историк педагогики Е.Н. Медынский представил русского миссионера как монархиста, обрусителя, «вреднейшего реакционера с любовью во взоре и елейным приветом на устах, ласковой рукой подносившего подслащенный яд широким массам трудящихся».

Конфессиональные и миссионерские школы сыграли значительную роль в приобщении к грамотности нерусского населения Российской империи. При отсутствии национальных учительских кадров миссионерский подход был единственным путем образования коренных народов Кавказа, Средней Азии, Урала, Севера и Сибири.

3.4. Реформы духовных учебных заведений

Начавшийся кризис крепостнических отношений в России обусловил проведение ряда реформ. Среди них особо выделялась перестройка в работе духовных учебных заведений. Самодержавие и

церковь объединились в идеологической борьбе против развивающегося общественного движения, усилилось религиозное воспитание, активизировалась подготовка христианских священнослужителей. В XIX - начале XX столетия было проведено свыше десятка больших и малых реформ, касающихся управления, учебных планов и программ учебных заведений, подведомственных Синоду.

Проекты преобразований духовно-учебных заведений предлагались еще в конце XVIII века московским митрополитом Платоном и санкт-петербургским епископом Гавриилом. В ноябре 1807 года правительство Александра I учредило «Комитет об усовершенствовании духовных училищ». В него вошли петербургский митрополит Амвросий, обер-прокурор Синода А.Н. Голицын, духовник царя протопресвитер Сергей Краснопевков, обер-священник армии и флота Иоанн Державин и статс-секретарь М.М. Сперанский. Свою работу комитет начал с того, что досконально рассмотрел ранее составленные проекты А.С. Барановского и Е.А. Болховитинова (в 1822-1837 гг. митрополит киевский). В июне 1808 года орган, возглавляемый Амвросием, представил императору «Доклад о усовершенствовании духовных училищ», составленный главным образом Сперанским. В первой части документа были отражены недостатки духовных школ, основными из них являлись отсутствие преемственности между учебными заведениями, «чрезвычайное засилье» латинского языка, механическое воспроизведение священных текстов. В докладе формулировалась цель духовных учебных заведений: подготовка просвещенных и благочестивых служителей церкви, понимающих «потаенный смысл Священного Писания». При определении лиц на высшие духовные должности важным фактором являются богословские познания.

Доклад, утвержденный Александром I, послужил основой для издания конкретных указов, определяющих административную, учебную и воспитательную функции духовных школ, источники их финансирования. Все духовные учебные заведения предлагалось разделить на четыре разряда: академии, дающие высшее духовное образование будущим священнослужителям, а также готовившие учителей для духовных школ; семинарии по подготовке священников со средним образованием, а также абитуриентов для академии; уездные училища для подготовки будущих учащихся семинарий; приходские училища, дающие элементарное образование для сельского населения. Устанавливалась четырехступенчатая духовно-образовательная система с подчинением нижестоящих вышестоящим. Все епархии России разделили на четыре духовно-учебных округа во главе с академиями. Через высшее академическое правление они осуществляли административное управление и контроль за учебным процессом семинарий. Семинарское правление, в свою очередь, заведовало духовными училищами епархии. В соответствии с ре-

формой в каждой из девяти епархий полагалась иметь одну семинарию, десять уездных и тридцать приходских школ. На содержание их из средств Синода было выделено 1669450 рублей.

В 1809 году проект преобразований утвердили и для его реализации учредили комиссию духовных училищ. В этом же году новый орган предложил программу по содержанию учеников уездных и приходских училищ из малоимущих семей. В ней выделили три категории детей, не имеющих средств и возможности обучаться: во-первых, бедные сироты, обязанные заботиться о пропитании других членов семьи; во-вторых, ученики-братья, из которых обучение оплачивалось лишь одному; в-третьих, ученики, не имеющие никого из близких родственников и не способные обеспечивать свое обучение. Для содержания первой категории решили «представлять за ними вакантных диаконовских и причетнических мест». Для призрения двух других категорий учеников при каждом уездном и приходском училище решили учреждать бursы, подведомственные епархиальным архиереям. На содержание «полных» бурсаков предусматривалось по 40 рублей, «полубурсаков» - по 20 рублей в год с человека. К первым относились ученики, не имеющие родителей и ближайших родственников, ко вторым – дети священнослужителей при мало приходских церквях, ученики из многодетных семей, дети, живущие без отца, но с матерью, работающей просвирней при церкви. Средства на содержание учеников складывались от продажи свеч, венчиков, листов, содержащих разрешительную молитву. Все деньги доставлялись в Консисторию, а оттуда пересылались в Комиссию духовных училищ для дальнейшего распределения малоимущим ученикам.

Особое внимание Комиссия духовных училищ обратила на Петербургскую академию, укомплектовав ее лучшими учеными. На кафедру философии Сперанский пригласил из Германии Фесслера, а затем ею заведовал известный ученый Фишер. Богословскую науку преподавали профессора Филарет (впоследствии митрополит московский), Иннокентий (впоследствии архиепископ херсонский), Г.П. Павский, И.С. Кочетов и другие. В академиях установили 4-летний курс обучения с разделением на философский и богословский классы. Учебный план был представлен богословскими и общеобразовательными предметами. К первым относились догматическое и церковное право, апологетика, патристика, библеистика и литургика. В состав общеобразовательных дисциплин входили высшая математика (теоретическая и прикладная), углубленные курсы теоретической и прикладной физики, метафизики, «философская история во всем ее пространстве», этика и эстетика, церковная история и церковная археология, древняя история, изучение латинского, греческого и древнерусского языков, а также немецкого и французского. В духовных академиях велась широкая научная деятельность, включавшая раз-

работку проблем богословия, истории Церкви, церковной археологии и церковного права; защищались и публиковались магистерские и докторские диссертации; издавались фундаментальные научные труды.

Уставы 1808-1814гг. предусматривали открытие духовных семинарий с 6-летним сроком обучения. Они делились на три двухгодичных класса – риторский, философский, богословский. В ряду общеобразовательных дисциплин были математика, российская и всеобщая история, география, теоретическая и опытная физика, история философских систем, а также обязательное расширенное изучение латинского, греческого, древнееврейских языков и факультативно – немецкого и французского. В цикл богословских наук входили Священное Писание, герменевтика (толкование канонических текстов, гомилетика (теория построения проповеди), догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковная история и церковная археология. Миссионерская политика царизма отразилась в учебных планах духовных семинарий. Вместо изучения классических древних языков в западных, южных, поволжских и сибирских учебных заведениях семинаристов обучали польскому, армянскому, грузинскому, башкирскому, татарскому и другим диалектам коренных народов конкретных регионов.

Значительное внимание в семинариях уделялось написанию сочинений, подвергавшихся строгой критике соучеников. Преподаватели обязаны были научить писать грамотно и связно даже самых посредственно успевающих семинаристов. Лучшие ученические сочинения зачитывались на учено-литературных вечерах, специально организуемых для этой цели. Старшеклассники закрепляли свои знания на диспутах, проводимых с участием семинарских певчих и музыкантов, в присутствии преподавателей и приглашенной городской публики.

В зависимости от конечных результатов обучения выпускники семинарий делились на три разряда. К первому относились лучшие семинаристы, получившие звание «студент». Они могли продолжить образование в духовных академиях или стать священниками церкви второго разряда, а также преподавателями в епархиальных духовных училищах. Выпускники второго разряда могли поступать в Медико-хирургическую академию, служить священниками в третьеразрядных церквях, преподавать в приходской школе. Окончившие семинарию с третьим разрядом могли работать священниками или дьяконами в церквях четвертого разряда. Второразрядникам и третьеразрядникам через некоторое время разрешалось пройти переэкзаменовку и повысить свои профессиональные возможности, а значит и материальный уровень.

Уездные духовные училища с 4-летним сроком обучения осуществляли подготовку мальчиков к поступлению в семинарии. В училища принимались по экзамену лица, окончившие начальную школу. Зачисленные в учебное

заведение изучали русскую грамматику и арифметику, русскую историю и географию, катехизис и краткий курс священной истории, церковный устав и церковное нотное пение, а также начальные основы латинского и греческого языков. Окончившие духовные училища могли поступать в средние духовно-учебные заведения или становиться церковнослужителями (причетниками).

По особым распоряжениям и в исключительных случаях создавались уездные двухгодичные духовные училища. Подобное произошло в 1816 году, когда по решению высших епархиальных властей Урала и Зауралья такое училище учредили при Далматовом монастыре. К этому времени в Урало-Зауральском регионе уже работали Пермское, Соликамское и Екатеринбургское училища. Архиепископ Пермский и Верхотурский предписывал священникам Екатеринбургского, Верхотурского, Камышловского, Ирбитского и Шадринского уездов направлять своих детей на учебу в Далматов монастырь. Перед поступлением в духовное училище у всех детей свыше 10-летнего возраста протоиерей Алексей проверял умение читать и писать. По результатам смотра одних зачисляли в семинаристы, других – «исправлять сторожевую должность» (быть вольнослушателями). Последним разрешалось заниматься в классах для повышения уровня знаний и умений, а после этого они становились полноправными учениками духовного училища, имеющего два класса – грамматический и информаторический. Изучались общеобразовательные предметы и богословские дисциплины (Закон Божий, Священное Писание, катехизис, учение о богослужении, церковный устав, церковное пение).

В 1817 году в Далматовском духовном училище обучалось 40 подростков и юношей, в 1818 году – 93 человека. Иногда при направлении детей на учебу сразу указывали их возможности. Так, в регистре Камышловского духовного правления для обучения в Далматовском училище было записано 29 человек в возрасте 11-17 лет, а 8 человек в возрасте 14-18 лет назначались «сторожами». В 1830/31 учебном году в Далматовском духовном училище обучалось свыше 100 человек, проживавших в училищных покоях по двадцать и более человек. Жизнь их организовывалась по типу бурсы и ученики находились на казенном содержании. Слабо успевающие ученики исключались с выдачей им особых свидетельств, указывающих способности и прилежание, оценки по греческому и латинскому языкам, российской и славянской грамматикам, катехизису, церковному уставу и церковному пению. Документы подписывали смотритель Далматовского духовного училища, инспектор, учителя. В соответствии с №26 Устава уездных училищ отчисленные могли быть направлены в низший разряд церковнослужителей.

Значительное внимание в ходе реформы было уделено изданию духовной литературы. В 1812 году особым указом Александра I учредили Петербургское Общество, а с 1814 года оно стало называться Российским библейским

Обществом (РБО). Его основная цель – издание христианской богословской литературы. В 1816 году Общество выпустило в свет церковно-славянскую Библию, которую затем издали на 41 языке; перевело на русский язык Четвероевангелие (1818 год), Новый Завет (1821), Псалтырь (1822). В 1826 году Указом Николая I РБО упразднили.

Духовно-образовательная реформа 1808-1814 годов стала первым шагом на пути становления отечественного богословия, церковной истории и права, совершенствования системы подготовки кадров священнослужителей. В «Большой энциклопедии» (Т.9.-СПб., 1903г.) отмечалось, что в 1824 году в России насчитывалось 344 духовно-учебных заведения с 46 тысячами учеников. «Ни побегов, ни уклонений от учебы не значилось».

Состояние духовного образования претерпело значительные изменения в царствование Николая I, стремившегося укрепить феодально-дворянское государство, ликвидировать массовые протесты и прогрессивные выступления интеллигенции. Царская политика отличалась насильственной христианизацией и походом на старообрядчество. Внутреннюю политику императора полностью поддерживал обер-прокурор Синода Н.А. Протасов, осуществлявший в 30-х годах реформу системы управления церковью. Синодальный аппарат преобразовали по образцу министерства, а коллегию синодальных архиереев превратили в безгласный совещательный орган при обер-прокуроре. С 1839 года Протасов начал проводить реформу духовно-учебных заведений. В целях борьбы с проникновением «свободомыслия» он сократил преподавание светских предметов, а обучение духовными дисциплинами подчинил строгому надзору.

В марте 1839 года был опубликован «Устав духовно-учебного управления Святейшего Синода», учреждавший Училищный комитет и провозглашавший передачу всей системы духовного образования под полный надзор обер-прокурора. В 1840 году, в соответствии с «Уставом», в семинариях ввели новые программы, значительно отличающиеся от предыдущих. Преподавателям семинарий предписывалось при изучении латинских и античных писателей и поэтов исключать фрагменты и даже произведения, проникнутые «духом языческого мира, страстью и чувствительностью»; предостерегать семинаристов от чтения светских сочинений, а также от написанных в «духе единоверия». Рекомендовалось больше читать Священное Писание и творения отцов церкви. При Николае I и Протасове в семинариях значительно сократили число общеобразовательных предметов и, в частности, философию, которую император назвал «нечестивой, безбожной, мятежной наукой». Наиболее значимыми предметами по программе 1840 года стали пастырское богословие и гомилетика. В учебных планах появились агрономия и медицина, а в 1843 году ввели курс педагогики и иконописи (для способных к рисованию).

Считалось, что знаниями этих дисциплин должны владеть пастыри сельских приходов. При необходимости они могли бы дать дельные советы крестьянам в сфере сельского хозяйства, оказать медицинскую помощь, дать рекомендации по воспитанию и обучению сельских детей.

В 1843 году в Царском Селе открыли епархиальное училище для дочерей церковнослужителей Петербургской епархии, что послужило началом организованного духовного образования «слабого пола». Ближайшей целью училища было образование и воспитание дочерей духовенства, чтобы они могли быть «достойными супругами служителей алтаря и попечительными матерями, которые возрастали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия».

По образцу Царкосельского училища подобные женские школы были открыты в Иркутске, Казани и Ярославле. Эти первые женские училища находились под покровительством императрицы. Кроме того, духовные училища открывались и при женских монастырях. Все епархиальные женские училища учреждались с разрешения Синода и содержались на средства местного духовенства и частные пожертвования. Каждое училище имело свой устав и возглавлялось начальницей или настоятельницей монастыря, при котором оно открывалось.

Содержание обучения в первые годы существования духовных женских училищ носило элементарный характер. В течение шести лет воспитанницам преподавали Закон Божий, чтение на славянском и русском языках, краткую русскую историю и географию, опытное обучение рукоделию и домашнему хозяйству. Для практических занятий по изучению хозяйства предлагалось заводить при училищах сад с огородом, скотный и птичий дворы. Окончившим курс рекомендовалось давать основные сведения по уходу за детьми, по их физическому воспитанию, элементарные понятия об уходе за больными и назначении различных лекарств. В условиях крепостной России не хватало учителей. Поэтому даже такое элементарное обучение в большинстве случаев велось не систематически. Учителями в епархиальных учебных заведениях были священники, занятые церковной службой, для которых труд школьного наставника имел второстепенное значение.

Не лучше обстояло дело с опытным обучением рукоделию и домашнему хозяйству. Оно обычно сводилось к самообслуживанию: мыли полы, стирали белье, подметали комнаты, готовили для себя пищу. Конечно, систематического обучения рукоделию и ведению домашнего хозяйства не было. Экономические средства не позволяли заводить при училищах огород, сад и др. Неосуществимыми были в действительности и советы обучать основам медицины и уходу за детьми.

По своему назначению епархиальные училища были неодинаковы. Наряду с училищами в прямом смысле были и приюты, и сиротские учреждения.

Лучшим являлось Московское училище при Горихвостовском доме призрения бедных духовного звания. Но и там обучение было на втором плане, девочкам давали лишь элементарные знания. Воспитанницы могли оставаться в училище до 17-ти лет.

Так как главная цель учреждения женских епархиальных училищ заключалась в воспитании хороших жен для сельских священников, то духовное начальство было больше всего озабочено выдачей выпускниц замуж. Руководству духовных семинарий предписывалось рекомендовать лучшим воспитанникам жениться на воспитанницах женских духовных училищ. Семинаристы, изъявившие желание жениться на воспитаннице духовного училища, получали лучшее место священника.

Перед епархиальными училищами в первые годы их существования стояла проблема, как поступать с теми воспитанницами, которые не становились женами священников. В связи с этим уже во второй половине XIX века по Уставу 1868 года воспитанницам, закончившим епархиальные училища, было предоставлено право на звание домашних учительниц.

К началу 80-х годов число епархиальных училищ значительно увеличилось. Они находились в ведении Синода под управлением архиереев и вверялись попечению епархиального духовенства, а внутренним управлением занимались училищные советы. Курс обучения состоял из шести одногодичных классов, в учебный план которых входили все общеобразовательные предметы и рукоделие. Из-за недостатка средств в епархиях им разрешалось вместо 6-классных училищ открывать 3-классные с двухгодичным сроком, а богатым церковным округам «дозволялось» учреждать приготовительные и педагогические классы. За особую плату в епархиальные училища принимались девочки из недуховных сословий.

Новая волна преобразований прокатилась в царствование Александра II, который провел крестьянскую, земскую, судебную, городскую и другие реформы. Перестройка коснулась и системы духовного образования. Реформе предшествовало личное ознакомление императора с состоянием учебных заведений. Он посетил Вологодскую, Литовскую, Нижегородскую и Ярославскую семинарию; затребовал письменные мнения ректоров других семинарий и академий о необходимых преобразованиях. На основании полученной информации был составлен общий свод, отражающий реальное положение духовно-учебных заведений. Для его рассмотрения и подготовки проекта реформы учредили специальный комитет при Синоде. Разработанный предварительный план разослали по епархиям для обсуждения, которое заняло три года.

В мае 1867 года был окончательно утвержден новый устав о духовных училищах, получивший силу закона. Реформа, проводимая Александром II и обер-прокурором Синода Д.А. Толстым, коснулась управления, учебной и

хозяйственной части учебных заведений. Упразднили духовные учебные округа, отменили административную власть академий по отношению к семинариям и последних к училищам. В духовные учебные заведения разрешили принимать детей всех сословий. Для внутреннего управления в семинариях и училищах учредили орган, состоящий из выбранных учителей и представителей духовенства. В уездных учебных заведениях вместо двух курсов ввели четыре одногодичных класса. Последний из них имел практическую направленность. Учебный план модернизировали, убрав физико-математические дисциплины и гражданскую историю, а остальные объединили в три группы: богословскую, церковно-историческую, церковно-практическую. Вместо причетнических разрешили открывать приготовительные классы.

В семинарии вместо трех двухгодичных классов учредили шесть одногодичных. Все дисциплины разделили на общеобразовательные, которые стали изучать в 1-4-х классах, и богословские - в 5-6-х классах. Учебный план духовных семинарий претерпел существенные изменения. Из него исключили естественные науки, сельское хозяйство, медицину, катехизическое учение и библейскую историю, патрологию и полемическое богословие, церковную археологию и герменевтику. Ввели новые учебные дисциплины: основное богословие, Священное Писание, математику, философию, педагогику с практическими занятиями, классические языки (усиленное изучение), один из новых языков. Выпускникам семинарий предоставлялось право поступления в университеты.

Ученики 1-го и 2-го классов находились на государственном обеспечении. В последующие годы обучения казенное содержание предоставлялось лишь дававшим обязательство по окончании семинарии служить священниками. Хорошо успевающим ученикам с примерным поведением выплачивалась стипендия в размере 90 рублей в год. Ранее действующий арсенал жестоких наказаний семинаристов был почти полностью отменен. Запретили порку, стояние на ногах в классе, стояние на коленях во время молитв, лишение обеда и ужина, физическую работу, оставление после уроков. Из мер воздействия на провинившихся оставили наказание лишением на несколько дней полноценной пищи (только хлеб и вода) и «карцером», то есть полной изоляцией от общества.

В мае 1869 года император подписал устав, касающийся дальнейшего развития духовного образования. В академии разрешалось поступать лицам всех сословий, исповедующим христианство и имеющим свидетельства об окончании семинарии или классической гимназии. Установили четырехлетний срок обучения и учредили три факультета – богословский, церковно-исторический и церковно-практический. Духовным академиям разрешалось устраивать публичные чтения, создавать ученые общества, издавать научные труды и материалы источниковедческого содержания.

В первые три года обучения студенты проходили полный курс общеобразовательных и некоторых специальных дисциплин, по окончании которого выполняли квалификационную работу. На основании ее присваивалась степень кандидата богословия. На четвертый курс принимались лишь отличники, желающие стать преподавателями духовных семинарий. Они сдавали магистерские экзамены и защищали диссертации на степень магистра богословия. Можно было стать и доктором богословия также после успешной защиты научной работы. К концу царствования Александра II (1881 год) в Российской империи работало 287 духовных учебных заведений, среди них 4 академии, 53 семинарии, 183 училища, 35 женских епархиальных училищ и 12 женских училищ под покровительством императрицы.

В 70-80-х годах в стране имелось революционное и либеральное народо-вольческое движение. Его представители выступали как против крепостничества, так и против буржуазного развития общества. В марте 1881 года свершилось убийство Александра II, послужившее причиной репрессий и началом антидемократических реформ, коснувшихся и духовно-учебных заведений. В 1884 году утвердили новые уставы для духовных академий, семинарий и училищ. В соответствии с ними усилили власть епархиальных архиереев и ректоров над учебными заведениями, восстановили духовно-учебные округа, ввели наблюдение академий над семинариями и семинарий над училищами. В академиях упразднили деление наук на три отделения, сделали обязательными для всех студентов изучение богословских и философских наук, сгруппировали в два блока общеобразовательные предметы и предложили изучать их по выбору. Кроме богословских кафедр, учредили три кафедры философии (логики, психологии и метафизики, истории философии), две – истории (всеобщей и гражданской), а также кафедры русской истории, теории словесности и истории иностранной литературы, русского и церковно-славянского языков (с палеографией), истории русской литературы, классических и новых языков.

В соответствии с уставами 1884 года в семинариях отменили выборное начало, ограничили права и состав правления. Существенным изменениям подвергся учебный план, где увеличили число часов на богословские предметы; восстановили преподавание библейской истории и сравнительного богословия; ввели преподавание истории и обличения раскола; сделали обязательным для всех учеников церковное пение; увеличили число часов на словесность; сократили программу по изучению математики, педагогики, философии и классических языков; сделали не обязательным изучение новых языков. Для усиления религиозно-нравственного воспитания учащихся при семинарских церквях учредили должность священника-духовника. В уездных училищах усилили внимание к изучению русского и церковно-славянского языков, церковного пения, а время на освоение классических диалектов сократили.

Количество мужских духовных учебных заведений оставалось стабильным в течение ряда десятилетий. Так, в 1891 году в Российской империи по-прежнему функционировало 4 академии, где обучалось 769 студентов, среди которых был 21 иностранец (болгары, греки, румыны, сербы, сирийцы, черногорец, японцы), 455 человек содержались на казенные средства. В 55-ти семинариях училось 17246 воспитанников, в 185 училищах числились 26619 человек. На содержании всех мужских духовно-учебных заведений в 1891 году было израсходовано 5211411 рублей. Эта сумма складывалась из процентов с духовно-учебного капитала (1341469 рублей), процентного церковного сбора (1669250 рублей), пособий от государственного казначейства (1576231 рублей) и разных специальных источников духовного ведомства (105).

По данным отчета обер-прокурора Синода, в 1898 году в стране работало 4 академии с 697-ю студентами, 58 семинарий с 18246-ю воспитанниками, 185 мужских духовных училищ с 30364-мя учениками, 56 епархиальных училищ и 13 женских духовных училищ под покровительством императрицы, в которых обучалось 2206 воспитанниц (105).

Правительство и Синод не жалели средств на открытие духовных школ, поддерживали инициативу населения по возведению зданий на местные средства. Примером тому может служить постройка Курганского духовного училища в Тобольской епархии. Трехэтажное здание из красного кирпича было построено в сентябре 1905 года с учетом современных по тому времени требований. В цокольном помещении размещались оборудование центрального отопления и электроосвещения, комнаты эконома и прислуги, кухня и столовая. На первом этаже оборудовали квартиры смотрителя училища и его помощника, одного из надзирателей, а также швейцарскую и раздевальню-гардероб. Второй этаж занимали просторные и высокие классные комнаты с множеством больших окон; здесь находились учительская, библиотека, квартира другого надзирателя и большой зал для общих собраний и проведения культурных мероприятий. На третьем этаже были домовая церковь и спальня комнаты. Рядом с учебным корпусом построили здание больницы. Во внутреннем дворе находились баня, амбары, погреба, конюшни. Вблизи училищного здания, на открытой площадке были установлены метеорологические приборы. Здесь же разместили целый комплекс гимнастических снарядов и приспособлений для физического развития: турники, кольца, трапеции, шесты для лазания, лестницы, гигантские шаги и качели. На школьном дворе семинаристы играли в мяч, городки, крокет, а зимой катались на катке и с ледяной горки. Все преподаватели Курганского духовного училища были с высшим образованием, окончившие Московскую, Казанскую и Петербургскую академии.

В начале XX столетия система духовно-учебных (официальное наимено-

вание) заведений пережила значительный кризис. В 1901, 1902 годах тайная общесеминарская организация провела съезды, где выдвигались требования гарантированных свобод, деятельного участия в выборах членов Государственной думы, поддержки социалистических партий и др. Противоречия между начальством и учениками духовно-учебных заведений обострились в годы первой русской революции. В 1905-1907 годах в Вятке, Екатеринославе, Москве, Полтаве, Рязани, Самаре, Тифлисе, Харькове и других городах вспыхивали волнения семинаристов. Они отказывались от учебных занятий, устраивали стачки, в частности, в 1905 году бастовало 48 семинарий. Почти все петиции, подававшиеся воспитанниками духовно-учебных заведений своему начальству и в Синод, содержали требования реформирования системы учебных заведений духовного ведомства. Причинами волнений были неоднородный состав семинаристов и несовершенство учебных программ. Одна категория обучающихся связывала свою судьбу со службой православной Церкви, другая – с мирскими профессиями. Однако учебный план был единым, и все семинаристы изучали богословские науки. Существенные различия в программах для гимназий и духовных учебных заведений значительно затрудняли поступление в университет выпускников семинарий. В декабре 1906 года состоялся третий общесеминарский съезд, члены которого потребовали демократических свобод и пересмотра учебных планов и программ.

В 1912 году была проведена очередная реформа духовно-учебных заведений. Содержание их частично передали на местные бюджеты, но академии по-прежнему финансировались государственной казной. По смете Синода в 1916 году на духовные учебные заведения было отпущено 7,5 миллионов рублей. Во главе училищ поставили смотрителей, семинарии и академии возглавили ректора, причем в вузах они имели чин епископа. Смотрители и ректоры превратились в чиновников, непосредственно подчиненных епархиальным архиереям. По уставу 1912 года православные духовные академии провозглашались закрытыми высшими церковными училищами с христианским воспитанием и православно-богословской наукой. Они обязаны готовить «христиански просвещенных деятелей для служения святой православной церкви, прежде всего в области церковно-пастырской, а затем и на других поприщах церковной деятельности, предпочтительно в церковном сане».

Все духовные училища и семинарии также становились закрытыми учебными заведениями. Ученики жили (за редким исключением) в специальных общежитиях под бдительным присмотром, а все управление было пронизано полицейским режимом и шпионажем. Учебные занятия носили чисто схоластический характер и сводились большей частью к заучиванию большого количества главным образом библейских текстов. Ученики из семей сельского духовенства, низших служителей клира и другие зачастую выражали протест

против такой системы обучения, проявляли отвращение и ненависть к семинарской науке. Синодские чиновники-ревизоры единогласно утверждали, что духовная школа не справляется со своей профессиональной задачей, выпуская людей не только полностью равнодушных к религии, но зачастую и просто неверующих. Попытки некоторых церковников приблизить семинарскую программу к требованиям жизни терпели крах. Так, введение курса «Обличение социализма» оказалось непродуманным. Часть семинаристов перешла в высшую светскую школу. В 1913 году в Российской империи работало 183 духовных училища с 29419-ю учениками (в том числе детей духовенства 22470), 57 семинарий с 22734-мя учениками (в том числе детей духовенства 18839). 75 епархиальных женских училищ с 28671-й воспитанницей, 11 духовных училищ под покровительством императрицы, в которых обучалось 2177 девочек.

Устав 1912 года установил цель и задачи духовных академий, призванных заниматься развитием ученого богословия «на церковном, строго-православном основании, преподавать богословские науки, воспитывая у студентов любовь к церкви, престолу и Отечеству». Ректор провозглашался непосредственным начальником академии, ответственным за ее управление и благосостояние. Он был обязан посещать лекции, практические занятия и экзамены, наблюдать за ходом и содержанием преподавания, точным выполнением программ. При серьезных и систематических нарушениях преподавателями своих обязанностей и отклонении от «доброто церковного направления и безуспешности замечаний» ректор обязан докладывать архиерею. Начальник академии должен был наблюдать за нравственностью и религиозным воспитанием студентов, обязательным посещением ими церковных служб и исправным соблюдением постов и обрядов. В 1913 году в четырех духовных академиях обучалось около 1000 студентов.

В духовных академиях Российской империи значительное место уделялось преподаванию педагогики, официально введенной в 1866 году в учебные планы. Ставилась основная цель – подготовка учительских кадров для духовных семинарий. В Санкт-Петербургской академии педагогику преподавали И.Л. Янышев, С.А. Соллертинский, Е.М. Прилежаев, А.П. Храповицкий. Особенно плодотворной была работа Соллертинского, читавшего курс педагогики и дидактики. Свои взгляды на обучение и воспитание он изложил в ряде крупных работ, в числе которых «Дидактическое значение священной истории в круге элементарного образования», «Курс лекций по педагогике и дидактике».

В Московской духовной академии наибольший вклад в развитие теоретических основ педагогики сделал архиепископ Евсевий (в миру Евфимий Поликарпович Орлинский). Он рассматривал вопросы о целях и задачах образования, о содержании обучения и воспитания, о наиболее эффективных способах и путях решения педагогических задач и др. Архиепископ Евсевий сфор-

мулировал религиозно-антропологические и философско-методологические положения, необходимые для определения педагогических понятий: «воспитательный идеал», «природа человека», «субъект-объект» и других; осветил структуру педагогической деятельности и ее законы, социальное и духовно-нравственное предназначение воспитания. Архиепископ стал автором многочисленных сочинений, среди которых особое место занимает книга «О воспитании детей в духе христианского благочестия».

Оригинальную школу православной педагогики, как отметил Е.А. Плеханов (Педагогика. – 2003. -№6), создала Казанская духовная академия, поднявшись на столичный уровень теологической мысли. Значительный вклад в становление и развитие духовно-академической науки о воспитании сделали профессор А.И. Гренков, владыка Борис (в миру Владимир Владимирович Плотников), доктор богословия В.И. Несмелов. Они рассматривали систему нравственного богословия как фундамент педагогической теории и воспитательной практики; обосновывали цели образования, исходя из разработанного религиозно-антропологического учения; считали историю христианского просвещения частью истории Греко-римской и византийской культуры.

Преподавание педагогики в Киевской духовной академии связано с именами профессоров С.С. Гогоцкого, П.Д. Юркевича, П.М. Линицкого, М.А. Олесницкого, Н.К. Маккавейского. Единым предметом философского и педагогического познания они считали реального человека, живущего физической и духовной жизнью; подчеркивали необходимость воспитания для совершенствования духовно-нравственной жизни общества; рекомендовали расширить понимание педагогической деятельности, включив в ее сферу школу, семью, общество, государство и церковь. Работы ученых публиковались в «Трудах Киевской духовной академии», в журналах «Вера и разум», «Христианская нравственность». Доктор богословия, профессор Олесницкий создал двухтомный «Курс педагогики».

Другие направления христианских вероучений имели в России свои духовно-учебные заведения. Армяно-грегорианское духовенство получало высшее образование в Эчмиадзинской армянской духовной академии, учрежденной в 1874 году. До ее открытия существовало специальное отделение при Лазаревском институте восточных языков. Эчмиадзинская академия находилась под влиянием патриархарха-католика всех армян. Она состояла из шести семинарских классов и высших академических. Преподавание велось на армянском языке. Кроме богословских и церковных предметов, учебный план включал армянскую историю и географию, историю и географию России, математику, физику, космографию, естественную историю, историю литературы, историю философии, педагогику, психологию, логику, библейскую археологию, армянский, русский, латинский и греческий, немецкий и фран-

цузский язык, а также черчение и рисование (преимущественно церковное). В каждой из шести армяно-грегорианских епархий работали семинарии. Все духовные учебные заведения содержались за счет церковных средств и добровольных приношений.

Для подготовки римско-католического духовенства в Санкт-Петербурге функционировала академия, состоящая в ведении моголевского архиепископа. В каждой римско-католической епархии работали семинарии, состоящие под ведомством епископов. Для поступления в римско-католические духовно-учебные заведения требовалось разрешение губернатора.

Таким образом, реформы духовного образования напрямую зависели от внутренней политики государства, проводимой правительством и Синодом. Требования интеллигенцией и учащимся демократических свобод порождали ужесточение режимов в духовных учебных заведениях, пересмотр учебных планов и программ в сторону усиления церковности в образовании.

Вопросы и задания

1. Дайте характеристику церковно-приходских училищ и школ грамоты.
2. Какова цель и задачи конфессиональных и миссионерских школ?
3. Сделайте характеристику преобразований на основе уставов 1808-1814 годов.
4. Раскройте особенности духовного образования в школах Далматова монастыря.
5. Как осуществлялось женское духовное образование?
6. В чем сущность синодальных уставов 60-х годов XIX века?
7. Сделайте анализ преобразований в духовных учебных заведениях, введенных в 80-х годах XIX столетия.
8. Отразились ли революционные события 1905-1907 годов на деятельности духовных семинарий?
9. Осветите особенности работы духовных академий.
10. Составьте таблицу статистических показателей духовных учебных заведений в 1881-1913 годах.

Литература для самостоятельной работы

1. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. – Казань, 1998.
2. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: Православная школа в России первой четверти XIX века // Педагогика. – 2002. - № 2.
3. Опыт православной педагогики / Сост. А. Стрижев и С. Фомин. – М., 1993.

4. Плеханов Е.А. Педагогика в духовных академиях России // Педагогика. – 2003. - № 6.

5. Плеханов Е.А. Российская приходская школа 60-80-х годов XIX века // Педагогика. – 2004. - № 8.

6. Федоров В.А. Духовное образование в русской православной церкви в XIX в. // Педагогика. – 2000. - № 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарождение и развитие духовного образования в Российской империи связано с христианизацией населения. В зависимости от политических и социально-экономических условий изменялись взаимоотношения церкви и государства, и, в частности, степень и характер участия церкви в делах народной школы. На рубеже XVIII-XIX веков церковь перестала быть конкурирующим «государством в государстве», и самодержавие расширило сферу ее идеологического влияния на общественную и культурную жизнь страны, стало улучшать положение церковников. Значительный интерес к духовному образованию проявлял Александр II, открывший около 60% православных монастырей, поощрявший учреждение церковно-приходских школ. Однако император отказался от передачи всего начального образования в руки духовенства из-за боязни освободительного движения с резким антицерковным настроем и требованием общественного участия в делах народной школы.

С воцарением Александра III и началом правительственной реакции 80-х годов одной из ведущих в школьной политике самодержавия стала идея об усилении влияния церкви на начальную народную школу. Правила 1884 года, утвержденные императором, ставили в первую очередь задачи религиозного воспитания учащихся. С этой же целью были переданы все крестьянские школы грамоты, созданные на средства и по инициативе сельского населения. На школы, подведомственные церкви, казна отпускала в три раза больше средств, чем на начальные училища Министерства народного просвещения.

Деятельность церковно-приходских школ и школ грамоты подверглась жесткой критике советских историков педагогики. Однако следует помнить, что эти элементарные учебные заведения при отсутствии министерских школ являлись единственным источником знаний сельских детей. Творчески работающие учителя наряду с богословскими дисциплинами знакомили учеников с историей, географией, естествознанием, гигиеной, приобщали к ремеслам. Начальные школы, подведомственные Синоду, проводили значительную просветительскую работу среди сельского населения, организуя народные чтения, в ходе которых давалась полезная информация на различные темы.

Среднее и высшее духовное образование молодые люди получали в семи-

нариях и академиях, также подвергавшихся постоянным реформированиям, обусловленным внутренней политикой государства. Временные демократические уступки учебным заведениям сменялись ужесточением режима.

Сторонники духовного образования в Российской империи отмечали, что религия дает человеку определенное мирозерцание, объединяет отдельные нравственные требования в стремлении к Богу как абсолютному совершенству. Нравственное воспитание, основанное на религии, создает цельного человека, а моральная педагогика, лишенная веры, может действовать только на отдельные недостатки. Нравственное воспитание, основанное на религиозных началах, является одним из самых необходимых условий общественного и гражданского порядка. Религиозные положения не изменяются в угоду отдельным политическим партиям и не следуют за «легко колеблемым духом времени». Общество, отрешившееся от религии, ничем не сдерживается в своих порывах и легко меняет свои нравственные идеалы. При таких условиях моральные требования, призванные быть вечными и неизменными, становятся достоянием изменчивой толпы, которая сегодня поклоняется разуму, а завтра создает кумира из отдельной личности, потом возвращается к старым богам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI: Владимиро-Пермская летопись. – М. – Л., 1959. – С. 31.
2. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишина, Б.Н. Митюров. – М., 1985. – С. 20.
3. Закон Божий: для семьи и школы / Сост. протоиерей С. Слободский. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – 1993. – С. 35.
4. Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко / Под ред. Н. Костомарова. – СПб., 1860. – С. 20.
5. Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. – М., Л., 1963. – С. 75-76.
6. Повесть временных лет. Ч. 1 / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М., Л., 1950. – С. 302.
7. Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2. – М., 1963. – С. 259.
8. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига: В 3 т. - Т. 1. – М., 1871. – С. 549.
9. Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 73.
10. Лавровский Н.О. О древне-русских училищах. – М., 1863. – С. 105.
11. Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. – СПб., 1894. – С. 21.
12. Историческая энциклопедия. Т. 11. – М., 1968. – С. 231.
13. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига: В 3 т. - Т. 2. –

М., 1871. – С. 661.

14. Бабишин С.Д. Школа в Галицкой Руси. – Жотвень, 1971. № 6. – С. 149-150.
15. Макарий. История русской церкви. Т IV. – СПб., 1866. – С. 308.
16. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 463.
17. Голубицкий Е.Е. История русской церкви. - Т 1. – М., 1900. – С. 787.
18. Миропольский С.И. Очерки истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 1. – СПб., 1893. – С. 11.
19. Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. – СПб., 1894. – С. 53.
20. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. - Т. 2. – М., 1871. – С. 743.
21. Карамзин А.М. История государства Российского. - Ч. 2. – М., 1963. – С. 351.
22. Памятники старинной русской литературы / Изд. Кушелев. Т. IV. – СПб., 1862. – С. 119.
23. История государства Российского. Ч. 1. – М., 1962. – С. 89.
24. Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. – СПб., 1895. – С. 22.
25. Миропольский С.И. Указ. соч. – С. 23.
26. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – Петроград, 1915. – С. 2.
27. Златоуст И. О воспитании детей. 2-е изд. – СПб., 1902. – С. 50-54.
28. Златоуст И. Указ. соч. – С. 55.
29. Златоуст И. Указ. соч. – С. 55.
30. Каптерев П.Ф. Указ соч. – С. 9
31. Лавровский Н. Памятники старинного русского воспитания. – СПб., 1861. – С. 6.
32. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – СПб., 1910. – С. 18.
33. Каптерев П.Ф. Указ соч. – С. 24.
34. Голубицкий. История русской церкви. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 593.
35. Акты исторические. Т. 1. – СПб., 1841. - № 104. – С. 146.
36. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – Петроград, 1915. – С. 44.
37. Медынский Е.Н. История русской педагогики. – М., 1938. – С. 24.
38. Пропозиция Федора Салтыкова. – Спб., 1891. – С. 37.
39. Посошков И.Т. Сочинения. Т. 1. – М., 1863. – С. 145.
40. Посошков И.Т. Завещание отеческое. – СПб., 1893. – С. 7-9.
41. Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. – М., 1951. – С. 172.
42. Каптерев П.Ф. Указ соч. – С. 215.
43. Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ. – М., 1887. – С. 23.
44. Рабский Ф. Духовенство и вопрос о сельских школах в царствование Екатерины II // Народное образование. – 1897. - Кн. 1. – С. 54, 55.
45. Филарет. История русской церкви. - Т. IV.- СПб.:1986. – С. 133.
46. Медынский Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI-XVII вв., и их роль в воссоединении Украины с Россией. – М., 1954. – С. 125.
47. Каптерев П.Ф. Указ. соч. – С. 129.
48. Церковные братства // Энциклопедический словарь / Изд. А. Брокгауз и И.А.

- Ефрон. - Т. XXVIII. – СПб., 1903. – С. 97.
49. Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. – М., 1900. –С. 55.
50. Миропольский С. Очерк истории... Вып.3. Образование и школа на Руси в XV-XVII веках. – СПб., 1895. – С. 39.
51. Карамзин Н.М. История государства Российского. - 5-е изд. - Кн. 2. – СПб., 1842. – С. 65 / Репринт. изд. – М., 1989.
52. Филарет. История русской церкви. - 6-е изд. - Т. 3. – СПб., 1894. – С. 65.
53. Филарет. Указ. соч. – С. 66.
54. Карамзин Н.М. История государства Российского. – 5-е изд. - Кн. 2. – СПб., 1842. – С. 66 /Репринт. лит. изд. – М., 1989/.
55. Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII в.в. – СПб., 1894. – С. 43.
56. Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. – М., 1962. – С. 24.
57. Миропольский С. Указ. соч. – С. 76.
58. Миропольский С. Указ. соч. – С. 77.
59. Боцяновский В.К. К истории просвещения на Руси XVII в. Книги в В. Устюге. – С. 16.
60. Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII вв. – СПб., 1894. – С. 21.
61. Соболевский А.И. Указ. соч. – С. 11.
62. Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. – М., 1900. – С. 75.
63. Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М., 1855. – С. 182.
64. Полное собрание законов Российской империи. – Т. VI. – СПб., 1830. - № 4021. – С. 698.
65. Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая пол. XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. – М., 1973. – С. 33.
66. Чистович И. Феофан Прокопович и его время. Сб. статей. Т. 4. – СПб., 1868. – С. 728.
67. Лиховицкий А. Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия // Известия по народному образованию. – СПб., 1905. – С. 17.
68. Пермские епархиальные ведомости за 1868 г. – Пермь. - № 1. – С. 4.
69. Перкарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. - Т. 1. – СПб., 1862. – С. 121.
70. Лиховецкий А. Указ. соч. – С. 15.
71. Медынский Е.Н. История русской педагогики. – М., 1938. – С. 56.
72. Шадринский филиал Государственного архива Курганской области (ШФ ГАКО), ф. 266, оп. 1, д. 1, л. 289.
73. ШФ ГАКО, ф. 224, оп. 1, д.1046, лл. 4,5.
74. ШФ ГАКО, ф. 224, оп. 1, д. 777, л. 41.
75. Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979. – С. 253.
76. Григорьев В.В. Указ. соч. – С. 202.
77. ШФ ГАКО, ф. 224, оп. 1, д. 767, л. 13.
78. Знаменский П. Духовные школы России до реформы 1808 года. – Казань,

1881. - С. 664.

79. Знаменский П. Указ. соч. – С. 595.
80. Григорьев В.В. Указ. соч. – С. 520.
81. Юрцовский С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Ново-Николаевск, 1923. – С. 135.
82. Энциклопедический словарь. Т. XX а. – СПб., 1897. – С. 759.
83. Луппов П. Земские расходы на народное образование в 1900 г. // Народное образование. – 1901. - № 10. – С. 229, 230.
84. Церковные школы Российской империи: Стат. сб. – Петроград, 1916. – С. 17.
85. Энциклопедический словарь. Т. XXа. – СПб., 1897. – С. 769.
86. Государственный архив Курганской области (ГАКО), ф. 201, оп. 1, д. 14, л.5.
87. Беляев А. Садовская двухклассная церковно-приходская школа Вольского уезда Саратовской епархии // Народное образование. – 1908. – Кн. 5-6. – С. 579.
88. Известия, сообщения и заметки // Народное образование. – 1902. – Кн. II. – С. 455.
89. Монастыри и народная школа // Народное образование. – 1897. – Кн. VII. – С. 105.
90. Хроника приходской жизни // Народное образование. – 1896. – Кн. VII. – С. 127.
91. Пожертвования на церковные школы // Народное образование. – 1914. – Кн. 3. – С. 368.
92. Обсуждение в Государственном совете законодательства о начальном образовании // Народное образование. – 1912. – Кн. 4. – С. 487.
93. Непеин С. Музей наглядных пособий при Вологодской Свято-Стефановской церковно-приходской школе // Народное образование. – 1905. – Кн. 4. – С. 651-655.
94. Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979. – С. 406.
95. Результаты участия церковных школ в Международной научно-промышленной выставке «Детский мир» // Народное образование. – 1904. - № 3. – С. 314.
96. Россия. Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 404.
97. Нижне-озернинская школа грамоты Тамбовской губернии // Народное образование. – 1906. - Кн. 7-8. – С. 128.
98. Церковные школы Российской империи к 1915 г. – Петроград, 1916. – С. 9.
99. Церковные школы...С. 16-17.
100. Анастасиев А. Религиозно-нравственное воспитание в начальной школе // Народное образование. – 1904. – Кн. 12. – С. 533.
101. Байбулатов Д.Г. Следы моей жизни. Рукопись.
102. Байбулатов Д.Г. Указ. источник.
103. Энциклопедический словарь. Т. XX а. – СПб., 1897. – С. 769.
104. Медынский Е.Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1938. – С. 363.
105. Барсов А. Духовно-учебные заведения // Энциклопедический словарь. – Т. XI. – СПб., 1891. – С. 269.
106. Духовно-учебные заведения // Большая энциклопедия. Т. 9. – СПб., 1903. – С. 10.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Состояние образования на Руси в период монголо-татарского ига

Общее обозрение состояния училищ и образования в Монгольскую эпоху на Руси приводит к следующим выводам.

1) Условия для развития школ и образования в Монгольскую эпоху были крайне неблагоприятны. Города, села, церкви и монастыри, а с ними и школы, были разрушены; погибли богатые собрания книг при монастырях и церквях; народ разорен, лучшие сыны его пали в битвах. Опустошительная моровая язва довершила бедствие. К внешним опасностям от Татар, Литвы, Немцев и Шведов присоединились внутренние раздоры князей, междоусобицы. При таких условиях не было места спокойному ходу и развитию просвещения.

2) Князья, занятые внешней и внутренней борьбой, путешествиями в Орду, не имели времени приложить заботы к устройению школ. Образование в княжеских родах стало упадать. Между ними уже не было устроителей школ.

3) Просвещение народа всецело было делом духовенства. Но положение церкви православной было трудное. Византия приходила к упадку. Крестовосцы, овладев Константинополем, внесли на Восток латинский элемент, с которым приходилось бороться. С Литвы наступало латинство. Появились ереси и внутри Руси. Народ огрубел, одичал, - требовались особенные усилия для его нравственного просвещения.

4) Несмотря на все неблагоприятные условия, церковь православная, в лице своих пастырей, спасла Руси ее духовное просвещение и «книжное научение». Как единственное образованное тогда на Руси сословие, духовенство не переставало учить народ в храмах и школах, малых и взрослых, продолжая устроить и поддерживать училища «на утверждение веры». Между архиереями этой эпохи были люди высокого образования, святой жизни, ревностные просветители, патриоты, самоотверженно служащие отечеству. Ханские ярлыки обеспечивали духовенству личную и имущественную неприкосновенность, церковное управление и права.

5) Особые исторические условия постепенно выделяют духовенство из других сословий и делают грамотность для детей духовенства обязательной, под страхом лишения всех прав своего звания (изгойство безграмотных поповичей). Грамотность составляла необходимую принадлежность клира, и на Руси было достаточно училищ для его подготовки.

6) Хотя в летописях свидетельства об основании школ скудны, но есть несомненные свидетельства (преимущественно в житиях святых), что училища в Монгольскую эпоху существовали непрерывно по всем областям Руси, как

и в первую эпоху. Училища эти, устрояемые при церквях, были общедоступны для всех сословий; обучали в них духовные лица. О некоторых училищах существуют свидетельства, что в них обучалось «ученическое множество».

Просвещение христианством Перми и устройство в этом диком и далеком крае училищ трудами св. Стефана Пермского составляет светлую и отрадную картину, напоминающую просвещение Руси св. Владимиром.

7) Некоторые исторические данные дают основание предположению, что в Монгольскую эпоху на Руси явилось частное обучение – школы грамоты, в которых обучали «книжные людские повестники», «мастера». Училища эти, находясь в заведывании духовенства, под его охраною и руководством, хотя были и ниже церковно-приходских школ, но удовлетворяли развивавшейся в народе потребности в церковной грамотности.

8) Монастыри в монгольскую эпоху служили приютами просвещения, где получали и продолжали свое образование пастыри церкви, знаменитые просветительной деятельностью иноки и все люди, жаждавшие книжного учения. При монастырях устоялись книгохранилища, списывались и переводились священные и богослужебные книги, устроились приюты для сирот, которые от монастырей питались и вдавались в книжное учение.

9) Так как школы Монгольской эпохи служили продолжением школ Владимира и Ярослава, устроились духовенством, которое и обучало в них детей, то курс учения, дух и задачи его оставались теми же. В школы поступали дети «возрасту приспешшу», от 7 – 10 лет; обучались чтению, письму и церковному пению, а в некоторых случаях иконописанию; учебною книгою служила Псалтирь. Все обучение направлено было «на утверждение веры».

10) Идеал древне-русского воспитания остался также неизменным. Воспитание совершалось в духе евангельской любви, кротости и страха Божия. Пастыри церкви в храме и в школах учили любить ближних, помогать бедным, защищать сирот, крепко хранить св. веру, любить церковь Божию, свято блюсти ее заповеди, чтить служителей Божиих, между собою жить по правде, в мире и любви, соседа не обижать, князю своему быть верным и безропотно переносить несчастья. Ни в одном из памятников этой эпохи не упоминается о жезле и розге, как средствах воспитательных.

11) Школы церковные имели плодотворное влияние на Русский народ. Приводя детей к церкви Божией, они укрепляли в нем православие, утверждали веру, возвышали его нравственно, давали ему духовную пищу, объединяли его, поддерживали любовь к отечеству, предохраняли его от вредного влияния «поганых Агарян», суеверий и нравственного растления. Духовная литература Монгольской эпохи не уступала в количестве и качестве литературе предыдущей эпохи и давала обильный материал для удовлетворения любознательности, любви к чтению и самообразованию. Таким образом, школа

церковная спасла Руси просвещение в самую трудную годину ее испытаний – в эпоху ига Монгольского.

Мирополюский С. Очерк истории церковно-приходской школы... Вып. 2. Школы и образование в эпоху Монгольского ига. – СПб., 1895 г.

Приложение 2

Послание Геннадия

Господину отцу моему Симону митрополиту всея Руссии, сын твой архиепископ Великаго Новагорода и Пскова, владыка Генадей челом биеет...

Да бил есми челом государю великому князю, чтобы велел училища учинити, а ведь яз своему государю воспоминаю на его же честь да и на спасение, а нам бы простор был: занеже ведь толко приведут кого грамоте горазда, и мы ему велим одны октении учити, да поставив его да отпускаю боржае, и научив, как ему божественная служба; ино им на меня ропту несть. А се приведут ко мне мужика и яз велю ему апостол дати чести... и он по тому едва бредет, и яз его отроку, и они извет творят: «Земля, господине, такова, не можем добыти, кто бы горазд грамоте»; ино де ведь то всю землю изляял, что нет человека в земле, кого бы избрати на поповство. Да мне бьют челом: «Пожалуй деи, господине, вели учити»; и яз прикажу учити их октении, и он к слову не может пристати, ты говоришь ему то, а он иное говорит; и яз велю ему учити азбуку, и они, поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотят ее учити. А иным ведь силы книжные не мощно достати, толко же азбуку границу и с подтительным словы выучит, и он силу познает в книгах великую; а они не хотят учиться азбуке, да хотя и учатся, не от усердия, а он живет долго; да тем-то на меня брань бывает от их нерадения, а моей силы нет, что ми их не учив ставити.

А яз того для бью челом, государю, чтобы велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благословеньем, то дело исправится; а ты бы, господин отец наш, государем нашим, а своим детем великим князем печаловался, чтобы велели училища учинити...

А се мужики невежи учат робят да речь ему испортит, да первое изучит ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денег, а завтрена также, а и свыше того, а часы то особно, да те поминки опроче могольца, что рядил от него; а от мастера отидет, и он ничего не умеет, толко-то бредет по книге, а церковного постанья ничего не знает. Только ж государь укажет псалтырю с следованием изучити, да и все, что выше писано, да что от того укажет имати, ино учащимся легко, а сяк не смеют огуряться. А чтобы и попов ставленных велел учити, занеже то нерадение в землю вошло, и только посышат то учащиися, и они с усердием примут учение. А ныне у меня побежали ставленники четьыре, Максимко, да Куземко, да Офоноско, да Омельяно мясник, а тот с неделю не поучився, ступил

прочь с ними ж; а и православны ли те будут? По мне, ино те непригожи в попы; о тех-то бог пророком рече: «Ты разум мой отверже, аз же отрину тебе, да не будеши мне служитель». И ты бо, господин отец наш, государем великим князем печаловался; а яз твой сын, тебе, своему господину отцу, челом Бию...

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. - Т. I. - СПб., 1841 - С. 146-148

Приложение 3

Постановления «Стоглава» об обучении и училищах

Глава 25. О дьяцех, хотящих во дьяконы и в попы ставитися. О ставленниках, хотящих во дьяконы и в попы ставитися, а грамоте мало умеют; и святителем их поставити – ино сопротивно священным правилом, а не поставити – ино святяты церкви без пеня будут, а православные хрестьяне без покояния умирати. И святителем избирати по священным правилам – в попы ставити 30 лет, а в диаконы 25 лет; а грамоте бы умели, чтобы могли церковь божию содержать и детей своих духовных, православных хрестьян, управити могли по священным правилом. Да о том их святители истязуют с великим запрещением: почему мало умеют грамоте, и они ответ чинят: мы-де учимся у своих отцов, или у своих мастеров, а инде нам учиться негде; сколько отцы наши и мастера умеют, потому и нас учат, а отцы их и мастера их и сами потомуж мало умеют... а учиться им негде.

А прежде сего в российском царствии на Москве, и в Великом Новеграде, и по иным городам многия училища бывали, грамоте, и писати, и пети, и чести учили; и потому тогда грамоте, и писати, и пети, и чести гораздых много было. Но певцы, и чтецы, и доброписцы славны были по всей земле и до днесь.

Глава 26. О училищах книжных по всем градом. И мы о том по царскому совету собрание уложили: в царствующем граде Москве и по всем градом тем же протопопом и старейшим священником и со всеми священники и дьяконы, кийждо во всем граде... избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков, женатых и благочестивых... и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников, и у дьяконов и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священницы, и дьяконы, и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей, на учение грамоте, и на учение книжного писма, и церковного пеня псалтырнаго и чтения налойнаго, и те бы священники, и дьяконы, и дьяки избранные учили своих учеников страху божию, и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием... А учили бы есте своих учеников грамоте довольно сколько сами умеете, и силу бы им в писании сказывали, по данному вам от бога таланту, ничтоже скрывающее; чтобы ученицы ваши все книги учили, которые соборная святая церковь приемлет, чтобы потом и

впредь могли не токмо себе, но и протчих пользоваться и учить страху божию о всех полезных; также бы учили своих учеников чести и пети, и писати, сколько сами они умеют ничтоже скрывающее, но от бога мзды ожидающе, а и zde их родителей дары и почести приемлющее по их достоинству.

Труды Новгородской губернской учебной архивной комиссии. - Вып. 1. – Новгород, 1912. – С. 60-62.

Приложение 4

Азбуковники XVII века о деятельности учителя

Духовнии мои о Господи и любезная братия,
Собравшиися zde духовнаго ради наказания,
Ушеса ваша усердно ко мне приклоните,
О мудрости слову прилежно внемлите.
Которая изначала дней с Богом ... и есть и будет,
Сия в чистых душею и телом человеческих пребудеть;
Сия хощеть в ваша благочестивыя сердца вселитися,
В вечное селение со Отцем и Сыном и Духом Святым водворитися.

Аз ко онем вышеписанным тя направляю,
Книжному разумению прилежно тя наставляю.
Аз в книжном разумении даю тебе смысл
Дабы ты во благом учении был быстр.
Аз ко учению вразумляю прилежно,
Тыв сих учись всегда неотложно.
Аз тебе вся книжная любомудрие указую,
Тебе всем благим усердно и любезно наказую.
Аще в наказаниях моих пребудет,
То везде приятен будет.
«Учитель добродетельным путем ведетца,
К таковому ученик без опасения приведетца.
Учителем благая дела творятца.
Таковаго ученицы крепче держатца.
Учителя житием не искусен,
И учеником таковой гнусен;
Учителю не в пищах и питиях пребывати,
Но по заповедям проживати».

С. Митропольский. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ея возникновения на Руси до настоящего времени. - Вып. 3. – СПб., 1895. – С. 98.

*Высочайшия повеления
На подлинном Собственною Его Императорскаго Величества рукою
написано:*

«Быть по сему».

В С.-Петербурге.
1 апреля 1902 года.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛАХ ВЕДОМСТВА ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВЕДАНИЯ

I. Общия постановления

1. Церковныя школы ведомства Православнаго Исповедания имеют целью распространять в народе образование в духе Православной Веры и Церкви.

2. Церковныя школы подразделяются на: 1) начальныя, предназначаемыя для начального обучения детей и взрослых, и 2) учительская – для приготовления учителей в начальныя школы. К первым относятся школы: грамоты, церковно-приходския и воскресныя; ко вторым – второклассныя и церковно-учительския.

3. Церковныя школы содержатся полностью или частью: 1) на средства, жертвуемыя земствами, городами, обществами, сословиями, церквами, приходами, монастырями, приходскими попечительствами и братствами, благотворительными учреждениями и частными лицами, 2) на специальныя средства Святейшаго Синода, 3) на средства, отпускаемые из Государственнаго Казначейства и 4) на суммы, ассигнуемыя из губернских земских соборов в местностях, где не введены земския учреждения. Содержание воскресных школ может быть относимо лишь на средства, указанные в § 1 настоящей статьи.

4. Церковныя школы учреждаются мужския и женския. Начальныя школы могут быть учреждаемы для совместнаго обучения лиц обоого пола. В открываемыя для совместнаго обучения воскресныя школы допускаются лишь дети, не достигшия двенадцатилетняго возраста.

5. Церковныя школы предназначаются для лиц православнаго исповедания без различия состояний. В школы грамоты и церковно-приходския, с разрешения епархиальнаго архиерея, могут быть принимаемы и дети лиц инославнаго или иновернаго исповедания, а также раскольников и сектантов. Неисповедующия Православной Веры дети принимаются в школы не иначе, как по изъявлению на то согласия их родителей, или лиц, на попечении которых они находятся.

6. При начальных и второклассных школах состоят попечители и попечительницы, из лиц православнаго исповедания, содействовавших учреждению школы и жертвующих средства на ея содержание. При каждой церковно-учительской школе состоит почетный попечитель или почетная попечительница,

избираемые советом школы. Попечители и попечительницы утверждаются в этом звании епархиальным архиереем.

7. Лицам, оказавшим особые услуги в деле распространения народного образования чрез посредство церковных школ, Святейшим Сунодом может быть предоставлено звание почетного попечителя или попечительницы школы, епархии, уезда или благочиннического округа.

8. Подробные правила об условиях и порядке утверждения попечителей и попечительниц церковных школ в этом звании, а также о правах и обязанностях, с ним сопряженных, устанавливаются Святейшим Сунодом.

9. В церковных школах преподавание может быть поручаемо только лицам православного исповедания. Преподавание Закона Божия возлагается на священников, заведующих школами. В школах грамоты, церковно-приходских и воскресных к преподаванию Закона Божия – под непосредственным наблюдением и руководством заведующего школою священника – могут быть допускаемы также, с особаго в каждом случае разрешения епархиального училищного совета, и другие, кроме священников, священнослужители, причетники и лица, не рукоположенные в священный сан.

10. Преподавание в церковных школах производится по учебникам и руководствам, одобренным – по предметам Закона Божия Святейшим Сунодом, а по прочим предметам – Училищным при Святейшем Суноде Советом; в воскресных школах преподавание может происходить также и по учебникам и руководствам, одобренным Министерством Народного Просвещения.

11. При школах воскресных, второклассных и церковно-учительских для обсуждения вопросов по учебно-воспитательной и хозяйственной частям учреждаются советы, под председательством заведующих школами, из учителей и учительниц. В состав этих советов при воскресных школах входят также попечители и учредители оных. Председателями советов воскресных школ могут быть назначаемые, кроме заведующих ими, также и другие лица, по избранию епархиального архиерея.

12. При каждой учительской школе учреждается общежитие для лиц, которые изъявят желание жить при школах. В общежитиях этих учащиеся содержатся на свои средства. Размер платы за содержание в общежитии определяется советом школы.

13. Для недостаточных воспитанников и воспитанниц учительских школ могут быть учреждаемы стипендии на средства частных лиц, обществ и учреждений. В церковно-учительских школах учреждаются кроме того казенные стипендии, число и размеры коих определяются, по каждой школе особо, Училищным при Святейшем Суноде Советом.

14. Казенные стипендиаты и стипендиатки церковно-учительских школ, по окончании курса учения, обязаны прослужить на учительском поприще по

ведомству Православного Исповедания не менее пяти лет. В случае отказа от обязательной за стипендию службы или оставления ее, по собственному желанию, до истечения пяти лет, бывшие стипендиаты и стипендиатки обязаны возвратить полученные в виде стипендии суммы, без процентов, по расчету за непрослуженное время. Правило это не распространяется на казенных стипендиатов, в случае выхода их в замужество.

15. В учительския школы принимаются только лица, относительно которых удостоверено врачебным осмотром, что они не имеют физических недостатков, могущих служить препятствием к исполнению обязанностей учителя.

II. Начальныя школы

A. Школы грамоты

16. Школы грамоты ведомства Православного Исповедания открываются в приходах городских и сельских с разрешения приходскаго священника, а также при монастырях. На приходскаго священника возлагается общее заведывание всеми состоящими в его приходе учебными заведениями этого рода. Если в приходе несколько священников, то заведывание школами грамоты относится к обязанностям одного из них, по назначению уезднаго отделения епархиальнаго училищнаго совета.

17. Обучение в школах грамоты продолжается два года.

18. Воспитанники и воспитанницы школ грамоты обучаются: Закону Божию (молитвам, священной истории и краткому катахизису), чтению церковно-славянскому и русскому, письму, четырем правилам арифметики и церковному пению.

19. Учащие в школах грамоты избираются преимущественно из лиц, окончивших курс второклассных школ, или имеющих свидетельство на звание учителя начального училища. К преподаванию в сих школах могут быть допускаемы, кроме того, члены причта приходской церкви, а также другия лица, признанные уездным отделением епархиальнаго училищнаго совета способными к педагогической деятельности.

B. Церковно-приходския школы

20. Церковно-приходския школы открываются при церквях и монастырях с разрешения епархиальнаго училищнаго совета.

21. Церковно-приходския школы могут быть одноклассныя и двухклассныя. Курс учения в одноклассных школах продолжается три года, а в школах для детей инородцев и в тех, где это будет признано необходимым епархиальным архиереем, четыре года. Курс в двухклассных школах продолжается пять лет.

22. В церковно-приходских школах принимаются дети в возрасте от восьми лет.

23. В церковно-приходских школах преподаются следующие предметы: 1) Закон Божий (молитвы, священная история, объяснение богослужения и краткий катехизис); 2) церковное пение; 3) церковно-славянская грамота; 4) русский язык; 5) письмо; 6) начальная арифметика и 7) рукоделие (для девочек). В двухклассных школах, сверх того, преподаются: краткая церковная и отечественная история, география, в связи с краткими сведениями о явлениях природы, черчение и, по возможности, рисование.

24. При церковно-приходских школах, с разрешения епархиального училищного совета, могут быть открываемы дополнительные во вне-учебное время уроки в пределах учебного курса, а также устраиваемы в школьных или иных помещениях уроки для взрослых, народные чтения и собеседования и курсы для обучения церковному пению и ремеслам.

25. Заведывание церковно-приходской школою возлагается на приходского священника. Если в приходе несколько священников, то заведывание школою относится к обязанностям одного из них, по назначению епархиального училищного совета.

26. Учащиеся в церковно-приходских школах избираются из лиц, имеющих свидетельство на звание учителя и учительницы начальных школ, или окончивших курс средних и высших учебных заведений. При недостатке таких лиц, к преподаванию в одноклассных церковно-приходских школах допускаются наиболее успешно окончившие курс второклассных школ и другие лица, признанные способными к педагогической деятельности уездными отделениями епархиальных училищных советов.

В. Воскресные школы

27. Обучение в воскресных школах ведомства Православного Исповедания производится по воскресным и праздничным дням во вне-богослужбное время.

28. Воскресные школы открываются с разрешения епархиального училищного совета и когда оне учреждаются при фабриках или заводах, - по сношении с губернским начальством.

29. В воскресные школы принимаются для обучения как дети, так и взрослые.

30. Обучение в воскресных школах производится в объеме курса одноклассных церковно-приходских школ. При воскресных школах, с разрешения епархиального училищного совета, могут быть открываемы рукодельные классы и уроки черчения и технического рисования.

31. Заведывание воскресной школою возлагается на священника, по назначению епархиального училищного совета.

32. К преподаванию в воскресных школах допускаются лица, имеющие право преподавать в одноклассных церковно-приходских школах, на основании статьи 26.

33. Учащие в воскресных школах избираются теми учреждениями, обществами или лицами, на средства коих школы содержатся (ст. 3 п. 1), но допускаются к преподаванию не иначе, как с разрешения епархиального училищного совета, по предварительном сношении с губернским начальством.

III. Учительския школы

A. Второклассныя школы

34. Второклассныя школы имеют целью готовить учителей и учительниц для школ грамоты.

35. Второклассныя школы открываются с разрешения Училищного при Святейшем Синоде Совета.

36. Во второклассныя школы принимаются окончившие курс в начальных учебных заведениях и имеющие от 13 до 17 лет от роду. В женския второклассныя школы разрешается принимать и получивших домашнее образование. Поступающим в школы производится поверочное испытание.

37. Курс учения во второклассных школах продолжается три года.

38. Во второклассных школах преподаются следующие предметы: 1) Закон Божий, 2) церковная история, общая и русская; 3) церковное пение; 4) русский язык; 5) церковно-славянский язык; 6) отечественная история; 7) география, в связи с сведениями о явлениях природы; 8) арифметика; 9) геометрическое черчение и рисование; 10) дидактика; 11) начальныя практическия сведения по гигиене; 12) чистописание и 13) рукоделие (в женских школах).

39. В курс второклассных школ, с разрешения епархиального училищного совета, может быть введено обучение иконописанию, музыке, ремеслам и сельскому хозяйству, в виде дополнительных уроков, а также могут быть открываемы особые курсы по этим предметам и по церковному пению с музыкою.

40. При второклассных школах состоят одноклассные церковно-приходския школы для практической подготовки воспитанников к преподаванию.

41. Заведование каждою второклассною школою возлагается на священника, по назначению епархиального училищного совета.

42. Учители и учительницы второклассных школ избираются из лиц, окончивших курс в церковно-учительских школах или в средних и высших учебных заведениях, и назначаются на службу епархиальным училищным советом.

43. Выпускныя испытания ученикам и ученицам второклассных школ производятся советом школы. При производстве сих испытаний в совете предсе-

дательствует назначаемый епархиальным училищным советом наблюдатель (епархиальный или уездный) или член епархиального училищного совета, либо уездного его отделения.

44. Успешно окончившим курс второклассных школ выдаются советами оных (ст. 43) свидетельства на звание учителя или учительницы школ грамоты.

45. Окончившие курс второклассных школ и с успехом обучавшие не менее двух лет в церковных школах имеют право на получение звания учителя или учительницы церковно-приходской школы по сокращенному испытанию, производимому на основании правил, устанавливаемых Святейшим Синодом.

Б. Церковно-учительские школы

46. Церковно-учительские школы имеют целью готовить учителей и учительниц для начальных училищ всех разрядов.

47. Церковно-учительские школы открываются Святейшим Синодом.

48. В церковно-учительские школы принимаются молодые люди и девушки в возрасте от 15 до 17 лет, окончившие курс второклассных школ или иных учебных заведений, курс коих не ниже курса второклассных школ. Окончившие второклассные школы подвергаются поверочному испытанию, а поступающие из других учебных заведений – полному испытанию в объеме курса второклассных школ.

49. Курс учения в церковно-учительских школах продолжается три года.

50. В церковно-учительской школе преподаются следующие предметы: 1) Закон Божий; 2) церковная история, общая и русская; 3) дидактика и главные основания педагогики; 4) церковное пение, с обучением регентованию и музыке; 5) церковно-славянский язык; 6) русский язык, словесность и история литературы; 7) история всеобщая и русская; 8) география всеобщая и география России; 9) математика: арифметика, главные основания геометрии и землемерие; 10) сведения о природе, ее силах и явлениях; 11) черчение и рисование; 12) гигиена и 13) рукоделие (в женских школах).

51. В курс церковно-учительских школ, с разрешения Святейшего Синода, может быть введено обучение иконописанию, ремеслам и сельскому хозяйству, в виде дополнительных уроков, а также могут быть открываемы особые курсы по этим предметам и церковному пению с музыкою.

52. Для практической подготовки учащихся во втором и третьем классах церковно-учительских школ к преподаванию, при них состоят двухклассные церковно-приходские школы.

53. Заведывание церковно-учительскою школою возлагается Святейшим Синодом, по представлению епархиального архиерея, на священника, получившего высшее богословское образование и не имеющего прихода.

54. Учащиеся в церковно-учительских школах избираются из лиц с высшим или средним образованием и назначаются: лица священного сана – Святейшим Сунодом, а лица светския – Училищным при Святейшем Суноде Советом, по представлению епархиального архиерея.

55. Выпускные испытания ученикам и ученицам церковно-учительских школ производятся советом школы. При производстве сих испытаний председательствует в совете епархиальный наблюдатель или один из членов епархиального училищного совета, назначаемый епархиальным архиереем.

56. Окончившим курс церковно-учительских школ с отличием выдаются советами школ (ст. 55) аттестаты, а остальным – свидетельства, предоставляющие право на звание учителя или учительницы начального училища.

IV. Права и преимущества церковных школ, учащих и учащихся в них

57. Двухклассным церковно-приходским и учительским школам предоставляется приобретать в собственность недвижимыя имущества, необходимыя им для выполнения их учебных целей: первым – с разрешения епархиального училищного совета, а вторым – Училищного при Святейшем Суноде Совета.

58. Советы учительских школ имеют особую печать губернского образца с надписью: совет такой-то учительской школы.

59. Попечители и попечительницы церковных школ могут быть представлены к Высочайшим наградам.

60. Почетным попечителям церковно-учительских школ из лиц, пользующихся правами государственной службы, присваивается VIII класс по должности и мундир VIII разряда ведомства Православнаго Исповедания. Лица эти считаются состоящими на государственной службе зауряд без права на получение содержания и пенсии. Тем из почетных попечителей, которые не имеют права вступать в государственную службу, присвоивается лишь право на ношение мундира.

61. Учителям учительских школ предоставляются права и преимущества, присвоенныя учебной службе по Министерству Народнаго Просвещения, но без права на получение пенсий при службе и пятилетних прибавок к пенсии.

62. Учительницы учительских школ пользуются правом на пенсию по учебной службе, но на них не распространяется действие статей 322, 323 и 343 устава о пенсиях и единовременных пособиях (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

63. Учителям школ грамоты из крестьян, не имеющим учительскаго звания, а также попечителям церковных школ из крестьян, предоставляются преимущества, присвоенныя лицам волостного, сельскаго и гминнаго управления (§§ 1 и 2 ст. 124 общ. пол. крест.; особ. прил. зак. о сост., т. IV свод. зак., и ст.

252 учр. упр. губ. Царства Польскаго, изд. 1892 г.).

64. Воспитанники учительских школ во время прохождения курса освобождаются от всех лежащих на них натуральных и личных повинностей, кроме воинской.

65. Окончившие курс учительских школ, за успешное исполнение в течении двенадцати лет обязанностей учителя начальных школ, возводятся в звание личного почетного гражданина, по представлениям о том их начальства, в установленном порядке.

Подписал: За Председателя Государственного Совета

Граф Сольский.

Народное образование. - 1902. - Кн. 5-6, май - июнь. - С. 443 - 451.

Приложение 6

На подлинных Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

В С.-Петербурге.

1 апреля 1902 года.

ШТАТЫ

УЧИТЕЛЬСКИХ ШКОЛ ВЕДОМСТВА ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВЕДАНИЯ

І. Штат второклассной школы

	Число лиц.	Содержание в год.	
		Одному.	Всего.
		Рубли	
Заведующий школою священник	1	360	360
Старший учитель	1	540	540
Учители	2	480	960
За преподавание пения	-	-	200
На библиотеку и учебныя пособия	-	-	140
На содержание учеников в общежитии	-	-	200
На содержание здания и прочие расходы	-	-	600
Итого	-	-	3000

II. Штат церковно-учительской школы

	Число лиц.	Содержание в год.	
		Одному.	Всего.
		Рубли	
Заведующий школою священник	1	1500	1500
Учители общеобразовательных предметов	3	-	2700
Учитель пения и музыки	1	600	600
Врач	1	-	-
На библиотеку фундаментальную и учебную	-	-	300
На наем прислуги, отопление, освещение, ремонт, страхование и содержание здания	-	-	1500
На учреждение казенных стипендий	-	-	2800
За ведение хозяйства и письмоводства	-	-	200
На медицинскую помощь	-	-	300
На мелочные расходы	-	-	100
Итого	-	-	10000

Примечания.

1) Учителям с высшим образованием как второклассных, так и учительских школ присваивается VIII класс по должности и VIII разряд по шитью на мундире, а с средним – X класс и разряд. В церковно-учительских школах учителям с высшим образованием назначается содержание в 900 руб., а с средним – в 750 руб. в год. Врачу при церковно-учительской школе предоставляется VIII класс по должности и VIII разряд по шитью на мундире.

2) Пенсии служащим в учительских школах производится из средств государственного казначейства, с применением ст. 242 свода уставов о пошлинах, изд. 1893 г., из следующих окладов: старшему учителю второклассной школы – 360 руб., прочим – 320 руб., учителям общеобразовательных предметов церковно-учительских школ с высшим образованием – 600 руб., с средним – 400 руб., учителям пения и музыки тех же школ – 300 руб.; заведующему второклассными школами – 360 руб. и церковно-учительской – 750 руб., причем заведующему школою священнику, выслужившему пенсию по епархиальной и по учебной службе, производится та из них, которая выше.

3) Остатки по одной статье сих штатов могут быть расходуемы советами школ, с разрешения епархиального училищного совета, на потребности по другим статьям.

4) К женским учительским школам применяются штаты мужских школ, при чем старшей учительнице второклассной школы назначается содержание в размере 480 руб., а младшим – по 360 руб.; старшей учительнице церковно-учительской школы – 600 руб., а младшим – по 500 руб. Пенсии учительницам второклассных школ назначаются из оклада в 200 руб., а церковно-учительских – из оклада в 300 руб. На обучение рукоделию во второклассных школах отпускается по 300 руб., а церковно-учительских – по 400 руб. в год.

Подписал: За Председателя Государственного Совета

Граф Сольский.

Народное образование. - 1902. - Кн. 5-6, май - июнь. - С. 452 - 453.

Приложение 7

ИЗ ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

К вопросу о местных средствах к содержанию
церковно-приходских школ

В Высочайше утвержденном 12 мая 1897 года мнении Государственного Совета указано об отводе сельским начальным школам казенных земельных участков и о безденежном отпуске для них леса на постройку, ремонт и отопление. Вот основные положения Закона 12 мая 1897 года касательно данного предмета.

А) Училищам (Министерским, Земским и Церковным), представляющим необходимые условия прочного существования, могут быть отводимы земельные участки для хозяйственных и педагогических надобностей училищ, и равно учащих и учащихся в них.

Б) Ходатайства об отводе участков могут быть возбуждаемы лицами, стоящими во главе училищ, а равно лицами и учреждениями, которым вверено попечение об училищах, или на счет коих училища содержатся.

В) Означенные ходатайства направляются к учебному начальству в ведении коего состоят школы (в Епархиальный Училищный Совет или к директору народных училищ, по принадлежности). Это начальство, войдя предварительно в сношение с местным управлением Государственных Имуществ, направляет поступившее ходатайство, с своим заключением, а Министерство Земледелия и Государственных Имуществ.

Г) При наличности вблизи училища свободных оброчных статей и мало-важных лесных площадей, - Министр Земледелия и Государственных Имуществ, признав поступившее ходатайство заслуживающим уважения, разрешает отвод училищу, из состава означенных угодий, земельного участка пространством до трех десятин.

Д) В случае неимения казенных свободных угодий вблизи училища, Министру Земледелия и Государственных Имуществ предстает образовать земельный для училища участок в три десятины посредством добровольного промена упомянутых казенных угодий, в размере не свыше 15 десятин, на находящиеся в близком от училища расстоянии, хотя бы и меньшего размера, земли частных лиц или учреждений, а равно крестьянские надельные.

Е) Когда окажется надобность в отводе тому или другому училищу земли в большем размере, Министр Земледелия и Государственных Имуществ спрашивает каждый раз Высочайшее на сее соизволение чрез Комитет Министров.

Ж) Кроме земли на начальныя народныя школы, с разрешения Министра Земледелия и Государственных Имуществ, может быть безденежно отпускаем казенный лес: а) растущий – на постройку и ремонт зданий и б) валежный, лежащий, сухостойный и поврежденный – на отопление.

Таким образом на долю непосредственных школьных деятелей остается только удостоверить, что открываемая или открытая ими школа имеет твердыя основания к своему будущему существованию; что она нуждается в лесе на постройку, на ремонт, на отопление; что она нуждается также в земельном участке, который может быт так или иначе использован; что казенныя участки земли и леса находятся не вдалеке от школы, а если и вдалеке, то в отношении земли можно совершить обмен отведенной казенной земли на три десятины общественной или церковной земли, а в отношении леса, - можно перевести его на бесплатных мирских подводках или же по удешевленному (для школ) железнодорожному тарифу, что и составит значительную экономию для строящейся или ремонтирующей школы, а равно для ея отопления. Удостоверивши же все это, необходимо только послать соответствующее ходатайство в Епархиальный Училищный Совет, и этим будет исчерпана вся миссия непосредственных школьных деятелей и использованы школою вышеуказанные источники.

Свящ. В Фиалкин.

Народное образование. – 1903. – Кн. 12, дек. - С. 519 – 520.

Приложение 8

Речь О.Ю. Витте в Государственном
Совете в апреле 1912 года

«В последние годы, я имел удовольствие довольно долго проживать в стране, в высшей степени симпатичной, в высшей степени культурной, в стране великой по своей истории, по своему нынешнему положению, наконец, в стране нам в особенности дорогой потому, что эта страна является нашим искренним союзником, но я и там, при всем глубоком уважении к этой нации, встречал то явление, которое меня удивительно поражало и которое есть вандализм XIX – XX века. Те, которые бывали в этой стране и имели, напр., случай посещать древние монастыри, которые имеют за собою историю и с которыми, можно сказать, связана история этой страны, – монастыри, кото-

рые еще так недавно представляли центр различных культурных проявлений, монастыри, которые имели влияние на быт, не только на материальный быт, но и на всю умственную складку местного населения, – об этом знают. Когдаходишь в эти монастыри и видишь голые стены и полуоборванного служителя, который вам показывает и указывает на различные имена, всем известные, – что тот был в такой-то келье, а тот в такой-то, а тот похоронен там-то, – понимаешь, что это вандализм. Я, будучи раз в таком монастыре около , слышал такой отзыв иностранца по отношению к нашим друзьям, – иностранца, который принадлежал к нации, очень просвещенной и передовой, – именно он был англичанин, и он сказал: какой вандализм! Потому что действительно надо быть вандалом, чтобы уничтожать такие памятники культуры, над которой работали целые поколения, ради какой-то фикции, ради какой-то мысли о возможности существования государства, совершенно независимо от церкви. Должен сказать откровенно, что в моих глазах вопрос об уничтожении или умалении церковно-приходских школ есть тоже проявление культурного вандализма. Я имел случай многократно обсуждать вопрос о церковно-приходских школах в различных коллегиях и даже в прежнем нашем высоком собрании Государственного Совета, и должен засвидетельствовать, что почему-то никогда церковно-приходские школы не пользовались особыми симпатиями. Средства хотя и ассигновывались, но больше потому, что было известно, что наши Монархи держатся совершенно противоположных взглядов и настолько убежденных, что никакие обстоятельства поколебать их убеждений в этом вопросе не могут. Вот теперь, при новом строе государства, опять мы столкнулись с этим вопросом, причем и в данном случае я нахожу, что проявляется то, что я, может быть, не совсем правильно, назвал вандализмом, прибавлю только, что в данном случае проявление это хитроумное. Недавно мы разматривали вопрос об ассигновании средств для того, чтобы в течение известного периода, приблизительно в 10 лет, ввести всеобщее обучение. Нам никогда никто не говорил и не скажет, что вот мы против церковно-приходских школ, что они вредны, что их надо уничтожить. Обыкновенно говорят: да, церковно-приходские школы, может быть, и хороши, а затем сейчас же ставят десять барьеров, которые те, которые желают проводить церковно-приходские школы, должны брать. Точно также и по вопросу об ассигновании средств я не слышал соображений по существу против, нам говорили только: вопрос этот отдельный, мы сочувствуем ему, но обсуждать будем отдельно, вы отложите, ассигнуйте деньги на всеобщее образование посредством светских школ, а дальше увидим – представте такая-то и такая-то соображения. А я, так как был, да и до сих пор являюсь чиновником, знаю, что значит представить соображения: каждого директора департамента я могу замучить, если не согласен с ним, тем, чтобы он представлял мне те,

или другая, или третья соображения. Вопрос стоял так: - дайте приблизительно 10.000.000 руб. на всеобщее образование, а 1.000.000 руб. на церковно-приходские школы. Нам говорят, мы дадим этот 1.000.000 руб., вы только представьте такая-то и такая-то соображения, а потом дадим, мы вам не отказываем. В конце концов Государственному Совету все таки угодно было громадным большинством выразить полное сочувствие всеобщему обучению и сказать, что на всеобщее обучение ассигнуется сумма такая-то, кажется, 11.000.000 руб., и вы давайте на церковно-приходские школы 1/10. Я не знаю официально о дальнейшем ходе этого дела, но из газет я знаю, как мы все, что дело чем-то затормозилось и стоит. Говорят, что мы теперь распускаемся, явится новая сессия Думы, мы представили все, мы хотели ввести всеобщее обучение и представили соображения, но Государственный Совет затормозил. Но это неправильно, по крайней мере постольку, поскольку это касается вопроса об ассигновании средств. Этот вопрос заторможен именно тем, что я называю вандализмом XX века, т.е. какими-то принципами, которых никто не досказывает. По крайней мере я никогда не слышал никаких доводов против церковно-приходских школ, - единственный довод был тот, что мне говорили: Вы знаете, я жил больше года в деревне, так там был такой-то священник, который пил. Вот потому он и против церковно-приходских школ. Других доводов принципиальных я в течение моей государственной службы никогда ни от кого не слышал и здесь с кафедры не слышал, потому что их нет, а есть только психическое состояние против этих школ. Как известныя лица не могут переносить известной атмосферы, известнаго запаха, так есть известная категория людей, зараженных психическим состоянием, которые говорят: церковно-приходских школ ни за что не хотим, и только. Я назвал это вандализмом, и этот вандализм очень хитроумный, и вот почему. Когда представляли первый закон о всеобщем обучении, т.е. об ассигновании средств, то тогда говорили, что мы деньги ассигнуем, только представьте цифровыя соображения и данныя. Но тогда не упоминали о том, что есть другой законопроект, который пойдет дальше. А дальше через три недели пришел к нам этот законопроект, который в сущности статьею 21 всю жизнь церковно-приходских школ, все существование их безусловно уничтожает. Следовательно, если бы мы приняли первый законопроект, т.е. пошли бы на тот путь, который нам предлагали и который я называю хитроумным, а именно, так как нам обещали дать денег, то мы будем говорить только об ассигновании на обыкновенныя школы, а о церковно-приходских умолчим – то попались бы в западню, а именно, когда пройдет второе положение, то нечего будет говорить о церковно-приходских школах так, как мы их понимаем, потому что их не будет больше существовать. Я собственно уверен, безусловно уверен, что никогда не будет, чтобы церковно-приходские школы были, если можно так выразиться – я не

нахожу выражения русского и употреблю иностранное слово – денатурированы, потому что статьею 21 оне денатуризовываются, оне перестают быть церковными, как понимает их всякий православный человек.

Если мы обратимся, говорит он, к разным нашим инородцам, обратимся прежде всего к инородцам самага низшаго разряда – к евреям, я не думаю, чтобы я мог услышать от какого-нибудь еврея о том, чтобы он не дорожил тем, чтобы раввин принимал участие в воспитании детей, напротив каждый еврей этим очень дорожит, он считает, что раввин должен иметь влияние на его детей. Я позволю себе обратиться к другим национальностям, представители которых находятся здесь, и я убежден в том, что ни один из них, например, католик никогда не скажет, чтобы церковно-приходския школы, если бы им можно было разрешить их в их смысле, т.е. если бы оне были, я скажу, не польския, но совершенно католическия, - никогда не скажут, что их следует уничтожить; напротив, он будет их поддерживать, потому что он националист и потому что и еврей националист, то же самое я буду говорить о всех решительно других национальностях, буду говорить положим, о национальности мусульманской. Это для всех одинаково. А вот мы представляем собой националистов такого рода, что, благодаря предначертаниям наших Монархов и работе нашего поместнаго духовенства, у нас основалась громаднейшая сеть церковно-приходских школ, и эта церковно-приходская школа совершенно не дает многим лицам покоя. Непременно нужно их как-нибудь уничтожить. О деньгах говорят – денег не давать, когда начинается речь о школе, не говорят прямо «уничтожьте их», нет, вводят статью 21, которая, собственно говоря, сущность этих школ вполне и безусловно уничтожает. Вот я и нахожу, что мы находимся, в настоящее время, в таком особом состоянии, в котором мы видим, что в России что-то такое разстроено, но ищем лечения в различных каких-то новых идеях, как, например, идее какого-то новаго национализма.

Я на государственной службе, на высших постах нахожусь уже скоро 23-24 года. На моих глазах прошла галерея Министров Народнаго Просвещения. Я помню и графа Д.А. Толстого, и барона Николаи, и Сабурова, и графа Делянова, и Боголепова, и Ванновскаго, и Зенгера, и генерала Глазова и затем высокоуважаемаго моего коллегу гр. И.И. Толстого, и засим после этого многуважаемаго присутствующаго здесь члена Государственнаго Совета фон-Кауфмана, члена Государственнаго Совета Шварца и нынешняго высокоуважаемаго Министра Народнаго Просвещения, и я задаю себе вопрос, что у них было ли что-нибудь общее в их понимании задач народнаго просвещения настолько, насколько это выражалось в их действиях? И я говорю: ничего. Каждый смотрел по-своему, следовательно, если, например, эту школу народную устраивал бы многуважаемый мой коллега, котораго я искренно уважаю, граф И.И. Толстой, он бы устроил ее, проведя один принцип. Ны-

нешний Министр Народного Просвещения, которого я не имею никакого основания не уважать, конечно, провел бы диаметрально совершенно противоположный принцип. Очень может быть, что теперешние принципы были бы лучше, нежели те. Я не берусь судить, но только я должен сказать, что по отношению к школам это ужасно, это возмутительно, когда нет преемственных идей, которые бы вели народное образование, а следовательно, будущность всего русского народа, - будущность его истории. Между тем, обратитесь к церковно-приходской школе. Можно иметь различные мнения о высших пастырях наших душ, но, тем не менее есть одни высшие принципы, которые известны всякому христианину, которые будут общими всегда для всех, и если я за это время переберу Обер-Прокуроров, то я найду, что в административных действиях они, может быть, рознятся, но в сущности, в самом существе дела, они не могут быть иными, потому что церковно-приходской школой управляет в основе принцип, который выше тех или других поколений, тех или других людей, тех или других веяний. Поэтому я не обращаюсь в результате ни к каким просьбам, потому что безусловно верю, что нет такой силы, которая бы уничтожила ту громадную организацию, которая ныне действует по всей России, принося громадную пользу, церковно-приходскую школу».

Народное образование. – 1912. – Кн. 4, апрель. – С. 490 – 493.

Приложение 9

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

I. Необходимость религиозно-нравственного воспитания детей

Закон Божий в начальной школе занимает определенное место, но взгляд на его значение среди других предметов и на характер его преподавания нельзя считать установившимся. Школа в своей деятельности должна считаться прежде всего с требованиями родителей учащихся: она продолжает домашнее воспитание и обучение и берет на себя обязанности, добровольно передаваемые ей родителями. Школа должна считаться и с лучшей частью общества, идущаго во главе просвещения всего народа. Поэтому, при определении значения отдельного предмета в курсе начальной школы и задач его преподавания нельзя исходить из общих отвлеченных положений, а необходимо обратиться к самой жизни и ее запросам.

Православный русский народ глубоко религиозен. В нем нет пристрастия к блестящей религиозной внешности, какое наблюдается у народов католи-

ческого вероисповедания. Русский человек скромен в выражении своих религиозных чувствований, но вся его жизнь, весь быт – глубоко проникнуты верою в Бога. Всякое важное дело свое крестьянин освящает общественной молитвой, всякую работу он начинает крестным знаменем. Горячая вера дает православному народу силу и твердость в перенесении самых тяжелых бедствий. Самую смерть русский человек встречает без страха и смятения. Безкорыстность, великодушие и душевная простота нашего народа не имеют себе равных у других великия жертвы за спасение Европы и освобождение славян вызывали и всегда будут вызывать удивление всего света. Русский солдат, изумительный в своем смирении и нетребовательности, поражает своих противников беззаветной храбростью и мужеством, лишенными рисовки и хвастовства.

Отсюда понятно, какия требования предъявляют к школе родители наших учащихся. Образование, по народному мнению, прежде всего не должно разрушать деревенских устоев. На сходах, при обсуждении вопросов об открытии школ, старики неприменно выражают опасение, что школа испортит ребят: перестанут родителей слушаться, в церковь ходить и посты соблюдать. Боятся не образования, не света, а тех неопытных носителей просвещения, которые не желают считаться с народными убеждениями и вносят в быт деревни новыя черты. Крестьяне любят школу, обучающую детей церковному пению, украшающему богослужение, любят слушать хорошее чтение своих детей в храме и дома, любят видеть в детях вежливость к старшим и благопристойность. Они дорого ценят учителей и учительниц, не ломающих их религиозных привычек, и очень быстро определяют настроение деревенских педагогов. Правда, терпимость простого человека к чужим убеждениям почти безгранична, но тем хуже делают злоупотребляющие этим прекрасным качеством деревенского обитателя.

Называя эти известные учащим факты и оттенки религиозныя требования народа по отношению к школе, я не хочу умалять или замалчивать другия стороны народных чаяний от школы. Народ любит и художественное чтение, и хорошее толковое письмо, и легкий быстрый счет. Чем больше развивается просвещение в деревне, тем выше становятся народныя требования к школе во всех отношениях. Народу нужно всестороннее просвещение, а не одно только религиозное. Своими указаниями на религиозныя требования народа я хотел только установить, что начальная школа не может отрицательно относиться к Закону Божию и православно-христианскому воспитанию детей. В настоящее время у нас и церковныя и светскія школы имеют одинаковыя почти программы по Закону Божию и одинаковых по положению законоучителей. Было бы большим заблуждением считать возможным изгнание религиознаго преподавания из начальной школы. Народ не потерпит такой школы

и сам возвратит ей то, что он считает неотъемлемой частью образования – изучение Закона Божия. Случается и теперь, когда школа временно почему-либо остается без преподавания Закона Божия: или законоучитель перестанет посещать уроки, или начальство забудет назначить нового, – в этих случаях крестьяне неизменно выражают свое неудовольствие, и епархиальное начальство ежегодно получает по несколько жалоб подобного рода.

Однако, могут сказать, что требования невежественного народа не могут быть обязательными для руководителей общественной жизни и при этом укажут на массу суеверий в простом народе, на грубость семейных нравов, на хозяйственную отсталость нашего земледельца. Все это такие черты в народном быту, с которыми должно бороться просвещение. Но между этими сторонами в жизни русского народа и его религиозными устоями громадная разница. В глубокой религиозности и преданности народа православной вере – его главная сила, собравшая воедино вокруг Москвы обширнейшее в мире государство, – сила, сохранившая государственную самобытность нашей нации во время самых жестоких испытаний – при нашествии татар, в Смутное время, в Отечественную войну. Эту силу народ знает в себе и ценит, твердо уверенный в неодолимости своего православного государства. А суеверия, грубость и хозяйственную отсталость и народ сам считает проявлениями своей слабости, а не силы. Крестьяне охотно и легко бросают суеверные обычаи, когда им умело разъясняют их нелепость. Крестьянская масса радуется запрещению пьянства, с которым – надо надеяться – исчезнет большая половина грубости нравов. Еще охотнее и быстрее крестьяне расстаются со своей сохой и серпом, при первой возможности купить плуг и косилку. Ведя борьбу с темными сторонами народной жизни, школа найдет себе сочувствие в крестьянской массе, а не то противодействие, которое встречают попытки лишить детей религиозного просвещения.

Впрочем, все эти факты и соображения остаются не убедительными для той части русского общества, которая успела утратить национальные идеалы, зеленые представители которой всегда стыдились всего русского и во время великой всемирной войны успели заявить себя «пораженцами». История русской интеллигенции, очень долгое время не имевшей возможности свободно развиваться и работать для пользы родного народа, сложилась исключительно несчастливо. Не находя дома применения своим силам, часть русского образованного общества в течение почти целого века отрывалась от родной почвы, теряла с нею связь и становилась по убеждениям интернациональной. Эта оторванность сказывалась в презрительном отношении к своим самобытным идеалам и ко всему народному быту. Отрицание религии и государства нередко принимало самые резкие формы. Безбожие и анархизм одно время сделались модными среди русской учащейся молодежи. Госу-

дарственные заслуги Церкви основательно замалчивались. С идеалами и характером самого народа не хотели считаться. Религиозные влияния отождествляли с правительственной властью, относясь отрицательно к тому и другому. Перед глазами был пример клерикального направления на Западе, ошибки которого всецело переносились на православие, которому и была объявлена непримиримая война. Отсюда ненависть к церковной школе и гонение на нее, отсюда стремление сократить число уроков Закона Божия в светской школе и сделать необязательными для учащихся религиозные отправления.

Все эти следы ненормального развития нашей интеллигенции постепенно исчезают с улучшением условий нашей общественной и государственной жизни. Огненное испытание нашего государственного организма в течение войны уже успело возратить к Церкви многих, случайно охладевших к ней. Посторонние примеси сгорают бесследно, и из огня выкристаллизовывается чистая и святая, великая душа русского народа, одушевленного несокрушимой православной верой, объединяющею и ученых, и неученых, и простых, и знатных. Смолкли выпады против религиозного преподавания. Уже не слышно речей о православном клерикализме.

Начальная школа не была и не может быть орудием политических партий. Она – начальная, т.е. дающая основные образовательные знания, в состав которых непременно входит религиозное преподавание, соответствующее семейному и его продолжающее.

II. Религия – основа нравственного воспитания

На Западе, где начальная школа обнимает период детской жизни более продолжительный, - в 6-ть и даже 8 лет, были и доселе продолжают попытки изгнать религию из школы. Преподавание Закона Божия заменяется изучением моральных правил, основанных на примерах из жизни и разсудочных соображениях. Без сомнения, такая мораль оставляет очень незначительный след в душе людей, которые еще неспособны к самостоятельной нравственной оценке своих поступков. Развитие нравственного чувства наступает позднее умственного развития. Детей школьного возраста нельзя убедить в несомненном превосходстве добра на основании одних примеров из жизни и теоретических разсуждений. Дети преклоняются пред авторитетом сначала старших членов семьи, затем своих воспитателей и любимых товарищей, но среди тех и других могут встречаться лица, достойные уважения и подражания, и, на ряду с ними, дурные и испорченные натуры. Нравственность, основанная на таких шатких началах, не может послужить основой воспитания. Необходим безусловный, никем не оспариваемый, нравственный авторитет. Необходима вера в непогрешимость и безспорную обязательность мораль-

ных требований, чтобы уклонение от этих требований считалось грехом, пороком, преступлением, чтобы не было и возможности для оправдания проступков своей злой воли. Одна только религия дает прочную основу для нравственности, потому что ее моральные требования, как исходящая от Самого Бога, не могут быть оспариваемы, не подлежат обсуждению, а должны быть принимаемы на веру, как безусловно истинные. Только вера в живого Бога, Промыслителя и Воздателя, имеет непреодолимое влияние на человека и ведет его к нравственному совершенствованию. Дети малоспособны рассуждать и почти совсем не могут сами разбираться в том, что хорошо и что дурно, но они не менее взрослых способны веровать. Их чистое сердце легко открывается для этого святого чувства, которое и становится одним из важнейших факторов воспитания. Веруя в непогрешимость требований религий, дети приучаются соблюдать их, постепенно проникаются добрыми чувствами и получают настроенность к доброму деланию.

Религия, дающая человеку определенное мирозерцание, объединяет отдельные нравственные требования в стремлении к Богу, как абсолютному совершенству. Нравственное воспитание, основанное на религии, создает цельного человека, устойчивого в своих идеалах. Наоборот, мораль, не опирающаяся на религию, создает «заплатанные характеры», по выражению Ферстера. «Простая моральная педагогика без религии», говорит он, «может всегда действовать только на отдельные недостатки и поощрять отдельные добродетели – она разрывает человека вместо того, чтобы собирать его и проводить к единству».

Нравственное воспитание, утверждающееся на религиозных началах, является одним из самых необходимых условий порядка общественного и гражданского. Религиозные положения не изменяются в угоду отдельным политическим партиям и не следуют за легко колеблемым духом времени. Наоборот, общество, отрешившееся от религии, ничем не сдерживается в своих порывах и легко меняет свои нравственные идеалы. При таких условиях моральные требования, долженствующие быть вечными и неизменными, становятся достоянием изменчивой толпы, которая сегодня поклоняется разуму, а завтра делает себе кумир из отдельной личности, потом возвращается к старым богам.

Народное образование. – 1916. – Кн. 7-8, июль – август. – С. 215 – 219.

Приложение 10

В школе у дьячка

Мне детство далекое снится:

Зимой метелица злиться

И ветер гудит у ворот,
В убогую школу учиться
Мать бедного сына ведет.

Дрожит он в худой одежонке,
Мороз ему щеки знобит:
Пред ними за речкой, в сторонке,
Где сельские жмутся избенки,
Убогая школа стоит.

Едва над лесною вершиной
Заря занималась вдали,
Как мать с своим первенцем-сыном
К той школе убогой пришли.

Мерцали две сальные свечки,
Виднелся в углу образок,
Неслись голоса, а за печкой
Трещал без умолку сверчок.

На мать и на сына взглянули
Ребята, замолкнув на миг,
И снова глаза все уткнули
На буквы священные книг.

И снова указкой водили
По темным и мудрым строкам
Иль азбуку громко твердили,
Читали ее по складам.

Учитель был славный в той школе,
Дьячок из того же села,
Куда по своей доброй воле
Мать сына учить привела.

Не долго сын бедный учился.
Учение пошло ему впрок,
Недаром им после гордился
До смерти учитель-дьячок.

Он, выйдя из школы, скитался
В нужде по большим городам,
И разуму там набирался,
И правду сказать не боялся
От сердца все добрым людям.

(1905 г. 4 февраля, д. Низовка)

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848-1930) – тверской крестьянин, подражательный стихотворец-самоучка. В редких оригинальных произ-

ведениях удачно изображал картины сельского быта. Его стихи неоднократно входили в хрестоматии для начальных училищ. (Опыты православной педагогики/Сост. А. Стрижев и С. Фомин.-М., 1993.-С.151-152).

Приложение 11

Молитва перед учением

Премагий Господи!
Низпошли нам благодать
Духа Твоего Святаго,
дарствующаго смысл и
укрепляющаго душевныя
наша силы, дабы, внимающе
преподаваемому нам учению,
возрасли мы Тебе, нашему
Создателю, во славу,
родителем же нашим
на утешение, Церкви
и Отечеству на пользу.

Молитва после учения

Благодарим Тебе,
Создателю, яко сподобил
еси нас благодати Твоея,
во еже внимати учению.
Благослови наших
начальников, родителей
и учителей, ведущих нас
к познанию блага,
и подаждь нам силу
и крепость к продолжению
учения сего.

Закон Божий / Сост. протоиерей С. Слободской.- Днепропетровск, 1993.- С.87-88 (4-е репр.изд.).

Учебное издание

Михащенко Анатолий Лаврентьевич

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Учебное пособие

Редактор Н.А. Леготина

Оригинал-макет выполнен отделом компьютерной верстки КГУ

Подписано к печати	Формат 60x80 1/16	Бумага типа №1
Заказ	Усл.п.л.	Усл.п.л
Печать трафаретная	Тираж 500	Цена свободная

Редакционно-издательский центр Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет.